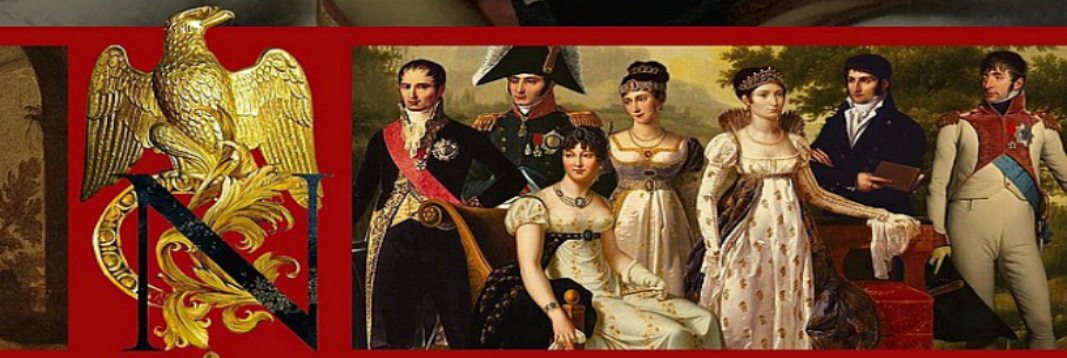
РОНАЛЬД ФРЕДЕРИК
ДЕЛДЕРФИЛД

Братья и Сестры НАПОЛЕОНА



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Р. Ф. Делдерфилда — это увлекательные жизнеописания родственников Наполеона, которые сумели подняться к вершинам власти, стали коронованными особами и породнились со многими королевскими домами Европы. Автор подробно рассказывает об их талантах, недостатках, деяниях, а также о судьбе их семей после роковой битвы при Ватерлоо, краха империи и возвращения на французский престол династии Бурбонов.

- Рональд Фредерик Делдерфилд
  -
  - Предисловие
  - Книга первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
  - Книга вторая
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
  - Книга третья
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
  - Книга четвертая
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
  - Эпилог
- notes
  - 1

Рональд Фредерик Делдерфилд
Братья и сестры Наполеона
Исторические портреты

Ronald Frederic Delderfield
The Golden Millstones: Napoleon's Brothers and Sisters

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2022
© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2022

* * *

Предисловие

Их было семеро, не считая того, кто возвышался над ними, с тех пор как был мальчиком шестнадцати лет и до дня своей смерти. Их описывали как неудачников, дегенератов, шарлатанов, мошенников и предателей; проводившаяся ими политика в качестве королей и королев характеризовалась как бессмысленная, нечестная и несостоятельная. Четыре брата предстают перед нами как клоуны, чья преданность всегда была продажной и чья неблагодарность человеку, который облачил их властью и положением, лишила смысла теорию, будто кровь гуще воды. Трех сестер обзывали шлюхами, чьи сексуальные аппетиты разжигались желанием иметь деньги. Какие только эпитеты не использовались при их описании, но все же характеры четырех братьев и трех сестер Наполеона продолжают нас интересовать. Они представляли собой как бы семь жерновов, висевших на шее самого изумительного человека в современной истории, но они были, или казалось, что были, золотыми жерновами, и их отблеск все еще достигает нас сквозь истекшие годы. Первый из них родился почти двести лет тому назад, а со смерти последнего прошло уже более века, но все же они более живы, чем многие из рассудительных, полезных и известных людей, которых мы наблюдали на прошлой неделе по телевизору.

Книга первая
Заморыши

Глава 1

Все эти обескураживающие амбиции…

Из письма Наполеона Люсьену,

Париж, 1792 год

13 июня 1793 года семья беженцев, не имевшая ничего, кроме просоленной одежды на спине, ступила на берег во французском порту Тулон, получив лишь скромное пожертвование на пропитание, которое причиталось корсиканцам, боровшимся с островитянами от имени республиканской Франции.

Трудно сказать, чье положение было более отчаянным, чем положение семьи, принявшей сторону проигрывавших республиканцев, от которых они рассчитывали получить убежище и средства на пропитание. Местные представители Конвента делали все, что было в их силах, чтобы помочь матери и ее детям, но можно ли было винить чиновников на недосмотр по столь обыденному делу в такое время? Границы Республики были окружены армиями королей и вельмож, которые бежали из Франции. Голод и крах кредитов добавлялись к денежным затруднениям внутри страны. Консервативные департаменты Запада и Юга находились либо в открытом неповиновении Республике, либо на грани выступления против нее. Победы, подобные одержанной при Вальми за восемь месяцев до этого, предотвратили крах, но контрреволюционеры в порту, куда приплыли корсиканцы, уже планировали присоединиться к ближайшему портовому городу Марселю и встать на сторону британского флота против деспотов в Париже. Будущее молодой Республики было совершенно неопределенным, а будущее мадам Летиции Бонапарт и ее семьи почти безнадежным. За ними оставалась родная земля, куда они не могли вернуться, а вся собственность, которой они располагали, оказалась в руках разъяренных паолистов. В семье из пяти сыновей и трех дочерей старшему было двадцать пять лет, а младшему еще не минуло девяти, и только один получал жалованье. Все, что он мог принести в семью, было частью содержания лейтенанта-артиллериста, составлявшего 55 фунтов стерлингов в год. Старший и третий из сыновей, Жозеф и Люсьен, не имели профессии, Луи, четвертому сыну, было только пятнадцать лет, а

младшему, Жерому, — девять. Девочки, Элиза шестнадцати лет, Полина четырнадцати и Каролина одиннадцати, были бесприданницами в лохмотьях. Но все же мадам Бонапарт, закаленная пережитыми бедствиями, при своем неистощимом мужестве не приходила в отчаяние. Немного поворчав по поводу неопрятности одежд своих дочерей, она присоединилась к своему второму сыну, Наполеону, в поисках временного пристанища, какого-нибудь коттеджа, пустующего дома, в любом месте, которое могло бы помочь семье передохнуть и подождать лучших времен.

Приблизительно в течение одного дня мадам нашла жилье сначала в Тулоне, а потом в Марселе, на четвертом этаже разрушенного аристократического дома на улице Фабур-де-Ром. Там в последующие месяцы она собирала вокруг себя свое семейство, занималась починкой одежды и уговаривала своих младших детей вести себя тихо, пока пятнадцатилетний Луи вслух читал газеты. Чиновники Конвента выплатили им жалкую дотацию. Жозеф и Люсьен скитались в поисках работы, а Наполеон, уже признанный главой семейства, принял назначение офицером, командующим артиллерией при группе бывшего художника Карто в Авиньоне. Наступали лучшие времена. Но скитальцы в Марселе были бы ошеломлены, если бы им удалось заглянуть в будущее, так как ни один сказочный персонаж не наслаждался бы такими выдающимися переменами, какие ожидали эту конкретную семью. Менее чем через десять лет самому младшему из них предстояло истратить 10 000 франков на чемоданчик, содержавший среди всего прочего бритвы, в которых он тогда не нуждался.

Направляя письмо своему брату Люсьену почти ровно за год до прибытия всего клана во Францию, Наполеон, бывший некоторое время его опорой и склонный использовать свой авторитет, критиковал парижские власти как «жалкий сброд» и комментировал общую бесполезность всех людей при попытках исправить их участь. «Каждая личность стремится к осуществлению своих собственных интересов с помощью оскорблений и поношений… все это подрывает амбиции», — жаловался он.

Это были странные замечания со стороны человека, который никогда, вплоть до последних мгновений жизни, не отказывался от амбиций и не прерывал связей с семьей, которая уже рассматривала его в качестве замены умершего отца. На протяжении всей своей жизни Наполеон Бонапарт полностью сознавал семейную ответственность и никогда, хотя бы на какой-то момент, не пытался переложить эту ответственность на плечи

других или позволить своим братьям и сестрам обрести самостоятельность. Он затрачивал огромное количество энергии, определяя развитие их личностей, направляя их карьеры, и шел порой на большой риск, охраняя их от последствий их индивидуальных или коллективных опрометчивых действий. В конце концов, именно они в куда большей степени, чем любые промахи или заблуждения с его стороны, привели к краху, но преданность корсиканской семьи оказалась более продолжительной, чем озлобленность на атлантической скале, и когда жизнь его была разрушена, он думал о ней без горечи. Существуют такие аспекты характера Наполеона Бонапарта, которые невозможно защищать, но его продолжавшаяся всю жизнь озабоченность членами своей семьи не относится к ним. От них он заслуживал лучшего, и если бы он умыл руки в отношении всех них в начале своей жизни, он мог бы получить лучший итог.

Карло Буонапарте, отец тринадцати сыновей и дочерей от Летиции Рамолино Буонапарте, умер от рака в доме своего старого друга в Монтепелье зимой 1785 года. Он оставил вдову и восемь детей (еще пятеро умерли в раннем детстве). Семья имела некоторые претензии на тосканское дворянство, а на своей родной Корсике, где собственность в несколько акров в небольшом сельском поместье среди крестьян и рыбаков уже считалась кое-чем, Карло выжимал все возможное из своего наследства. Он был неприметным человеком во всех отношениях, за исключением одного. Немногие когда-либо проявляли большее рвение в выпрашивании покровительства, чем это делал он.

Карло обладал темпераментом, который дополнялся приветливостью и хорошим внешним видом. Он был средиземноморским Микаубером[1], и если бы ему не выпала удача или не досталось бы приличное состояние, чтобы жениться на замечательной девушке, когда ей было пятнадцать лет, сомнительно, чтобы мир вообще когда-либо познакомился с фамилией Бонапарт. Преисполненный наилучшими намерениями и искренне довольный всем, Карло так и не оправдал надежд, которые он подавал в ранней молодости. Разбираясь в потоке его петиций и претензий к властям, невозможно удержаться от ощущения, что это был персонаж, чья леность стала основной причиной его провала как человека и как отца.

Карло получил юридическое образование и использовал свои профессиональные навыки для того, чтобы убеждать своих друзей, родственников и общественные организации принять на себя ответственность за обучение его многочисленной семьи. Ранние годы семьи Бонапарта были наполнены прошениями и

призывами такого рода, и в большинстве своем они приносили успех, поскольку все пятеро его сыновей получили покровительство того или иного рода со стороны правительственных учреждений или духовных властей во Франции, Италии или на Корсике. Карло, однако, умер еще до того, как ему удалось закрепить свои достижения в области получения государственных субсидий на образование и продвижение по службе. С момента его смерти именно Наполеон, тогда шестнадцатилетний юноша, разделил со своей матерью бремя обеспечения семьи, которая считала себя привилегированной, но никогда не возвышалась над бедностью.

Настоящее повествование в действительности начинается со смерти Карло, наступившей во время его очередного путешествия в поисках благодеяния по Франции. И Наполеон в замечательном письме к своей матери, направленном из Парижа, где он учился в военной школе, убеждал ее: «Успокойся, положение этого требует. Мы будет вдвойне благодарны и внимательны к тебе, так почувствуй же себя счастливой, что мы хоть немного возместим тебе неизмеримую утрату твоего возлюбленного мужа».

Это намного превосходило формальное признание той глубокой привязанности, которая существовала между беспомощным Карло и сильной, умелой корсиканской женщиной, поддерживавшей своего мужа на протяжении всей партизанской войны, последовавшей за восстанием островитян против Франции на втором году их женитьбы. Двое из детей умерли в младенчестве во время этой борьбы, а третьему был всего лишь год, когда восстание закончилось. Через несколько дней после капитуляции повстанцев 16 августа 1769 года родился Наполеон.

Карло не относился к числу страдальцев. Вскоре он пришел к соглашению с оккупирующей державой. И в сравнительно спокойный период, который последовал за восстанием, Летиция произвела на свет кучу детей. Все они были крещены под местными именами, от которых отказались еще до того, как стали самой знаменитой семьей в Европе. После Наполеона (крещенного как Набулиеон) родился ребенок, который умер в возрасте пяти лет, затем Люсьен, потом Мария Анна (впоследствии известная как Элиза), потом Луи, потом Полина, потом Мария Нунциата (ставшая известной как Каролина) и, наконец, Жером, младший сын, который родился за два года до смерти своего отца. Ко времени рождения Жерома плодовитой Летиции было тридцать пять лет. И она прожила еще пятьдесят два года, пережив всех, кроме пяти, из тринадцати детей, родившихся в этом браке.

Многие из людей, имевших продолжительные личные

контакты с этой изумительной семьей, были настолько очарованы гением одного из ее членов, что склонялись к тому, чтобы сбрасывать со счетов как ничтожества четырех братьев и трех сестер Наполеона. Все это очень далеко от действительности. Из восьми выживших детей лишь старший, Жозеф, заслуживает такого пренебрежительного отношения, но даже и он ни в коем случае не был тоскливой, неуклюжей фигурой в наполеоновской легенде. Каждый из членов семьи обладал впечатляющей индивидуальностью и исключительно сильным характером, в то время как все три сестры и один из братьев, Люсьен, имели яркие дарования. Взятые все вместе, они как бы заслоняли способности друг друга, но при раздельном рассмотрении у каждого можно обнаружить очень высокую степень самобытности.

И если Карло Буонапарте не мог обеспечить средства для поддержания все возраставшей семьи своими личными усилиями, то все же следует признать его успехи в качестве просителя. Еще до того, как он умер в 1785 году, четверо из его детей уже получили образование, а трое учились либо бесплатно, либо на условиях, которые налагали весьма скромное бремя на его кошелек.

Наполеон пребывал в военной школе в Бриенне с девяти лет, а Жозеф, будучи на год старше, обучался на священника в Отуне. Оба они не платили за обучение, причем Карло добился их поступления в эти заведения, нажимая на каждую педаль в пределах своих возможностей, особенно на ту, которая вела к французскому правителю Корсики. Старшая дочь Элиза также получала бесплатное образование в Сен-Сире под Парижем, где ее должны были кормить и одевать от семи до двадцати лет, и подразумевалось, что по окончании этого заведения она получит приданое в 3000 франков, кое-какие вещи и 150 франков на оплату проезда домой. Распорядившись таким образом в отношении троих своих детей, Карло начал подавать прошения от имени одиннадцатилетнего Люсьена, которому намечалось место Наполеона для бесплатного обучения в Бриенне при подготовке к военной карьере. Однако здесь что-то не получилось. Возможно, какой-нибудь угрюмый чиновник обратил внимание на тот факт, что семья Бонапарта превращалась в некоторое бремя для государства. Первоначальная затея провалилась, и Карло был извещен, что образование Люсьена обойдется ему в 600 франков в год. Это была серьезная неудача, но Карло воспринял ее философски. Точно так же он отнесся к неожиданному решению своего старшего сына повернуться спиной к Церкви и присоединиться к Наполеону и Люсьену для подготовки к военной карьере. С целью посмотреть, что можно сделать при

такой перемене, Карло и предпринял свое последнее путешествие во Францию, где, заболев, он и скончался в доме своих корсиканских друзей Пермонсов. Наполеон сейчас же принял на себя верховенство в семье. Через несколько дней после смерти Карло семья получила возможность узнать, что шестнадцатилетний кадет-артиллерист не был склонен проявлять снисходительность к людям, которые затруднялись при принятии решений. Его первым делом в качестве арбитра семейных судеб было решение, чтобы Жозеф отбросил как клерикальное, так и военное обучение и зачислился в качестве студента-правоведа в Италии; Наполеон уже взвесил способности своего старшего брата. За девять месяцев до смерти Карло он резко отзывался о Жозефе: «…у него не хватает храбрости взглянуть в лицо опасностям того или иного рода… здоровье его хилое… и он ничего не понимает в математике». Двадцать лет спустя, когда Жозеф проявлял нерешительность в Испании, Наполеону, наверное, припомнилось это суждение. И если это случилось, ему следовало бы дать хороший совет действовать соответствующим образом.

Хотя Карло никогда не был хорошим кормильцем семьи, ее члены остро ощущали его смерть. Их непосредственные перспективы были довольно смутными. Собственность семьи на Корсике, состоявшая из нескольких акров тутовых деревьев, которые Карло надеялся продать правительству, когда они подрастут, не была значительным имуществом, особенно после того, как власти отказались выполнять свое обещание. Элиза, старшая девочка, была вполне обеспечена в Сен-Сире, и Жозеф мог рассчитывать на дальнейшую помощь от родственника — священнослужителя, но Люсьен все еще нуждался в поддержке, маленький Луи ожидал стипендию, Жером был еще ребенком, а две младшие девочки не имели никаких перспектив на приданое. Между тем Люсьен, всегда самый непредсказуемый, начал проявлять независимые наклонности и объявил, что он бросает военные занятия, чтобы поступить в семинарию и учиться на священнослужителя. Если это окажется невозможным, говорил Люсьен, то он займется литературной карьерой. Расплывчатость таких планов должна была привести в ярость его требовательного брата.

В феврале 1787 года Наполеон получил отпуск и отправился домой, чтобы использовать свой авторитет в деле реорганизации семьи. На основании своего нездоровья он запросил и получил большое продление отпуска и не возвращался до октября в свой полк, расквартированный тогда в Оксонне. У него, видимо, был очень сговорчивый полковник, так как за четыре года между

февралем 1787 года и февралем 1791 года он получил три отпуска и трижды надолго продлевал их, отсутствуя в полку в общей сложности девятнадцать месяцев. В новогодний день 1788 года вдова Буонапарте оказалась одна со своими четырьмя младшими детьми, Луи, Полиной, Каролиной и Жеромом, возраст которых колебался от десяти до четырех лет. И хотя она проживала в очень скромных условиях, на ее содержании находились две прислуги, но не было никакого сомнения, что она страшилась будущего и полагалась на Наполеона, который разрешил самую неотложную задачу десятилетнего Луи, забрав его к себе в полковые казармы и взяв на себя заботы о пропитании, снаряжении и обучении мальчика.

Два брата жили вместе в спартанских условиях, и после трех месяцев такой жизни Наполеон описывал Жозефу свою большую привязанность к мальчику, покинутому в таком безрадостном окружении и не имевшему никого для присмотра за ним, помимо своего аскетического брата. Молодой Луи тем не менее использовал лучшую из всех возможностей и очаровывал Бонапарта, к которому при необходимости могли подключиться другие молодые люди и их сестра Полина. «Все женщины здесь влюблены в него, — писал Наполеон, — и он усердно работает над французским языком, математикой и географией. Нетрудно предвидеть, что он станет лучшим из четырех братьев. Он превосходный ученик и обладает трудолюбием и суждениями человека сорока лет». Из этого письма мы получаем портрет Луи, который весьма далек от того сдержанного, мизантропического короля, который бежал от своего наставника восемнадцать лет спустя. Мы слышим о маленьком Луи, «усваивающем французский язык» и «беседующем на любые темы с серьезностью взрослого человека», но за всем этим скрывается другая картина, которая показывает сильные семейные чувства Наполеона: он брал на себя ответственность с той целеустремленностью, которая совершенно отсутствовала в их отце.

Между тем надвигались такие события, от которых бросало в дрожь не только корсиканскую семью, пытавшуюся обеспечить свое будущее, но и Францию, и всю Европу. В июле 1789 года парижские толпы штурмом взяли Бастилию, и в последующий нелегкий период три четверти студентов-аристократов — сподвижников Наполеона по военной академии Парижа — покинули страну. Какое-то время казалось, будто Людовик XVI будет продолжать править как конституционный монарх, но в течение трех лет республиканские силы в политической жизни Франции одержали верх. Через год после возвращения Наполеона в Оксонн другие толпы взяли приступом Тюильри, и Франция

начала скатываться к анархии.

Одним из наиболее серьезных результатов этого последнего акта насилия толпы стало закрытие девичьей школы в Сен-Сире. «Якобинцы — это фанатики», — бушевал Наполеон в письме к Жозефу в июне 1792 года, продолжая живо описывать событие, которому он был свидетелем за два дня до этого в садах Тюильри. В августе все перспективы блестящего будущего Элизы исчезли за одну ночь. Старшая девочка готовилась к отъезду, оплакивая потерю обещанного приданого и, конечно, положенных 150 франков на оплату путешествия домой.

За время своих частых посещений Корсики Наполеон серьезно втянулся в революционное движение, которое стремилось к восстановлению независимости острова. Никому не удавалось когда-либо распутать многочисленные повороты и увертки Наполеона и его братьев в период после возвращения корсиканского патриота Паоли и окончательного поражения повстанцев за французские интересы на Корсике. Некоторое время, как это уже установлено, они мечтали о присоединении к Паоли и об освобождении своей родины от иностранцев, но по мере развития революции во Франции они стали сомневаться в такой затее, и после безуспешной попытки Наполеона захватить цитадель в Аяччо им ничего не оставалось делать, как обратиться в бегство. Жозеф, все еще не получивший квалификации юриста, вернулся из Пизы, а капризный Люсьен, по-прежнему метавшийся между карьерами военного, священника, литератора и политика, снова появился на Корсике, чтобы попытаться преуспеть в государственном управлении. Когда же наступил кризис, Люсьен первым бросился бежать, и после того как Наполеон и Жозеф в течение дня скрывались в своем небольшом поместье, они последовали за ним 13 июня 1793 года. С собой они прихватили дядюшку Феша, сводного брата Летиции, и всех детей, за исключением двух самых маленьких, Каролины, тогда одиннадцати лет, и Жерома, девяти лет, которые были оставлены под присмотром их родственника и перевезены на материк через небольшой промежуток времени. На протяжении нескольких месяцев беженцы использовали временное пристанище в Марселе. Прошло шесть долгих месяцев, прежде чем неожиданный успех артиллериста по захвату соседнего города Тулона направил каждого из них в тронные залы Европы.

Эта книга не претендует на исследование военной и политической истории Наполеона; цель ее намного проще — проследить карьеры семи жерновов Наполеона, решившихся висеть у него на шее в течение двадцати одного года, отделявших

взятие Тулона от финальной катастрофы при Ватерлоо. Поскольку Наполеон никогда не выпадал из расчетов его братьев и сестер, а сам в свою очередь снова и снова пытался использовать их в качестве орудий своей политики, он всегда будет доминировать на заднем плане. Но это не рассказ о Наполеоне, а попытка поведать семь почти параллельных рассказов за период свыше шестидесяти лет. Наполеон, арбитр их судеб, был первым умершим из братьев, и его братья и сестры выглядят действующими лицами на мировой сцене, пока он сам присутствует там. Расстояние ничего не означало для Наполеона. Не зря же он заслужил в лагерях Европы прозвище Длинные башмаки, и он не допускал, чтобы какая-нибудь тысяча лье ограничивала его руководство семьей. Где бы ни были члены его семьи и что бы они ни делали, он поддерживал с ними тесный контакт, мало что пропуская из их темных намерений, просчетов и экстравагантных поступков. Те из них, которых он превратил в королей, никогда не достигали, да и не могли бы достичь, той доли независимости, которая подразумевается для большинства людей по достижении ими двадцать первого дня рождения. Он всех их любил, но никогда не доверял им. Он всегда страстно надеялся, что один или некоторые из них смогут найти собственные пути в жизни, но когда они разочаровывали его, он набрасывался на них как разъяренный родитель. К своей матери Летиции Наполеон всегда относился с большим уважением, но даже она мало что могла сделать, или же совсем ничего, для смягчения его отношения к ним, когда, по его мнению, они оказывались несостоятельными при исполнении своего долга или порочили имя семьи. Временами он мог быть безжалостным при осуществлении узурпированной им власти, но по размышлении он возвращался к ним, проявляя большее благородство, чем получал от кого-либо из них. На протяжении всей своей жизни, начиная с шестнадцати лет, он отождествлял себя с каждым из этих четверых братьев и трех сестер, и когда они терпели неудачу, он чувствовал, что потерпел неудачу он сам, если же они по-дурацки вели себя на публике, тогда именно над Наполеоном смеялась и потешалась вся Европа, и эти отождествления с семьей вызывали у него самые болезненные моменты в жизни. Говорили, что без семьи Наполеон преуспел бы в сохранении своей огромной империи и в установлении наследственной линии власти. Возможно, это и так, но в качестве теории подобные мысли не имеют смысла, поскольку его семейная гордость была столь сильна, что представить себе невозможно, чтобы он повернулся спиной даже к наименее достойному из членов семьи в любой период своей карьеры. Эти четверо мужчин и три

женщины были не просто его братьями и сестрами, поскольку во всех важнейших отношениях он оставался именно главой семьи и его положение скорее приближалось к положению их отца.

Каждый из сыновей и дочерей Карло и Летиции Буонапарте унаследовал миловидную внешность родителей. Каждый в юности имел статную фигуру, прекрасные глаза своей матери, сочетавшиеся с выдержанностью впечатляющего облика Карло. Две из девочек, Полина и Каролина, были поразительно красивы, и хотя лицо младшей девочки часто мрачнело в силу плохого характера, ее сестра многими компетентными судьями рассматривалась как самая красивая женщина своего времени. Все они, за исключением Луи, обладали хорошим здоровьем, крепким телосложением, и к двадцати годам Жозеф, Люсьен и Жером выглядели уже исключительно элегантными мужчинами. Позднее Жозеф набрал слишком большой вес, но он никогда не терял впечатляющего вида, который был всем им присущ, пока они не достигли преклонного возраста. Элиза, старшая из сестер, обладала прекрасными чертами лица, но его строгое выражение делало ее менее привлекательной по сравнению с сестрами. С другой стороны, она была более интеллектуальна, чем две другие, и располагала к тому же большой долей достоинств своей матери. По темпераменту Люсьен всегда выделялся среди своих братьев странностью характера, но в физическом плане подобное различие относилось к Луи. В свои молодые годы все они выглядели схожими, но тщательное изучение обширной галереи дошедших до нас портретов предоставляет некоторые ключи к характерам каждого брата и каждой сестры, которые со временем становились все более определенными. На всех своих портретах Жозеф выглядит немного нерешительным, будто он всегда ожидает чьего-либо руководства, в то время как расстроенная личность Люсьена явно проступает в его красивых чертах, а волевой темперамент раскрывается в полунадменном, полуупрямом взгляде. В других портретах присутствует врожденный пессимизм Луи и недоверие к жизни, которое художник подметил в его глазах, так же как и дерзость и чувственность Жерома. Элиза обладает лицом женщины, лишенной способности к привязанности, а лицо Каролины, младшей из девочек, походит на облик испорченного ребенка. Именно в чертах лица Полины раскрываются характерные особенности Бонапартов, поскольку из-за признанной красоты ее писали много раз, и выражение ее лица обычно не имеет тех жеманных свойств, которые столь часто можно увидеть в портретах многих профессиональных красавиц. Лицо Полины

отражает многие особенности личности, которые обычно отсутствуют в портретной галерее Бонапартов. Иногда его выражение напоминает дразнящую, капризную женщину, а иногда свидетельствует о теплой сердечности, которая, в отличие от ее братьев и сестер, проявляется в мягких линиях рта. Но каждый портретист, которому она позировала, включая и знаменитого Канова, изваявшего ее в мраморе, был захвачен ее главным отличительным свойством, несколько забавной чувственностью, которая очаровывала почти каждого из встречавшихся ей мужчин.

Все эти характерные черты могли бы быть предугаданы кем-нибудь, ничего не знающим об истории жизни этих семерых корсиканцев, но они подтверждаются миллионами слов, написанных об этой семье на протяжении XIX века, когда писание мемуаров было особенно популярным занятием в высших кругах Франции. Жозеф никогда не принимал важных решений, которые не были бы одобрены его грозным братом, а Люсьен постоянно конфликтовал с Наполеоном до тех пор, пока они не были разлучены ссылкой. Луи, который разделял с Наполеоном безрадостное существование в казармах на несколько франков в день, никогда уже не мог вернуть себе ту привязанность, которая была к нему у Наполеона. И хотя в некоторых отношениях он проявлял такую же обидчивость к императорской власти, как и его брат Люсьен, у него отсутствовало мужество, которое побудило этого семейного бунтовщика до предела дистанцироваться от брата. Элиза обнаружила лишь немногие человеческие слабости, проводя линию на самовыдвижение при определенной целеустремленности, но меньшей показухе, чем у ее сестры Каролины или у младшего брата Жерома. Каролина оказалась единственным членом семьи, чья жадность и амбиции проявились с достаточной силой, чтобы превратить ее в предательницу. Жером, семейный малыш, возможно, куда чаще совершал глупости и проявлял неучтивость, чем большинство из них, но эти проступки не были рассчитанными проявлениями бунтарства, как у Люсьена, бесстыдными хитросплетениями, как у Каролины. Жером так никогда и не повзрослел, даже когда состарился, потолстел и стал единственным наследником мантии Наполеона. В возрасте шестидесяти лет он все еще посвящал свое время ухаживанию за женщинами и развлечениям, более подходящим для двадцатилетнего юноши. Несмотря на это, Жерому были присущи такие качества, как глубокая преданность и мужество, которые поражали его современников и могут и теперь удивлять нас.

Одна особенность, возможно единственная, была присуща

всем Бонапартам (за исключением Наполеона), а именно любовь к красивым одеждам и внешним атрибутам власти. В некоторых случаях, к примеру у Жозефа, она распространялась на владение загородными поместьями, обставленными прекрасной мебелью. Но у Полины и Жерома, а в некоторой степени и у всех братьев и сестер главенствовала страсть к парадным одеждам и дорогим ювелирным изделиям, в которых они могли бы появляться в свете. Вкусы Наполеона к одежде были очень простыми, вплоть до аскетизма, для его же братьев и сестер прекрасные одеяния были очень важны. И именно это напоминает о спартанской простоте их жизни в молодости под придирчивыми взглядами их бережливой матери.

Глава 2

Почти с безразличием наблюдаю
я за жизнью…

Из письма Наполеона к
Жозефу из Парижа

Существуют моменты в истории западной цивилизации, когда можно сказать: «Именно здесь и таким образом все и началось; в таком-то месте и в такое-то время сложились разные условия для того, чтобы изменить течение истории в определенном направлении и создать определенное движение, нацию или эпоху». Моменты, подобные тем, когда Лютер прибил свои тезисы к церковной двери в Нюрнберге или когда Линкольн был избран президентом меньшинством голосов, подтолкнули Реформацию и Гражданскую войну в Америке. Подобный час для семьи Бонапарта, теснившейся на четвертом этаже в доме для беженцев в Марселе, настал в декабре 1793 года, когда британский флот покинул Тулон, оставив город осаждавшим его республиканцам, и некоторые преимущества от неожиданно одержанной победы достались безвестному корсиканскому артиллеристу, чей план и мужество при его выполнении и привели к падению этой военно-морской базы.

Значение этого относительно несущественного события для ссыльной семьи едва ли может быть преувеличено. Прошло шесть месяцев со времени прибытия ее членов в качестве беженцев во Францию, и этот период был для них весьма убогим, намного более убогим, чем любому из них, за исключением Летиции, довелось пережить. Хаотическое состояние Республики отражалось на перспективах семьи. Лишь Наполеон, единственный из всего клана, был в состоянии поддерживать себя, не прибегая к чьей-либо благотворительности. Там, в тесно переплетенной между собой семейной группе, находились полуобразованный юрист, молодой человек, который уже испробовал обучение на военного и священника, отказавшись от того и другого в пользу политики, полуобученный мальчик пятнадцати лет, две девочки, шестнадцати и тринадцати лет, и двое голодных детей, одиннадцати и девяти лет. Остается тайной, как они могли жить в этот завершающий период их бедности. Пособия беженцам, выплачиваемые правительством, были недостаточны даже для того, чтобы питаться один раз в день, а предполагалось, что часть этого пособия должна была

тратиться на ренту и на замену изношенной одежды, в которой они бежали с Корсики. Известно, что Жозеф и Люсьен каждый день бродили в поисках работы, но сомнительно, чтобы они находили более доходные занятия, чем какой-нибудь поденный труд от случая к случаю. Элиза, проведшая несколько лет в Сен-Сире и обладавшая острым умом, не была подготовлена к тому виду работы, которую могла бы найти шестнадцатилетняя девочка в средиземноморском порту, а образование, которое получил Луи от своего брата, было отрывочным и схематичным. Трое младших детей, Полина, Каролина и Жером, были лишь бременем для общего кармана. Возможно, что во время кампании под Миди, которая триумфально завершилась в Тулоне, Наполеон, всегда сознававший свою ответственность перед семьей, пересылал ей то немногое, что мог себе позволить, но это не могло составлять большой суммы, и семья жила недоедая, девочки залатывали свои одежды, помогая Летиции по хозяйству и приготовляя такую пищу, которую им удавалось достать в городе, где много людей умирало от голода.

Лион, второй по величине город Франции, восстал против центрального правительства и был в осаде. Это явилось прелюдией к жестокостям восставших, которые предшествовали захвату города. В июле Наполеон отчитывался перед армией Карто в Авиньоне и был придан ее артиллерийскому подразделению. Когда же восстал и сам Марсель и марсельцы направились освобождать Лион, он стал свидетелем первой значительной акции: федералисты были отброшены и рассеяны, а Марсель почти сразу же попал в руки республиканских войск. Между тем, однако, повстанцы Тулона, смесь роялистов и конституционалистов, которые были напуганы кровопролитием в Париже, пришли к соглашению с флотом адмирала Худа и сдали город англичанам, которые сразу же укрепили возвышенности на западе и на востоке города. Генерал Карто, чья квалификация командующего армией покоилась на его репутации живописца исторических сцен, в сентябре придвинулся к порту, и здесь Наполеону выпала удача: в первый же день сражения главнокомандующий артиллерией был ранен, и его место занял Наполеон. Фортификационные укрепления на холмах подверглись штурму в декабре, и Наполеон получил ранение в бедро английским штыком, но порт был снова захвачен французской армией и адмирал Худ убрался прочь на всех парусах. В своей депеше Конвенту преемник Карто полностью подтвердил заслуги Наполеона и его долю в победе, и за этим последовало его повышение в должности. В течение двух месяцев Наполеон стал командующим бригадой.

В Париже царил произвол. Дантон пал, а диктатура Робеспьера поддерживалась Террором. Каждый день крытые двуколки грохотали по улице Сен-Оноре к гильотине. Но новости из Парижа медленно доходили до юга страны, и когда банда головорезов, опасавшихся за собственные головы, свергла диктатора, военные итальянской армии в Ницце, куда направился Наполеон для укрепления своей репутации, пришли в ярость. Положение Наполеона, как друга и протеже брата Робеспьера Огюста, было довольно-таки опасным, так как младший Робеспьер написал из Ниццы письмо, восхваляя предприимчивость и патриотизм корсиканского офицера «Буона Парта, чья собственность на Корсике была уничтожена тираном Паоли». После термидорского переворота реакция расползлась от Парижа по всей стране. На недолгое время Наполеон находился под арестом, но удача ему сопутствовала, и в дело вмешался его собрат, корсиканский офицер. Он был освобожден спустя две недели, восстановлен на действительной службе и получил приказ принять командование на западе, где некоторые провинции все еще сопротивлялись революции.

Что же между тем происходило на перенаселенном верхнем этаже дома на улице Фабур-де-Ром в Марселе? После успеха Наполеона под Тулоном и его назначения командующим бригадой судьба улыбнулась семье и ее дела пошли резко в гору. Жозеф, Люсьен и даже молодой Луи не замедлили воспользоваться восхождением звезды своего брата. Жозеф получил пост интенданта в итальянской армии, Люсьен приобрел для себя пост хранителя военного склада в деревне Сен-Максимин, но именно пятнадцатилетний Луи самым впечатляющим образом использовал предоставившуюся ему возможность, получив назначение подручного майора артиллерии в Национальной гвардии! Если бы только кто-нибудь из последовавших биографов семьи отметил скорость, с которой трое братьев осуществили столь удачливый прорыв, Европа могла бы меньше удивляться приспособленчеству Бонапартов в последующие годы.

Не существует никаких свидетельств того, что сам Наполеон действительно обеспечил эти назначения, но, вне всякого сомнения, им способствовало его влияние или влияние Саличетти, его корсиканского сподвижника, который подружился с Наполеоном в Тулоне и помог ему занять пост командующего артиллерией. Повышение до командующего бригадой привело к значительному росту его жалованья, и первые помыслы Наполеона касались обедневшей семьи в Марселе. Но сколь ни

было бы это важно, такое продвижение не было единственным фактором улучшения материального положения семьи. Через несколько месяцев после взятия Тулона она получила доступ к сумме эквивалентной 6000 фунтов стерлингов: 1 августа 1784 года Жозеф, тупица семьи, отхватил себе богатую наследницу!

Было бы интересно побольше узнать о романе между тяжеловесным Жозефом и наиболее скромной из двух девочек семьи Клари, которая принесла такое значительное приданое человеку, лишь недавно получавшему правительственное вспомоществование. Месье Клари, отец Жюли и миловидной Дезире (которая позднее была так близка к замужеству за ее знаменитым зятем), описывается различными источниками как мыловар и как торговец шелком. Возможно, он был и тем и другим. Детали, относящиеся к подоплеке деятельности Клари, установить трудно, так как в последующие годы, когда обе его дочери занимали различные троны, члены его семьи по понятным причинам воздерживались говорить о прежних своих связях с мылом и шелком. Жюли не была красива, и до нас дошли нелестные высказывания о чертах ее лица, но все современники сходятся в том, что она была добрым, великодушным человеком, способным пожертвовать многим, чтобы помочь страждущему. Возможно, ей приглянулись благодушие и сговорчивость Жозефа или его хорошая внешность одержала верх над костюмами более преуспевающих мужчин. Отец же ее, видимо, был достаточно дальновиден, чтобы разглядеть значительные улучшения в судьбе Бонапартов, после того как брат жениха заработал себе выдающуюся репутацию на юге. В любом случае невеста получила одобрение отца, и приданое было выплачено. Наконец-то на некоторое время Летиция и четверо ее младших детей могли быть уверены в получении средств на пропитание.

Наполеон, понятно, был в восторге. В течение нескольких лет он вносил большую часть своего скудного жалованья на то, чтобы его мать, братья и сестры могли спокойно спать и питаться, и хотя он никогда не жаловался, сообщение о значительном приданом Клари должно было принести ему огромное облегчение. Служба Луи в качестве подручного майора не была долгой. Кто-то, а возможно, и сам Наполеон, понял, что продвижение с такой скоростью не должно поощряться в отношении пятнадцатилетнего мальчика, и он был отозван из Национальной гвардии и направлен в Шалон для службы кадетом и завершения своего прерванного образования.

Поздним летом 1794 года всем членам семьи должно было казаться, что удача повернулась к ним лицом и что они могут смотреть в будущее с некоторым оптимизмом. Они были не

правы. Лето 1794 года оказалось ложным рассветом. Менее чем через год перспективы семьи выглядели, как и ранее, мрачными.

Волна реакции, распространявшаяся на юг из Парижа, ощутимо затронула и семью Бонапарта. Внезапно и малопонятным образом Террор стал немодным, и те, кто присоединялся к нему, вместо гонителей превратились в гонимых. Наполеон никогда не был террористом, но он являлся близким другом брата Робеспьера, а Люсьен, который редко делал что-нибудь наполовину, привлек к себе внимание, восприняв крайний республиканизм, популярный в период, предшествовавший смерти тирана.

Наполеону удалось избежать участи ряда помощников Робеспьера в провинциях. Кровавый Каррье, палач Нанта и изобретатель республиканских «свадеб» (при которых жертвы связывались двое-надвое и топились в Луаре), был отдан в руки правосудия, то же случилось с Фукуй Тинвилем, бесстрастным чудовищем, чье одобрение в качестве общественного обвинителя отправило на гильотину сотни людей. Реакция против бессмысленного кровопролития была, однако, не единственным фактором, замедлившим продвижение семьи в то лето, так как за ней последовало ослабление национальной воли к сокрушению коалиции, угрожавшей Республике. Настроения фривольности заняли место резкого патриотизма, и порыв к революции был утрачен. Глубже к югу, куда поехал Наполеон в качестве инспектора прибрежной обороны, армии были босыми, плохо оснащенными и совершенно недисциплинированными. Началась экспедиция, рассчитанная на то, чтобы вновь захватить Корсику, и в ней принимал участие Наполеон. Но она завершилась провалом, и частично позор коснулся победителя в битве под Тулоном.

Мадам Бонапарт со своими тремя миловидными дочерьми и младшим сыном переместились в Ниццу, чтобы быть ближе к человеку, которого они рассматривали как главу семьи. Элиза и Полина, теперь соответственно восемнадцати и пятнадцати лет, уже привлекали массу поклонников, и их общение с таким количеством армейских офицеров вызывало у Летиции некоторую озабоченность. Элиза приобрела репутацию флиртующей девушки, тогда как красота Полины вызывала живой интерес среди сподвижников ее брата. Но именно Люсьен доставлял своей матери серьезное беспокойство, так как до нее доходили слухи, будто бы он приобрел известность местного смутьяна.

Исследование поведения Люсьена в этот период его жизни, когда он был не более чем скромным заведующим военным

складом, дает некоторые основания для прояснения последующих намеков, что он испытывал острую ревность к Наполеону и был преисполнен решимости так или иначе создать себе репутацию, сопоставимую с репутацией его брата. Он называл себя Люсьен Брут, а его закадычные друзья, пораженные его шутовским поведением, называли его «маленьким Робеспьером». Легко предвидеть, что могло бы случиться с ним, если бы такая репутация распространилась за пределы округа. Но, к счастью для него, Люсьена охватил новый и менее опасный энтузиазм. Он без ума влюбился в хорошенькую дочь содержателя местной гостиницы, и еще до того, как старшие братья или мать смогли дать ему совет, женился на ней. В то же время он не совсем отошел от политической жизни, поскольку мы наслышаны о его усердных попытках переименовать деревню Сен-Максимин в Марафон.

Его невеста Кристина Бойер была неграмотна, но современники сходятся в признании красоты и очарования ее личности. Мадам Жюно, которой пришлось близко познакомиться с ней в последующие годы, описывала ее как «ангела света», и нет сомнений, что Люсьен не только ухаживал за ней со всем энтузиазмом, с которым он брался за любое занятие, но и развил в себе за несколько лет супружеской жизни глубокую и искреннюю привязанность к ней. Через год после свадьбы Кристина одарила своего мужа девочкой, названной Шарлоттой. Она была первой внучкой Буонапарте.

Между тем Луи, теперь уже шестнадцатилетний, был назначен адъютантом в Ницце. Если бы бесплодная корсиканская экспедиция имела успех, он разделил бы восторг Наполеона по поводу наказания людей, которые изгнали его семью из собственного дома. Наполеон уже начал собирать вокруг себя небольшую группу солдат, которые видели в нем человека несомненно талантливого, и связи, укрепившиеся между двумя братьями за те тоскливые дни, которые они вместе провели в Оксонне, поощряли Наполеона к тому, чтобы держать при себе своего младшего брата и присматривать за повышением его квалификации как военного. К весне 1795 года, однако, все надежды на их триумфальное возвращение на родину иссякли, и Наполеон, возмущенный пренебрежительным отношением правительства к войскам на юге, решил испытать свое счастье в Париже.

Он покинул юг в мае, прихватив с собой Луи, и вскоре шестнадцатилетний лейтенант артиллерии снова вернулся в школу в Шалоне. Наполеон же пришел к выводу, что, только оставаясь в Париже, в центре политической жизни, где он

находился в гуще происходивших событий, он мог бы использовать для себя возможности, которые предоставлялись ему. Приняв такое решение, он стал придерживаться его, невзирая на риск. К нему поступали приказы взять на себя командование на западе, где все еще бушевала гражданская война, и центральному правительству не удавалось сокрушить контрреволюционные выступления нескольких тысяч крестьян. Эта война на западе была кладбищем для репутаций военных. Целые армии пропадали в Вандее, и большинство из них, измотанных искусными партизанами вроде Чаретты, были разбиты наголову, так ничего и не достигнув. Наполеон тщательно взвешивал эти обстоятельства и ссылался на болезнь. Он сознавал, что в подобные времена удача может ему сопутствовать, если он только останется в Париже, и когда стали поступать новые приказы занять предназначавшийся ему пост, он снова стал всячески от него уклоняться и продолжал наблюдать за событиями в столице. Тем самым он рисковал предстать перед военным судом. Но для человека, который когда-то умудрялся продлять себе отпуска на девять месяцев, отсрочка нежелательного назначения не представляла труда. Наполеон обладал некоторым влиянием среди дешевых политиков, которые заменили Робеспьера, но он писал Жозефу: «Множество солдат могут стать лучшими бригадирами, чем я, но лишь немногие из них способны столь хорошо командовать артиллерией». В то лето он писал массу писем своему брату Жозефу, характеризуя настроения в Париже, обсуждая возможные связи между собой и своей невесткой Дезире и проявляя интерес к наполовину сформировавшемуся решению Жозефа получить правительственный пост в Генуе. Как всегда, он был уверен в собственной способности нажать на необходимую педаль, и Жозеф, который утратил свой пост интенданта, а теперь и был вынужден поддерживать жену, с надеждой ожидал развития событий и был счастлив предоставить своему динамичному брату определять собственную судьбу.

Между тем, как все это предсказывали, у Люсьена начались серьезные неприятности. Он был арестован и брошен в тюрьму в Аяксе. В том же городе находился и дядюшка Феш, сводный брат Летиции, который вместе со всей семьей бежал с Корсики, но казалось, он не прилагал больших усилий для освобождения Люсьена из заключения. Феш отчаянно тосковал по родной Корсике, и Наполеон презрительно писал о нем из Парижа: «…он именно такой человек, каким был всегда, строящим воздушные замки и пишущим мне шестистраничные письма по разным мелочным вопросам. Настоящее означает для него не больше, чем

прошлое, будущее представляется ему в самых общих чертах».

В августе в удушливой жаре столицы Наполеон приходил в отчаяние, и в его письмах обнаруживалось больше уныния, чем в тех, которые предшествовали Тулону. Семья оказалась разбросанной, и он не мог получать удовлетворения от чувства родства со своей матерью, братьями и сестрами, которое владело им во время пребывания на юге. В условиях, когда Жозеф потерял работу, Люсьен был в заключении, Луи в Шалоне и у его сестер отсутствовало приданое, он начал терять свою проницательность. Но Наполеон продолжал пребывать в спокойном унынии, отражая требования раздосадованных начальников, которые желали бы его отослать в привлекавшие их внимание деревни Вандеи. Почти в самоубийственном настроении он снова писал Жозефу: «…Я наблюдаю за жизнью с безразличием… при таких условиях, друг мой, я покончу с собой, бросившись под колеса проезжающей кареты».

Совершенно внезапно все опять изменилось. Наполеон был назначен в топографическое бюро Комитета общественной безопасности, отвечавшее за планирование стратегий отдаленных армий. Он был взволнован и польщен, ибо все это свидетельствовало о том, что власти начинали признавать его административные таланты. В радужном настроении Наполеон написал Жозефу письмо, советуя ему обратиться за работой в турецкое консульство, а приблизительно неделю спустя отпала угроза отправки на запад, и его назначение в топографическое бюро было подтверждено. Прошел еще месяц, прежде чем в Париже произошло событие, которое направило всю семью по ступеням лестницы, ведущей к изобилию и величию.

Возможность, которую ждал Наполеон и из-за которой он дважды рисковал быть уволенным из армии, представилась вечером 5 октября, когда — в первый раз почти на протяжении целого поколения — толпы заполнили улицы Парижа и преемники Робеспьера вынуждены были защищаться от мужчин и женщин, которых не заботило, кто находится у власти, пока они не были обеспечены материально и каким-то порядком утверждены в гражданских правах. Среди противников Конвента находились роялисты, желавшие возвращения Бурбонов, конституционалисты, стремившиеся к парламентарному режиму по английскому образцу, якобинцы, которые не доверяли посредственности тех, кто пришел на смену Робеспьеру, и (в значительном большинстве) люди, подобные самому Наполеону, который понимал, что, если достижениям революции суждено утвердиться, страна должна получить правящий орган,

соответствующий возложенной на него ответственности.

История участия Наполеона в сравнительно умеренном бунте, названном «Струя картечи», хорошо известна. Все закончилось в течение нескольких часов, и Конвент, возглавлявшийся циничным Баррасом, получил четырехмесячную передышку. Когда Директория, которая стала его преемницей, исчезла, имя «Бонапарт» превратилось в обиходное слово в Европе, но в промежутке между этими событиями Наполеон стал самым популярным солдатом в Париже. И снова его семья была вырвана из бедности и безвестности.

Для каждого из ее членов обстановка улучшилась за две недели. Уже не было больше разговоров о намерении Жозефа перебраться в качестве дипломата в Геную или Константинополь. Люсьену удалось избежать заключения в Аяксе. Мадам, две ее флиртовавшие дочери и двое младших детей, Каролина и Жером, были вызваны в Париж. Туда же прибыли Жозеф и его жена, которые остановились в приличном доме на улице де Рошер и куда был также направлен молодой Луи со своим братом и невесткой. Если рассмотреть срочные требования, выдвинутые Наполеоном через несколько часов после спасения правительства, то можно лучше оценить подлинное значение его услуг от 5 октября. Последний из бунтовщиков исчез на рассвете 6 октября. В тот же день Наполеон был произведен в генералы дивизии. К 26 октября он стал генералом армии внутренних войск и получил в ответ на требование 60 000 франков для своей матери и сестер, назначение консулом для Жозефа, звания лейтенанта для Луи и адъютанта и военного интенданта для Люсьена, только что вышедшего из заключения! Никто не смог бы его обвинить в неспособности серьезно отнестись к семейной ответственности, даже если у него не было ничего, кроме презрения к людям, которых он спас от линчевания.

Разрешив на время проблемы семейные, Наполеон начал формировать собственное будущее. Буквально через неделю после вендемьера он встретил тридцатидвухлетнюю вдову Жозефину Богарне, еще недавно бывшую любовницей политикана Барраса, и влюбился в нее. Проведя одну ночь в ее объятиях, он писал: «Я просыпаюсь весь наполненный тобою. Твой образ и возбуждающие наслаждения прошлой ночи не дают отдыха моим чувствам. Сладкая и бесподобная Жозефина, как странно ты воздействуешь на мое сердце». Это случилось в декабре. 5 марта следующего года они стали мужем и женой, причем Наполеон галантно завысил свой возраст, чтобы уменьшить шестилетний возрастной разрыв между ними. В свидетельстве о браке он назвал местом своего рождения Париж, и в карете, когда-то

принадлежавшей королю Людовику, эта пара отправилась провести трехдневный медовый месяц в доме Жозефины на улице Шантерен.

К этому времени семья собралась в Париже в ожидании получения дальнейших преимуществ от своего кровного родства с человеком чести, и такие преимущества не замедлили проявиться. В начале нового года Наполеон был назначен командующим итальянской армией и рассматривался всеми (кроме своей новобрачной) как восходящая фигура в военных кругах. Члены семьи Бонапарта прохладно принимали его покровительство, так как его скоропалительная женитьба испугала их. Они немногое знали об этой женщине из семьи Богарне. Им говорили, что она была шлюхой с большими деньгами, которая нечасто улыбалась, чтобы скрыть свои плохие зубы, и на какое-то время они воздерживались от собственных суждений. Через несколько дней после гражданского бракосочетания, на котором никто из его родственников не присутствовал, Наполеон отправился в Италию, чтобы поразить мир сорокатрехдневной кампанией, которой предстояло занести его имя в историю. Мать, братья и сестры замерли в ожидании триумфа: Летиция и две ее старшие дочери в доме на улице Верте, Жозеф и его жена — в своем доме на улице де Рошер, Люсьен, чтобы произносить побольше напыщенных речей, в палате представителей, а двое самых маленьких, Каролина и Жером, в своих новых школах.

Каролина, уже будучи красавицей, поступила в заведение мадам Кампань, там же училась дочь Жозефины Гортензия. Жером ходил в ирландский колледж Сен-Жермен-ан-Лэ, где образцом для него служил сын Жозефины Эжен. Этим двоим детям, падчерице и пасынку Наполеона, предстояло сыграть важную роль в истории Бонапарта. Гортензия стала потом разочаровавшейся женой Луи, Эжен всю свою жизнь оставался предметом особой ненависти любящего развлечения и расточительного Жерома.

Глава 3

Подобно бурному потоку вы обрушились с Апеннин.

Из прокламации Наполеона к армии Италии, 1796 год

«Солдаты, подобно бурному потоку вы обрушились с Апеннин, Милан ваш», — говорилось в прокламации Наполеона к его жадным до добычи батальонам на завершающей стадии их итальянских побед. Все это произошло столь стремительно, что ошеломило профессиональных солдат-тугодумов, обученных медлительным, как при гавоте, темпам ведения войны XVIII века. В марте Наполеон оказался в Ницце. В мае он был уже в Милане, и вся Северная Италия лежала у его ног. Еще до конца года члены семейства Бонапарта наслаждались восточными сокровищами в штабе главнокомандующего в замке Монтебелло близ северной столицы этой страны. Милан также находился в их распоряжении.

Ничего подобного ранее не случалось, ни для них, ни для Франции, ни для одного европейского государства, втянутого в завоевательную войну. Для политиков, подобных Баррасу, для Жозефины, флиртовавшей в Париже, для вновь собравшихся членов семьи Бонапарта, неуверенных в том, что потоки картечи не были лишь еще одним ложным рассветом, все это едва ли казалось чем-то большим, чем дни, прошедшие между отъездом генерала на юг и прибытием в Париж курьеров с сообщениями об удивительных победах, каждая из которых имела более сенсационный характер, чем пограничные победы Республики 1793 года. Только Луи, протеже знаменитого генерала, мог претендовать на некоторое участие в триумфах своего брата, так как он уехал в Италию, чтобы служить при штабе командующего в Арколе, а при приближении победы Наполеон получил возможность оценить достоинства своего младшего офицера как солдата. Именно Луи с помощью товарища Наполеона по академии Мармона бросился в липкий ил у набережной, когда мост через реку простреливался шквальным огнем австрийцев, а генерал, устремившийся вперед на дамбу, чтобы воодушевить своих гренадеров, наполовину погрузился в грязь. Товарищество этих двух братьев, столь явно различавшихся по темпераменту, теперь было проверено на поле боя.

Остальные члены семьи не принимали активного участия в этих кампаниях. Жозеф с женой оставался в своем

комфортабельном доме на улице де Рошер, а мадам Бонапарт проводила время, избавляясь от нежелательных поклонников на улице Верте. Люсьен, все еще будучи армейским интендантом, горевал по поводу неудовольствия брата его женитьбой на дочери содержателя гостиницы, и, снова вернувшись домой из Германии, развлекал свою красавицу жену и одного из ее кузенов, прилипшего к этой паре. Каролина изучала географию, рисование и этикет в заведении мадам Кампань в Сен-Жермен-ан-Лэ, а в соседнем ирландском колледже все, за исключением Жозефины, убеждали Жерома следовать примеру своего безупречного школьного товарища Эжена Богарне и зарабатывать премии, которые предлагал Патрик Макдермот за хорошее поведение и успехи в школе.

1796-й, год триумфов, оказался плохим годом для повседневных отношений в семействе Бонапарт — Богарне. В этом году у Каролины и Гортензии возникла резкая неприязнь друг к другу, а Жером, у которого уже сложилось мнение, что жизнь представляет собой устрицу, с презрением следил за успехами Эжена — естественная реакция отстающих учеников на тех, кто получает премии. Маленькая Гортензия, робкая девочка, всячески старалась завоевать дружбу Каролины. Ужасные испытания, через которые ей пришлось пройти во время Террора, превратили ее в нервного, чрезвычайно ранимого ребенка, и она видела в Каролине возможность соединения со своим внушительным отчимом, но ее попытки ничего не дали. Она рассматривала рисунки Каролины в надежде, что они получат премию, объясняя хихикавшим девчонкам, что Каролина в действительности не была столь отсталой, как выглядела, а просто имела пробелы в образовании из-за постоянных скитаний по стране. Но вместо благодарности за такие суждения Каролина распространялась о высокомерии своей маленькой родственницы, а когда получала упреки со стороны Гортензии, извинялась, заявляя, что была безрассудно влюблена в сотрудника штаба своего брата и хотела бы покинуть школу, чтобы разделить веселую жизнь братьев и сестер, которой они наслаждались в Париже. Она также обращала внимание на то, какой тон задавала в то время мать Гортензии, стремившаяся выжать все возможное из своего положения «нашей дамы побед». Всему Парижу было известно, что удивительный маленький генерал был безнадежно влюблен в свою элегантную жену и каждый день писал ей, объясняясь в самой невероятной привязанности. Те же, кто знал Жозефину, догадывались, что большинство из таких писем оставалось без ответа, так как день Жозефины был слишком загружен празднествами, приемами, выездами, знакомствами и

флиртом, чтобы тратить время на написание хотя бы нескольких строк своему сгоравшему от любви мужу. Ее безразличие к нему и, что еще более важно, ее дикая расточительность не прошли незамеченными для клана Бонапартов. Жозеф сетовал на ее повседневные визиты к портным и наиболее дорогим парижским ювелирам, а мадам Летиция, которая могла олицетворять своей непорочной жизнью пример жены и матери, хмурилась при упоминании имени аристократической жены Наполеона. Она слышала, что в семье Богарне за несколько лет до того, как гильотина сделала Жозефину вдовой, имел место публичный скандал и что Гортензия появилась на свет в результате краткого примирения между мужем и женой. Уже одно это было достаточно плохо, но затем последовало и нечто худшее, так как пошли слухи, что в ожидании гильотины в Кармелитской тюрьме Жозефина стала любовницей генерала Гоша. После этого возникла ее связь со сластолюбивым Баррасом, который, устав от нее, передал Жозефину Наполеону. Это была удручающая рекомендация для матери, которая родила тринадцать детей за двадцать лет замужней жизни, и никогда, ни до, ни после этого, не улыбнулась другому мужчине. Обсуждая Креолку, как они ее называли, члены семьи Бонапарта забывали свои личные ревности и распри, полагая, что что-то нужно предпринять со столь смехотворным браком. Но при этом они сознавали, что в тот момент очень немногое могли бы сделать, хотя весь Париж подшучивал над безрассудной страстью Наполеона. Рано или поздно это лихорадочное увлечение должно было поостыть, и тогда, возможно, часть денег, которые Жозефина выбрасывала на одежды, драгоценности, мебель и ссуды для своих друзей, могла бы быть перенаправлена в семейные каналы.

Возможно, именно потребность в сплочении семейных рядов побудила мадам Летицию, добродушного Жозефа и даже двух старших дочерей отзывчиво отнестись к жене Люсьена. Когда Наполеон впервые услышал о браке Люсьена, он впал в ярость и заявил, что ни за что не примет Кристину и не станет разговаривать с Люсьеном, пока тот не отстранится от нее. В отсутствие Наполеона Люсьену, однако, удалось убедить остальных членов семьи принять Кристину как добросовестную дочь и невестку, и вероятно, личное очарование Кристины сыграло при этом большую роль, чем открытое неповиновение Люсьена решению своего брата. Некоторое время эта пара жила в Париже то с Жозефом, то с Летицией и девочками, и главной озабоченноетью в семье было тогда раннее развитие молодого Жерома и трудность выбора двух подходящих поклонников из людей, толпившихся вокруг Элизы и Полины. Полина оказалась

особенно сложной по характеру, и иногда Летиции даже казалось, что у девочек совершенно отсутствует чувство морали. Было очевидно, что их следует поскорее выдать замуж. Это была проблема, которая могла быть разрешена, как только Наполеон послал бы за семьей, чтобы разделить с нею свой триумф. Но в отношении Жерома, все еще остававшегося в школе, не намечалось легкого решения, поскольку мальчик обладал таким очарованием, что все баловали его, включая и Жозефину.

Жером проводил свои школьные каникулы в Париже, болтаясь между домами своей матери, старшего брата и домом своей невестки на улице Шантерен, и именно в этом последнем месте он получал максимальную свободу, так как Жозефина рассчитывала на прорыв в единстве семьи, и возможность связи между Жеромом и своей дочерью Гортензией уже возникала в ее уме. Раннее развитие Жерома выражалось в том, что у него, как говорили, возникали романтические привязанности еще во время пребывания в колледже Жюильи в возрасте четырнадцати лет. Правда это или нет, но по крайней мере известно, что он разбазаривал кредиты своего брата и наделал долгов, которые оплачивались Жозефиной.

Между тем в Италии успех следовал за успехом, и прибытие в Париж захваченных боевых знамен становилось повседневным явлением. К концу года последовали вызовы, которых все так ждали, и старший Бонапарт отправился в Милан. Жозефина уже уехала туда, повинуясь настоятельным требованиям своего сверхчувствительного мужа.

И там, в придворной атмосфере, налет великолепия коснулся каждого члена маленькой группы, которая за три года до этого без всякого багажа высадилась в Тулоне. Жозеф, теперь уже опытный администратор двадцати восьми лет, человек с некоторыми подлинными способностями дипломата, получил шанс увидеть, чего он мог бы достичь в Парме и Риме. Люсьен утвердился в качестве политического деятеля и направился в Совет пятисот, где за пять лет заслужил высокую оценку и стал президентом, как раз в то время, когда его брат отчаянно нуждался во влиятельном политическом союзнике. Луи оставался в армии с гарантией быстрого продвижения по службе, не только потому, что в то время он был любимым братом главнокомандующего, но и потому, что хорошо показал себя как военнослужащий. Затем с некоторым удовольствием Наполеон обратился к поискам подходящих мужей для двух старших девочек.

Наполеон, который председательствовал на семейных советах в Монтебелло, как человек совершенно отличался от захудалого

бригадира, который делал все, что было в его силах, для семьи после Тулона, а также от командира, который за несколько месяцев до этого отправился в Италию и которому еще предстояло проложить свой путь в этом мире. Почти каждый наблюдатель, близкий к нему весной и летом 1796 года, отмечает огромную перемену, которая произошла с ним после победы при Арколе, где он едва не расстался с жизнью. Эта перемена проявлялась и в манере обращаться к подчиненным, и в возросшем понимании основных проблем на поле боя и в залах заседаний, и во вдумчивости, которая иногда настолько смягчала выражение его лица, что посторонний наблюдатель мог бы принять ее за простую любезность. После Арколы он совершенно откровенно говорил о своей «звезде», об определенности, с которой мог бы уточнять предстоящие события, и те, кто был ближе к нему, люди вроде Жозефа и стремительно продвигавшихся военных вроде Жюно и Мюрата, стали сдержаннее обращаться к нему, их поклонение уже окрашивалось трепетом. Это было не только результатом одержанных на поле боя побед, ведь они понимали и то, что некоторые победы были недалеки от катастрофы. Скорее все это вызывалось чем-то присущим самому этому человеку, духом его чрезвычайной уверенности, который он проявлял с такой скромностью, будто обретенные им достижения вскорости будут заслонены намного более внушительными результатами. И нигде подобное достоинство и властность не проявлялись столь явно, как в отношениях с его семьей. Глубоко погруженный в дело укрепления своих побед, в перестройку Северной Италии, в наблюдение за людьми, которые одержали эти победы, и в просмотр массы корреспонденций, он все же находил время для семьи, тщательно рассматривая назначения Жозефа как дипломата, будущее Люсьена как политического деятеля и даже образование Жерома. Но больше всего он был озабочен будущим девочек — за какого рода людей им следует выходить замуж и в каких сферах они смогут лучше всего проявить себя в качестве жен. Глубоко любящий свою жену, он был склонен отдавать предпочтение бракам по любви, хотя только матери удавалось смягчать его гнев в отношении брака Люсьена. Там в Монтебелло он был погружен в государственные дела, и едва ли какая-нибудь деталь ускользала от его внимания, но теперь, как и позднее, его самые сокровенные мысли отводились семье. Его мать, братья и сестры, сознавая это в течение многих лет, довольствовались ожиданием его решений и с готовностью воспринимали их.

Среди поклонников Элизы был адмирал Тругут, прекрасный моряк и подходящая пара, но у мадам Бонапарт было

предубеждение к морю, ставшее очевидным несколько позднее, когда начались разговоры о вступлении Наполеона в военно-морскую академию. По этой причине, если и не по какой-либо другой, она была против Тругута и благосклонно относилась к сватовству земляка-корсиканца Фелиса Паскаля Бач-чиоки, которого предпочитала сама Элиза. Заглядывая в будущее и размышляя над кандидатурами некоторых из превосходных партнеров, обеспеченных Наполеоном для младших детей и для относительно дальних родственников, представляется странным, что Наполеон должен был одобрить этот брак. Ведь большинство из его штабных офицеров сочли бы за счастье вступить в такой семейный круг, а Баччиоки, всего лишь майор пехоты, был неряшлив, скучен и бесперспективен; тяжелые черты его лица являлись признаками нудного склада ума. Была и еще одна причина, по которой он должен был быть скоро отвергнут в пользу более подходящего мужа. Он был в близком родстве с семьей Борго на Корсике, а Борго одно время враждовали с Бонапартами. Возможно, что такой брак мог бы покончить с враждой, но она тянулась и в последующие двадцать лет, так как один из родственников Баччиоки выделялся на службе у нескольких европейских правительств, известных своей ненавистью к клану Бонапартов.

Вопреки всему этому и несомненно полагая, что упрямая Элиза может предпринять что-нибудь необычное, Наполеон одобрил намечавшуюся свадьбу, которая состоялась во дворце Монтебелло 1 мая 1797 года. Элиза принесла своему мужу приданое в 30 000 франков. Оно не было, как предполагалось, частью награбленного в Ламбардии, а составляло ее долю в собственности Бонапартов на Корсике, недавно возвращенной от паолистов. Спустя шесть недель Полина также вышла замуж. Менее чем за три года состоялось пять свадеб Бонапартов.

Выбор мужа для Полины представлял некоторые трудности. Недавно у нее была любовная связь с известным политиком по имени Фрерон, и в Париже ходили слухи, будто у нее уже полдюжины любовников, включая и ее брата, Наполеона. Эти слухи начались с легкомысленного замечания самой Полины, которая, как говорили, заявляла: «У меня прекрасные отношения с моим братом, и я дважды спала с ним». Поскольку Полина часто делала скандальные замечания такого рода и шла по жизни, шокируя друзей и родственников комментариями, смущавшими всех, кто мог их слышать, вряд ли стоит верить этому заявлению, особенно в свете того факта, что Наполеон также обвинялся в кровосмесительных связях со своей младшей сестрой, Каролиной. Не вызывает, однако, сомнений, что Полина утратила

девственность в раннем возрасте. Мунье, секретарь Бонапарта, заявляет, что он был одним из пяти любовников Полины, которых она принимала в одно и то же время под одной крышей, и именно тогда, или позднее, она услаждала маршала Макдональда и генерала Монфолона, который сопровождал Наполеона на остров Святой Елены. Ее последующая связь с Макдональдом переросла в скандал на всю империю. Рассказывали, что пара эта заперлась в одном из апартаментов на три дня, причем пища и выпивка посылались им через определенные промежутки времени. Но ко дню своей свадьбы Полина уже горячо любила Фрерона, хорошо известного якобинца, репутация которого как террориста настроила Наполеона против такого брака и побудила его выдвинуть замену в виде генерала Леклерка. Мать Полины, хорошо знавшая об утрате добродетели ее дочерью, особенно стремилась к тому, чтобы та была выдана замуж как можно скорее, и конечно же передала свои пожелания Наполеону. Пытаясь использовать сестру для продвижения своих политических интересов, Наполеон незамедлительно предложил ее старейшему другу Мармону, который вежливо отказался от такой чести. Пристальный взгляд на характер этого человека помогает понять, почему он отклонил шанс с помощью женитьбы войти в семью Бонапарт. Огюст Фредерик Мармон был исключительно хитрым, расчетливым офицером, который сумел оценить Наполеона еще в их бытность кадетами и оказал ему свое гостеприимство, когда тот нуждался в бесплатном жилье и регулярном питании. С тех пор они были неразлучны и оставались такими до тех пор, пока Мармон не стал предателем и не заслужил презрения каждого бонапартиста во Франции. Он был последним из выживших маршалов, и одно это выделяет его из заключительной суеты событий и характеров. Ему нетрудно было распознать, какого рода женой могла бы оказаться Полина, и он с радостью пожертвовал ее другому заслуженному офицеру, генералу Виктору Эммануэлю Леклерку, который имел высокую репутацию среди ветеранов армии Италии.

Они поженились в Милане 14 июня, и свадьба была отпразднована с помпой, совершенно отсутствовавшей при небольшой, скромной церемонии женитьбы Наполеона на Жозефине за пятнадцать месяцев до этого. Полина вначале была предана своему мужу, но прошло немного времени, и Леклерк оказался перед вынужденным выбором: либо развод, который повредил бы его карьере, либо перспектива делить Полину с другими мужчинами. Уже в семнадцать лет красивая корсиканская девушка приобрела репутацию ветреницы. Через два года после свадьбы она многими рассматривалась как

нимфоманка.

Между тем собственный брак Наполеона переживал трудности. Жозефина, которая не скрывала той скуки, которую в ней вызывала страсть Наполеона, начала флиртовать с разбитным молодым человеком по имени Ипполит Шарль. У Ипполита было все то, чего не было у Наполеона: красота, атлетичность и репутация остряка и весельчака. Семья усмотрела в этом несоответствии возможность, которую следовало бы принять во внимание, и, не теряя времени, пыталась посвятить главнокомандующего во все детали. Наполеон, однако, был все еще слишком влюблен в свою жену, чтобы поддаваться слухам, и быстро справился с ситуацией, отослав своего соперника в Париж. Бонапарты были крайне огорчены провалом своей первой попытки обезвредить Креолку, но они не теряли надежды. Ипполит Шарль был той картой, которую можно держать в рукаве, и мы еще услышим о нем в ближайшем будущем.

Когда двух девушек отдали замуж, Жозеф устремился к обещанной карьере, Луи продвигался в армии, Люсьен был более или менее прощен, а двое младших детей находились в хороших школах. Наполеон теперь обратился к делу заключения мира с Австрией и укрепления своих позиций в качестве первого военачальника в Республике, занятого переговорами. Монтебелло был третьей вехой на пути продвижения семьи Бонапарт к тронам. Ранее был Тулон, вендемьер и, наконец, Италия. Отныне больше не было ложных рассветов и никаких ожиданий в разрозненных маленьких группах, что что-то изменится к лучшему. Они добились успеха, и все, за исключением Летиции, считали будущее обеспеченным. От Жозефа в Париже до Жерома в школе Жюильи все с уверенностью смотрели вперед. У них был защитник и кормилец, намного превосходящий человека, который назойливо домогался помощи своим детям, ибо, хотя путешествия Карло Буонапарте иногда и приносили результаты, подобный путь второго его сына вел не к синекуре, а к пещере Аладдина. Человек, которому досталась отцовская мантия, будто раздвигал свою ответственность. В этом отношении, как и в других, он оказался уникальным членом семьи.

Книга вторая
Переселенцы

Глава 4

Я устал от славы в двадцать девять лет…

Из письма Наполеона к Жозефу,

Египет, 1799 год

Прилив накатывался все сильнее, но все же еще не было того натиска, который разливался повсюду. И там, и здесь еще оставались скалистые острова сопротивления, разрозненные и не вполне признаваемые семьей, наслаждавшейся услугами своего лоцмана, но все же каждое препятствие могло разрушить судно, если пробираться к нему, не проявляя терпения.

Францию теперь контролировала группа из пяти директоров, состоявшая из одного оппортуниста, одного теоретика и трех ничтожеств. Никто из них не стал бы добровольно уступать власть молодому человеку двадцати семи лет. Существовали еще и прежние республиканцы, люди вроде Ожеро и Журдана, которые стали бы сопротивляться любой попытке установления диктатуры, и был еще Моро, чья слава как генерала была почти равной наполеоновской. Мелькали также и выдвиженцы, группировавшиеся вокруг Бернадотта, который женился на прежней возлюбленной Наполеона Дезире Клари и поощрялся ею к сопротивлению амбициям Наполеона. Ни одна из этих оппозиционных групп не склонялась к объединению усилий, но если бы это произошло, всякое могло бы случиться, и Бонапарты могли оказаться не у дел.

Наполеон вернулся домой из Италии 5 декабря 1797 года, и скромность его поведения при появлении на улицах столицы привела в замешательство его противников и вызвала уныние у наиболее нетерпеливых сторонников. Некоторые полагали, что ему следовало бы сразу же захватить контроль над ситуацией, используя свой триумф, и пробраться к власти при помощи голосования населения. Но безошибочный политический инстинкт побудил Наполеона к воздержанию. Он сознавал, что время еще не пришло и что успех такого переворота нельзя гарантировать. У него было глубокое недоверие к настроениям толпы, и он предпочитал прийти к власти конституционным путем. Наполеон был приветлив со всеми, и когда Директория предложила, чтобы он взял на себя командование армией на

севере и подготовил вторжение в Англию, он отправился в Па-де-Кале, инспектировал там гавани и суда, тщательно взвешивая все шансы, и пришел к выводу, что такое намерение не имело перспективы, пока Британия господствовала на море. Вместо этого его мысли обратились к Египту, и члены Директории, стремившиеся избавиться от столь опасного человека, поощряли его к этой затее. К весне 1798 года планы военной кампании уже продвинулись далеко. Сорок тысяч человек собрались в Тулоне и близлежавших портах с целью перехитрить Нельсона, который контролировал Средиземное море, и высадиться в Египте, чтобы нарушить торговлю Англии с Востоком. Это был опрометчивый план, но он захватил и удерживал воображение Наполеона. Юношеская мечта стать вторым Александром никогда не покидала его.

До новой поездки на юг в лесу под Парижем был устроен пикник. Наполеон и его жена заехали в заведение мадам Кампань и забрали Каролину, Гортензию и миловидную родственницу Жозефины Эмили де Богарне, которая тоже была ученицей этой школы. Генерала в тот день сопровождал Лавалетт, один из энергичных молодых людей, которыми он начал себя окружать. Этот военный принялся ухаживать за Эмили, отнесшейся к нему с безразличием. Такой пикник как раз и был организован с целью познакомить этих двух молодых людей, и тот факт, что подобная цель была достигнута, имел большие последствия в будущем. Вскоре после своего возвращения из Италии Луи Бонапарт посетил заведение мадам Кампань, чтобы повидать Каролину, и там он влюбился в темноволосую стройную Эмили де Богарне, чьи аристократические родители не только разошлись, но и оформили развод, и чья мать вновь вышла замуж, выбрав себе цветного партнера. Услышав об увлечении Луи, преисполненный решимости не допустить, чтобы тот подражал безрассудному поведению Люсьена, Наполеон взял дело в свои руки. Он напрямую заявил своему адъютанту Лавалетту, чтобы тот безотлагательно женился и что его главнокомандующий обеспечит ему невесту. Лавалетт протестовал, утверждая, что у него нет на это денег и что он должен на две недели отправиться в Египет, где вполне может погибнуть во время военных действий. Наполеон согласился, что такая возможность вполне вероятна, но пояснил, что он сам предоставит необходимые деньги и что государство выплачивает пенсион вдовам солдат, убитых на поле боя. Он добавил, что Лавалетт вполне мог бы жениться в течение недели и что молодые должны зачать детей, «поскольку без них жизнь не имеет никакого смысла». К счастью для Лавалетта, выбранная для него невеста была

привлекательной девушкой, и свадьба состоялась через семь дней. Спустя несколько лет взаимная привязанность этой пары превратилась в легенду, которая распространилась в Европе, после того как Эмили удалось устроить для своего мужа эффектный побег из тюрьмы в ночь накануне того дня, когда он должен был быть расстрелян за участие в «Ста днях».

Луи пришел в ярость, увидев, что избранная им девушка оказалась недоступной ему. Сомнительно, смог ли он когда-либо простить своему брату его непосредственный вклад в организацию этого бракосочетания. Гортензия Богарне, которой выпало несчастье выйти замуж за этого замкнутого, подавленного Бонапарта, заявляла, что Эмили отвечала взаимностью на любовь Луи, и если это правда, то такого рода случай до некоторой степени объясняет жалкий провал ее собственного брака, а также и дальнейшие взаимоотношения между братьями.

Жозефина сопровождала своего мужа вплоть до Тулона, чтобы посмотреть, как он скроется на парусах, а затем с облегчением вернулась в свой возлюбленный Париж и купила красивое поместье под Мальмезоном. Там она и осталась, чтобы иметь возможность наслаждаться своим любимым садоводством и с неистовой страстью отдаваться неотразимому Ипполиту Шарлю. Не прошло и нескольких недель, как весь Париж убедился в том, что он был ее любовником.

Жозеф, вернувшись из Рима, занялся укреплением своих позиций в политических кругах. Он и его простая, приятная жена Жюли купили великолепное поместье под Мортфонтеном и использовали свой дом как место для собраний бонапартистов. Иногда Жером отправлялся туда, чтобы прослушать умеренное поучение относительно своей расточительности и о том, что его отчаявшиеся наставники называли «взбалмошностью и необыкновенным пристрастием к показухе». Жером всегда был готов прослушать лекцию, если в конце ее он мог одолжить у своего воспитателя несколько тысяч франков и урегулировать некоторые из наиболее неотложных долгов. Для такого рода маневров он расположился очень удачно. Если Жозеф и Жюли подводили его, он обращался к своей матери, а если Летиция не была расположена к щедрости, он всегда мог направиться к Люсьену или к одной из своих замужних сестер. В крайнем случае он мог выпросить заем у Жозефины. Что касается нуждавшихся друзей, то у Жерома не было особых любимчиков.

Для такого образа жизни, по его мнению, были все оправдания. Парень испытывал острое личное разочарование, так как надеялся, что брат зачислит его в армию Египта и предоставит возможность разделить славу завоевателя. Ему все

еще было только четырнадцать лет, но многие из юношей его возраста зачислялись в качестве подносчиков пороха при военных моряках, сопровождавших экспедицию, и даже Эжен Богарне, образцовый ученик, покинул школу, чтобы служить сотрудником штаба. Наполеон, однако, ничего не хотел слышать о таком проекте. Жерому было сказано, чтобы он забыл о нем и занимался своим обучением. Он получил премию по географии, но этого было мало, чтобы как-то отличиться за два года учебы в лучшем колледже страны.

Люсьен же теперь внушительно продвигался вперед в качестве законодателя. Как единственный член семьи, способный произносить яркие и убедительные речи, он мог заручиться поддержкой профессиональных политиков. В Совете пятисот его репутация возрастала с каждым годом, и когда восемнадцать месяцев спустя его брат вернулся из Египта, Люсьен уже стал министром внутренних дел. Вскоре семья была ему почти столь же обязана, как и его старшему брату.

Луи сопровождал Наполеона в его экспедиции, но через шесть месяцев был отправлен домой как инвалид. Говорили, что в то время он подхватил сифилис. И его не было среди других итальянских ветеранов, когда французская армия, пересекавшая пустыню, была задержана под стенами Аккры и снова вернулась назад, чтобы сбросить турок в море под Абукиром. Пессимизм Луи уже стал всем очевиден. Он больше никогда не смог приобрести силу и жизнерадостность других Бонапартов, и вне зависимости от того, страдал он или нет от венерического заболевания, суровые испытания итальянской кампании оставили на нем свои отметины.

Элиза находила своего мужа Фелиса чрезвычайно скучным, и ее разочарование проявлялось в склонности к сплетням: иногда о любовных приключениях ее сестры Полины, но гораздо чаще относительно скандального поведения Жозефины в Мальмезоне. Имея репутацию женщины интеллектуальной, с превосходным литературным и артистическим вкусом, она не обладала достаточным темпераментом, чтобы наслаждаться славной судьбой Бонапарта. Когда она не интриговала против своей ненавистной невестки, она председательствовала в салонах писателей и художников. Жозефа она рассматривала как временного главу семейства, хорошо информированного о том, что происходило в Мальмезоне, но хотя неприязнь между Бонапартами и Жозефиной обсуждалась в каждой гостиной Парижа, между ними пока не было открытого разрыва, а всего лишь война инсинуаций. К примеру, Элиза разглагольствовала по поводу неспособности Жозефины произвести на свет наследника.

«Это, возможно, вина Наполеона», — жаловалась Жозефина, на что Элиза отвечала: «Ах, сестра, я знаю, что у тебя двое детей, но, в конце концов, ты тогда была молода!»

Скандал в Мальмезоне вскоре достиг таких размеров, что Жозефа убедили сообщить соответствующие факты Наполеону. Его письмо пересекло жестокую блокаду англичан, и генерал Жюно донес новости до своего шефа. Бурьен, главный секретарь Наполеона, оставил трогательное описание того, как главнокомандующий воспринял этот удар. Он видел, что Наполеон взволнованно ходил то сюда, то туда со своим другом Жюно, и так описывал эту сцену: «Было что-то конвульсивное в его движениях и дикое в его взглядах, несколько раз он ударял себя по голове и говорил мне: „Если ты предан мне, то должен был рассказать все то, что я только что услышал от Жюно! Это подлинный друг… Жозефина!.. А я в шести тысячах лье от нее… и предать меня таким образом! Будь они прокляты! Я уничтожу эту свору ничтожных мальчишек и хлыщей! А что касается развода с ней, то да, нужен гласный, публичный развод!“» Все выглядело так, будто письмо Жозефа принесет желаемый результат.

Но не одна лишь неверность беспокоила Бонапартов, ибо только строгая Летиция рассматривала брачные узы как взаимообязывающие. Больше всего их тревожила ужасная расточительность Жозефины, и каждый день Элиза возвращалась домой, возмущаясь рассказами о безудержных закупках и кутежах Креолки. Они решили, что развод должен последовать за возвращением Наполеона.

Так они занимались наблюдениями и разговорами в ожидании возвращения своего героя в Париж. В отличие от директоров и Жозефины они были уверены, что он должен вернуться, так как на нем лежала огромная ответственность. В глубине души Жозефина придерживалась противоположного взгляда. Она уважала мужа, но испытывала к нему весьма малую привязанность. И она видела слишком много обреченных на смерть во времена Террора, чтобы разделять заботы Летиции в отношении опасностей, подстерегавших Наполеона. Однажды вечером ранней осенью 1799 года, когда Жозефина обедала с Гойе, одним из директоров, прибыл курьер с сообщением о том, что Наполеон высадился близ Фрежюса во Франции после того, как по всему пути от Александрии его преследовали ядра английских крейсеров. Она была шокирована и обескуражена, но сразу поняла, что ей следовало делать. Вызвав экипаж и всадников сопровождения, она поспешила на юг, намереваясь добраться до него еще до того, как его разум окажется отравлен злобствованиями семьи.

Это было разумное решение, но ей не повезло, так как она выбрала более восточную дорогу и пропустила его продвижение на север. Взбешенная, она повернула назад, но было уже слишком поздно. По прибытии в Париж она обнаружила свои упакованные и увязанные сундуки в приемной на улице Шантерен. Семья успела сказать свое слово, и Наполеон был преисполнен решимости развестись с ней.

Жозефине приходилось переживать и более тяжелый кризис в Кармелитской тюрьме, до того как термидор освободил тех, кто ожидал гильотины. Многие часы простояла она перед запертой внутренней дверью дома, умоляя открыть ее, а потом упрашивая Гортензию и Эжена заступиться за нее. Наконец дверь растворилась, и Наполеон обнял ее, причем по его лицу катились слезы. Семья проиграла крупнейшее сражение, но войне предстояло длиться еще по крайней мере лет десять.

Между тем перемирие было необходимо. Каждый член клана Бонапартов — Богарне вместе со всеми друзьями и зависимыми от них людьми, поддержкой которых они могли заручиться, были необходимы для решения более неотложной задачи — превращения Наполеона во властелина Франции, который бы заменил якобинцев, неороялистов, эгалитаристов, конституционалистов и все другие партии, которые терзали Францию в последнем десятилетии. Такая попытка могла бы иметь успех до того, как Наполеон уехал в Египет, но теперь, когда итальянская политика оказалась несостоятельной и страна вопила о необходимости сильного правительства, решающий шаг к тому, чтобы поставить себя во главе событий, почти с полной определенностью должен был закончиться удачей при условии, что он был бы тщательно отрепетирован. В течение нескольких часов после своего возвращения Наполеон зондировал директоров, и, обнаружив, что все они не были склонны откликнуться на его предложение уйти в отставку, он решился на государственный переворот.

В мире измен, где трескучие политические фразы заменяли быстрые решения на поле боя, Наполеон не был уверен в себе и отчаянно нуждался в опытных политиках, которые могли бы давать ему советы и направлять его усилия. К счастью, они оказались у него под рукой, и дом на улице Шантерен стал местом встреч половины политических оппортунистов Парижа. Правильный выбор времени и, по крайней мере, кажущаяся легальность были важнейшими условиями, и бонапартисты с помощью Жозефины приступили к работе с каждым, кто представлялся полезным в политическом плане.

В среде заговорщиков выделялся Жозеф, теперь уже опытный

в таких делах и считавшийся членами всех партий настойчивым, надежным, человеком дела, и Люсьен, чьи способности в политической области не подвергались сомнению, но чья репутация была не совсем прочной и надежной. За недели, прошедшие между возвращением Наполеона в Париж и государственным переворотом, известным как брюмер из-за его места в календаре республиканцев, Наполеон полагался на этих двоих больше, чем когда-либо еще в своей жизни. Жозеф и его жена Жюли были особенно полезны на ранних стадиях заговора, так как они привлекали на свою сторону не принявших на себя никаких обязательств политиков и солдат, в то время как сестра Жюли, Дезире, только что вышла замуж за загадочного Бернадотта, возможного соперника Наполеона. Люсьен продолжал трудиться в Совете пятисот и преуспел в вербовке около шестидесяти депутатов, на которых можно было рассчитывать в поддержке заговора. Жозефина с успехом использовала свои чары в убеждении троих из пяти директоров и похожего на Макиавелли Талейрана. Аббат Сьейес, теоретик Директории, уже склонялся в пользу захвата власти Наполеоном, другой директор, Роже Дюко, был также покорен этой идеей. Баррас, в то время наиболее могущественный человек во Франции, уже удалился в свое загородное поместье, чтобы наслаждаться судьбой, которая выпала ему, так что оставались лишь двое, Гойе и Мулен, оба исключительно честные люди, которых невозможно было подкупить и которые предпочли бы не иметь никакого отношения к дворцовому перевороту. Наполеон чувствовал, что мог быть уверен в большинстве военных, хотя трое из прежних республиканцев, Ожеро, Журдан и Лефевр, в последний момент вызвали у него некоторую тревогу. Муж Полины, Леклерк, был уже своим человеком, и никто, казалось бы, не говорил мужу Элизы Баччиоки, будто происходит что-то необычное. Бернадотт оставался непредсказуемым вопреки сильному давлению со стороны Жозефины и своего свояка Жозефа. Можно было также полагаться на Луи, профессионального солдата, а двое младших детей все еще оставались в школе и ничему не мешали.

18 ноября, через тридцать четыре дня после возвращения Наполеона в Париж, заговорщики приступили к действиям. Совет старейшин и Совет пятисот прервали заседания и переместились во дворец Сен-Клу, мотивируя свои действия опасностью захвата власти якобинцами. Офицеры Бонапарта заняли позиции в стратегических точках города, и вначале казалось, что переворот может произойти почти без лишних усилий. Затем начались трудности, и вину за плохо продуманные стадии заговора можно

возложить только на центральную фигуру, которая была совершенно неподготовлена к такого рода ситуациям. Когда Наполеон обратился к Совету старейшин, предостерегая от несуществовавшего заговора, его речь носила столь банальный характер, что друзья вытащили его из зала. Растревоженные и неуверенные законодатели спорили, колебались и затягивали обсуждение. Отставка некоторых из директоров ничего не прояснила в отношении того, что происходило в Оранжерее внизу, где Люсьен пытался выиграть время, разглагольствуя перед коллегами в своем лучшем республиканском стиле. Начинало казаться, что тщательно продуманный заговор заглохнет под взрывом иронического смеха.

В Совете старейшин это уже почти началось. Наполеон произносил громкие слова о Божестве битв и Богине судьбы, пока Бурьен не прошептал ему: «Остановитесь-ка, генерал, вы не знаете, что говорите!» Но в Оранжерее, где Люсьен вел битву за свою жизнь, не было смеха. Вместо этого раздавались отдельные выкрики «вне закона» со стороны возмущенных депутатов, и протесты умножились, когда появился Наполеон, так что вскоре ни он, ни Люсьен не могли заставить себя слушать. Депутаты перебивали друг друга и шумели вокруг запинавшегося победителя Италии, выкрикивали требования о его выдворении и выталкивали его. Наполеон вырвался вперед с криком, что его пытаются убить. Люсьен взобрался на трибуну и в качестве президента (он был удостоен этой должности лишь за месяц до того в честь возвращения своего брата) начал звонить в колокольчик, требуя внимания. Крайне возбужденные и самоуверенные из-за видимости победы, его оппоненты не давали ему говорить, и Люсьен сделал лишь то, что ему оставалось: он сорвал с себя знаки различия и поспешил убраться из палаты.

За пределами палаты, во дворе, уже казалось, будто все проиграно, и это могло бы произойти, если бы нервы Люсьена не оказались крепче, чем у его брата. Увидев сомкнутые ряды охранников Совета, он вскочил на лошадь и обратился с речью к солдатам. Его воображение набирало силу, и бесстрастные гренадеры начали волноваться под потоком его слов. «Говорю вам, что там, внутри, большинство депутатов терроризировано горсткой вооруженных якобинцев! — кричал он. — Эти негодяи находятся на содержании англичан! Они осмелились поставить вне закона вашего генерала… По существу, они пытались убить его. Взгляните на его раны! Используйте свои штыки, чтобы оградить его от их кинжалов… Не признавайте депутатами никого, кроме тех, кто со мной в глубине ваших рядов!»

Наполеон, все еще бледный и пошатывающийся после

произошедшего в Оранжерее, прислушивался к воззваниям своего брата. «Раны», на которые ссылался Люсьен, представляли собой несколько царапин, которые Наполеон в возбуждении нанес себе сам, но теперь он присоединился к брату, начав со слов: «Следуйте за мной… Я Божество битв!..» На что затаивший дыхание Люсьен прошептал: «Ради Бога, попридержи свой язык!» Однако, когда братья снова пошли к палате, ободренные солдаты двинулись за ними. За пять минут все было кончено, депутаты выскакивали из окон и скрывались в сгущавшейся темноте, а Люсьен метался вокруг, в попытке удержать тех, в ком он нуждался, чтобы ратифицировать назначение Наполеона в качестве директора. Он собрал около пятидесяти из них, и даже при таком меньшинстве демократическому сознанию нации пришлось бы удовлетвориться. На следующий день Сьейес, Дюко и Наполеон образовали триумвират. Через несколько недель двое из них, Сьейес и Дюко, отошли от дел, и их заменили двое других непримечательных людей, а Наполеон принял на себя роль первого консула. Он добился триумфа. Но заслуга эта, по существу, принадлежала Люсьену.

В ту же ночь в общей спальне заведения мадам Кампань молодых девушек охватило волнение. Спокойствие вечера в жилом районе было нарушено цоканьем копыт, когда к школе подскакали четыре всадника и заняли позиции охраны на всю ночь. Они были посланы Мюратом, человеком из ближайшего окружения Наполеона, получившим известность при выдворении депутатов из палаты. «Младшая сестра генерала должна иметь дополнительную защиту», — заявил он. И Каролина, которая давно уже привлекала внимание этого красивого гасконца и намеревалась выйти за него замуж, избежав тем самым утомительных ограничений жизни в выпускных классах школы, пришла в восторг от таких слов. Она не теряла времени на рассказы своим подружкам о причинах прибытия особой охраны и не пожелала назвать имя солдата, который обеспечил ее. Менее чем через год ему предстояло стать ее мужем и начать совместное длительное путешествие в Туманную страну кукушек — путешествие, омраченное безрассудством, самонадеянностью, жадностью и предательством.

Глава 5

Не совсем двор, но уже и не лагерь…

С ноября 1799-го до февраля 1800 года Наполеон жил в Люксембургском дворце, в котором так долго заседала Директория. Ранней весной нового года он переехал в Тюильри, где, как заметил один наблюдатель, «мы были не совсем двором, но уже и не лагерем». При этом втором решающем шаге по захвату самодержавной власти отношение Наполеона к семье претерпело трудноуловимые изменения. Отбросив все претензии на роль брата, озабоченного лишь помощью семье и продвижением карьеры ее членов, он превратился в арбитра их частной жизни. Этот период между брюмером и обретением им императорского титула получил известность как консульство, и именно тогда он взял на себя не только контроль над Францией, заботу о государстве, но и полную власть над четверыми своими братьями и тремя сестрами. Начиная с этого времени никому из них не позволялось принимать важные личные решения без его одобрения. Каждый реагировал на такое диктаторство в соответствии со своим темпераментом, но в основном, хотя им часто не нравилось такое вмешательство, они принимали его руководство. Только Люсьен находил подобные узы невыносимыми, но даже он на время подчинился им. Общая покорность брату могла быть вполне понятной, поскольку вознаграждения за послушание были значительны, а цена за неповиновение — большей, чем кто-либо из них готов был в то время платить.

Первым событием в семье, ознаменовавшим новый период, была свадьба Каролины, теперь уже приближавшейся к своему восемнадцатому дню рождения. Она была в восторге от того, что получила разрешение покинуть ненавистное училище для девиц и выйти замуж за Иоахима Мюрата, когда-то молодого гасконского конюха, а теперь прославленного генерала и близкого друга Наполеона. Каролина встретила красивого, статного кавалерийского офицера в Риме, и оба они с самого начала привязались друг к другу. Но к тому времени Наполеон уже принял решение, что несвязанным браком членам семьи Бонапарт вменялось в обязанность укреплять его положение, и, когда он вернулся из Египта осенью 1799 года, начались разговоры, что Каролине предназначено выйти замуж за генерала Моро, победителя под Гогенлинденом и наиболее опасного соперника

Наполеона в армии. Как и Мармон до него, Моро отказался, и это решение изменило его жизнь. Позднее, вовлеченный в тайный сговор роялистов, он был выслан из страны, а через несколько лет после этого, находясь на службе у врагов Франции, убит под Дрезденом. Приблизительно в это же время велись разговоры о выходе замуж дочери Жозефины Гортензии за генерала Дюрока, другого известного бонапартиста, но генерал Дюрок также отказался. По странному совпадению он погиб в той же кампании, но ядро, убившее добродушного оберцеремониймейстера дворца, было выпущено из вражеской пушки.

Итак, Каролина вышла замуж за сына содержателя гостиницы и всем говорила, что она без ума от любви к своему элегантному мужу. За время существования империи Мюрат завоевал блестящую репутацию как командир ударных эскадронов на поле боя, и в этом качестве он никем не был превзойден. Наряду с такой репутацией возникла, однако, и другая — человека с сердцем льва и политическими суждениями овцы. Его жене, умной, безжалостной и всегда совершенно беспринципной, предстояло пожинать плоды этого противоречия.

Мюрат никому не был обязан своим положением, кроме себя самого. Лишенному образования и какого-либо покровительства, ему предназначена была церковная служба, но еще мальчишкой он убежал из дома и вступил в революционную армию гусаром. В самом начале карьеры Мюрат привлекал к себе внимание шутовским поведением, яркими одеждами и исключительной храбростью. Он был хорошего телосложения, прекрасным наездником, хвастуном, франтоватым шутником… и вне поля боя полным глупцом, но ни один из его врагов, которые у него возникали на протяжении всей карьеры и как солдата, и как короля, никогда не обвинял его в нерешительности и неспособности рискнуть жизнью, встав во главе своих людей во время боевых действий. Когда бы ни звучал сигнал к атаке, Мюрат устремлялся в нее (заменив свою саблю на золотой жезл) и часто вступал в бой без головного убора с развевающимися по ветру черными кудрями, а его импозантная форма и экстравагантные жесты превращали его в полулегенду и в полушутку среди ветеранов Великой армии. Во время их бракосочетания Каролина обожала его, но довольно скоро она смогла взвесить все его способности. При некотором рассудочном прощупывании и ворчании, которое он только мог выдержать, она решила, что их шансы на возможность превзойти остальных членов семьи вполне хороши. Ведь Наполеон был известен своей благосклонностью к старым друзьям, а когда он стоял, нуждаясь в

пушках, в ночь, предшествовавшую знаменитой «струе картечи», именно Мюрат нашел их. С тех самых пор он постоянно был под рукой у Наполеона, никогда не сомневавшегося в его способности руководить большими массами кавалерии. И когда Франция снова оказалась в состоянии войны и первый консул пересек Альпы, чтобы одержать трудную победу под Маренго, его новый зять скакал вместе с ним и завоевывал новые лавры. Каролина с одобрением замечала, что на смотрах и приемах, которые вновь входили в моду, ее муж представлял собой весьма впечатляющую фигуру. В своей пышной форме он привлекал к себе большее внимание, чем скромные военные вроде молодого мужа Полины Леклерка, и намного большее, чем глупый Баччиоки Элизы. Каролина приняла решение, что при распределении новых наград она замолвит словечко за Иоахима и, возможно, таким образом одержит победу над Полиной, которая считалась любимицей Наполеона. Менее чем через год Каролина приобрела изначальное преимущество над всеми членами семьи, родив первого внука Буонапарте Ахилла Шарля Луи Мюрата. Жена Жозефа Жюли со временем одарила своего мужа двумя дочерьми, но первая из них появилась на свет позднее Ахилла, хотя и в том же году. Элиза и Полина в то время не имели детей (Полина вопреки двум бракам так и умерла бездетной), а у Люсьена было две дочери, но ни одного сына от его первой жены Кристины Бойер. С рождением Ахилла и при отсутствии у Наполеона прямого наследника Каролине представлялось, что ее перспективы на получение преимуществ над сестрами и братьями были обеспечены. Но ее надежды чуть не были перечеркнуты незадолго до того, как ребенок родился. В канун Рождества, направляясь к Опера, чтобы прослушать исполнение «Создания» Гайдна, Каролина оказалась в карете, которая проезжала мимо безобидно выглядевшей двуколки, привязанной к какой-то ограде. И когда консульская процессия поравнялась с ней, раздался оглушительный взрыв. Прохожие, сопровождавшие процессию всадники, а также стекла, камни и балки были разбросаны вдоль и поперек района, и когда улеглась пыль, вся округа отеля Лонгевилля превратилась в руины, мертвые и раненые усыпали улицу. Лошадь и двуколка, где укрывалось дьявольское устройство, помещенное туда для уничтожения первого консула, исчезли. «Полагаю, что эти негодяи пытались взорвать меня» — так комментировал это событие Наполеон, когда прибыл в театр и принимал приветствия аудитории. Но Каролина, находившаяся на поздней стадии беременности, оказалась перед угрозой утраты ребенка. Ей повезло, и Ахилл, вполне здоровый мальчик, появился на свет как раз в то время,

когда по всему Парижу происходили сотни арестов. Малыш стал источником чрезвычайного удовлетворения для своей матери в предстоящие годы. Но когда все надежды на появление ребенка у Жозефины исчезли, он оказался причиной новых трений между Каролиной и робкой Гортензией, которая когда-то пыталась оказать ей услугу, помогая получить премии в школе.

Элизе и Люсьену снова пришлось поволноваться. Как и во всех крупных семействах, у Бонапартов существовали свои союзы братьев и сестер, и недоброжелательная Элиза всегда принимала сторону бурного и непредсказуемого Люсьена. В период консульства именно эти двое, так же как и Жером, вызывали тревогу у Наполеона, вовлекая его в семейные скандалы. Скандалы внутри семьи были чем-то таким, чего он опасался больше, чем союзов королей или открытой оппозиции своей политике. Он с легкостью относился к возникновению враждебных коалиций и политических оппонентов, но был исключительно раним, когда критиковали его семью. Сознание, что его братья и сестры подвергаются публичному обсуждению, неизменно приводило его в ярость. Элиза и Люсьен утвердились в семье как лидеры драматических, литературных и артистических кружков Парижа, и по большей части их деятельность была достаточно безобидной, хотя они склонялись к тому, чтобы поощрять своих друзей рассматривать первого консула как филистера. Наполеон какое-то время переносил это спокойно, но его возмущение обрушилось на них, когда он узнал о любительском театральном представлении, в котором брат и сестра появлялись на сцене в ярко-красных, облегающих, прозрачных панталонах. «Я не потерплю такое непристойное поведение! — кричал он. — Когда сам появляюсь в одежде в попытке снова поднять мораль людей и уважение между ними, мои брат и сестра предстают перед публикой почти голыми!» Его вспышка была оправданной. В то время как он работал по пятнадцать часов в сутки, приводя в систему разные законы, сознание, что умалявшие его заслуги люди насмехаются над широкой задницей Элизы, выступающей в любительских пантомимах, должно было вызывать у него понятное раздражение. Его упрекам, однако, не суждено было достигнуть цели. Вскоре его брат и сестра настолько втянулись в дальнейшее фиглярство, что даже поговаривали, будто они намеренно дурачатся, чтобы оплевать человека, которому были столь обязаны с того самого дня, когда впервые прибыли во Францию.

Другое и гораздо более серьезное основание для трений между братьями возникло, когда Наполеон решил продать Соединенным Штатам французскую территорию Луизианы.

Люсьен в качестве министра внутренних дел был лично вовлечен в переговоры об эксплуатации этой территории. Сообщение о грядущей ее продаже привело его в ярость, но не по патриотическим мотивам, а потому, что Люсьен сам обогащался в этой области за счет распродаж монопольных прав. Он заручился поддержкой своего брата Жозефа, и они поспешили в Тюильри, где бросили вызов первому консулу, в то время как тот принимал ванну.

Последовавшая за этим сцена была смехотворна. Жозеф и Люсьен заявили, что палаты не одобрят продажу, в то время как Наполеон утверждал, что он пойдет на это вне зависимости от того, одобрят палаты продажу или нет. Жозеф, очнувшийся от обычной летаргии, кричал, что, если Наполеон совершит такое неконституционное действие, он сам встанет во главе оппозиции и сокрушит своего брата вне зависимости от их взаимоотношений. Такое отношение к нему со стороны Жозефа повергло Наполеона в бешенство. Выпрыгнув из ванны, он прокричал, что братья были дерзки и он велит арестовать их. Облитые водой из ванны, братья отступили, и новая сцена произошла в тот же день в библиотеке, когда Жозеф и Люсьен возобновили свои протесты, а Наполеон, опять вышедший из себя, бросил на пол ценную табакерку и раздавил ее. Эта была пустая вспышка со стороны всех троих. Луизиана была продана за двадцать миллионов долларов, и Франция лишилась своей опоры в Новом Свете.

Возбуждение Жозефа вскоре поостыло, но с Люсьеном этого не произошло, и он продолжал находиться в оппозиции к политике своего брата. Вскоре после ссоры в ванной стало известно, что он внес свой вклад в памфлет в пользу восстановления по конституции наследственной монархии по английскому образцу. Никто не может быть уверен в том, пришел ли уже тогда Наполеон к решению о выдвижении самого себя в качестве императора французов или готов был удовлетвориться ролью создателя королей. Но каковы бы ни были его тайные планы во время первых лет консульства, он не потерпел бы подсказок со стороны салонных политиканов, которые окружали Элизу и Люсьена. Новая вспышка ярости закончилась тем, что Люсьен лишился своего поста министра и был направлен в Мадрид в качестве посланника при дворе.

Если Наполеон думал, что положит конец интригам своих братьев, то он ошибался. Там, в Испании, молодой человек составил себе состояние, и поэтому Наполеон вынужден был искать какой-то другой путь для залатывания дыр их быстро ухудшавшихся взаимоотношений. Его подтолкнула к этому

смерть жены Люсьена Кристины, и, узнав о случившемся, Наполеон сразу же решил, что брату следовало бы снова жениться, но на этот раз выбрав королевскую наследницу, овдовевшую королеву-мать Этрурии.

Кристина Бонапарт, урожденная Бойер, очаровательная невеста, за которой Люсьен ухаживал во времена своего пребывания в Миди в качестве хранителя склада, уплатила высокую цену за то, что сдалась молодому человеку, взбудоражившему всю деревню своими пылкими речами в последние дни революции. В течение длительного времени ее знаменитый деверь отказывался видеть Кристину, и только постепенно Летиции и Жозефу удалось убедить Наполеона воспринять ее как невестку. С того времени Кристина была захвачена потоком событий, которые выходили за пределы ее ограниченного понимания, но она продолжала почитать Люсьена и родила ему двух дочерей. Ее третья беременность, прерванная на третьем месяце, подорвала ее здоровье, и она утратила вкус к жизни. Друзья, навещавшие Кристину незадолго до смерти, находили ее лежащей у открытого окна на простой военной койке. Она говорила, что не смогла бы дышать в большой постели, предоставленной ей мужем, и что жесткая койка напоминала ей о ее маленькой спальне в деревне Сен-Максимин. Это был ее способ поведать им, что она чувствовала себя глубоко несчастной в окружении роскоши и великолепия, и через день или около того она умерла. Люсьен вскоре утешился, взяв себе в любовницы другую красивую женщину, на этот раз покинутую жену одного из парижских банкиров по имени Жуберфон. Мадам Жуберфон оказалась женщиной сладострастной, и в 1802 году он женился на ней путем тайной гражданской церемонии. Этот шаг не был преждевременным. Мадам родила ребенка на следующий день после бракосочетания, но каким-то образом Наполеона держали в неведении об этом факте, и он объявил, что Люсьену предстоит получить назначение послом в Этрурию, где женитьба на королеве-матери станет подходящим для него выходом. Когда же, в конце концов, Люсьен был вынужден поведать брату правду, гнев первого консула был ужасен. Его первым побуждением было послать за нотариусом, который регистрировал брак, но этот чиновник, очевидно, проявил себя человеком исключительной невозмутимости. На обвинение Наполеона в незаконности брака нотариус отвечал, что он был вполне легальным, поскольку жениху уже свыше двадцати одного года и он не обязан получать чье-либо разрешение на свадьбу. Высказав это, нотариус взял свою шляпу и ушел, став, вероятно, единственным человеком, которого Наполеону не удалось запугать. Затем первый консул

обратился к Люсьену и стал насмехаться над ним из-за женитьбы на вдове. Но Люсьен бросил ему в ответ весьма характерную колкость: «Ты также женился на вдове, но моя еще не стара и не пахнет дурно!» Неизвестно, что ответил Наполеон на такое оскорбление, но вероятно, это углубило его ожесточение против столь надменного человека.

Вопреки просьбам Жозефа и матери Наполеон настаивал на своем решении выслать брата и поступил именно таким образом. Люсьен вышел в отставку и выехал в папское государство. К досаде Наполеона, Летиция вздумала во что бы то ни стало поехать с ним, предпочитая сменить парижские тревоги на страну, где никто не заметит ее неспособности справиться с французским языком и не станет делать ей замечания на сей счет.

В разгар этой борьбы с Люсьеном, но еще до того, как она достигла своего апогея, у Наполеона произошли неприятности с его любимицей, беспорядочной Полиной.

В декабре 1802 года, когда он уже свыше двух лет властвовал во Франции, Наполеон, нарушив принципы революции, направил большую армию и флот к острову Санто-Доминго, где недавно восстало черное население и теперь провозглашало свободу и равенство под руководством Туссена Л'Увертюра, одного из наиболее одаренных негров своего времени с задатками государственного деятеля. Командующим этой экспедицией был назначен Виктор Эммануэль Леклерк, муж Полины, и этот генерал получил инструкцию восстановить на острове рабство на том основании, что негры будто бы были более счастливы в полной зависимости от хозяев. Наполеон, который придерживался строгих правил в отношении ответственности жен, настаивал, чтобы Полина сопровождала Леклерка и оставалась с ним на протяжении всей этой трудной кампании в почти непереносимом климате. Полина пришла в ужас. Между потоками слез она восклицала, что с ее фигурой будет покончено, что Антильские острова не подходят для модных женщин и что она ссылается жестоким братом, чтобы жить среди змей и дикарей. Слезы ее ничего не дали, и Наполеон остался непреклонным. Место жены, говорил он, быть рядом с мужем, и даже нежелание Леклерка отягощать себя такой дополнительной ответственностью не убедило его отменить свой приказ.

Лоретта Пермон (впоследствии прославившаяся как мадам Жюно) навестила Полину во время разыгравшегося кризиса и тактично предположила, что вкус Полины к экзотическим одеждам сможет ей пригодиться в Санто-Доминго. При этом Полина сразу успокоилась и прекратила жаловаться на дикарей и змей. Ссылка на «змей» подала Лоретте другую убедительную

идею, и она заметила, что в Вест-Индии нет змей, но что Полина наверняка произведет сенсацию в столице, когда будет носить креольский тюрбан и длинную полосу муслина. Уразумев, что ей не осталось другой альтернативы, Полина утерла слезы и начала упаковываться. Размеры багажа, который она послала в Брест, вызвали замешательство у главнокомандующего флагманского судна. Еще до Рождества они отправились в плавание, а в конце января началась отвратительная кампания кровопролитий и ужасов, которая помогла Наполеону утратить прекрасный шанс ослабить доминирование Англии на морях с помощью поощрения революций на каждом населенном рабами острове Вест-Индии.

Туссен Л'Увертюр сражался отчаянно, но наиболее страшным, смертельным для европейцев врагом оказался климат. Вскоре за дело взялась и желтая лихорадка, наполнив госпитали больными и умирающими. Жертвой ее стал и сам Леклерк, и Полина была уже вдовой, когда последние остатки французской армии сдались британскому флоту и были переправлены домой. С главным врагом Наполеона был тогда подписан недолговечный мир.

Полина Леклерк была не такая женщина, чтобы тратить свою молодость на оплакивание мужа, погибшего от желтой лихорадки.

Когда она достигла Франции, волосы ее были коротко острижены и она была одета в черную одежду, но через несколько дней Полина уже присматривала себе нового мужа. Еще и год не истек, как она нашла себе такового, намного лучшую партию, чем несчастный Леклерк, особенно потому, что он не только был князем древнего рода, но также и весьма богатым человеком. Камилл Боргезе мог выполнять любые ее прихоти, и мадам Жюно в своем дневнике так рассказывает о посещении Полины вскоре после ее возвращения с Санто-Доминго: «Она ангельски выглядела во вдовьем трауре». Но несмотря на временное уединение, которое обычай налагал на нее, Полина заявила Лоретте: «Если мой брат вознамерится запереть меня, я положу конец своему существованию». По ходу дела вызывает интерес тенденция всех Бонапартов угрожать самоубийством, когда бы они ни погружались в уныние. Полина, Люсьен и все остальные были склонны к угрозам подобного рода, и еще неизвестно, не использовал ли их сам Наполеон. Уединение Полины было, однако, весьма недолгим, и вскоре она попыталась превзойти в своих одеяниях жену первого консула, бывшую в то время признанной заправилой среди парижских модниц. Во время визита к Жозефине она особенно преуспела в этом, появившись в Сен-Клу в платье из зеленого бархата, на котором, как пишет мадам Жюно, «были выставлены все бриллианты дома Боргезе!».

В том конкретном случае вкус Полины был отдан в жертву показухе. Ее голова, шея, уши и руки были перегружены бриллиантами, и она вся была покрыта ослепительной массой драгоценных камней. В восторге от своего триумфа Полина упивалась тем впечатлением, которое производила, и после того как она торжественно прошла через комнату подобно моделям на выставке мод, она уселась близ одного из своих друзей, кивнула следовавшим за ней льстецам и воскликнула: «Лоретта, моя маленькая Лоретта, только взгляни на них! Они готовы лопнуть от зависти, но все же я княгиня, и настоящая княгиня!»

Между тем семейства Бонапарт и Богарне оказались связанными еще одной свадьбой. 3 января 1802 года Жозефина убедила своего мужа создать союз, о котором она подумывала еще с тех пор, как сплетни Бонапартов почти преуспели в разрушении ее брака после внезапного возвращения Наполеона из Египта. Гортензия, нервная семнадцатилетняя дочь жены первого консула и аристократа, погибшего под гильотиной, в присутствии всей семьи стала женой Луи, того брата Наполеона, к которому он проявлял особую привязанность ввиду их близкого общения в прежние времена. Это была пара, на которую и Наполеон, и Жозефина возлагали надежды по возможному разрешению их трудностей с наследником. Они были женаты уже около шести лет, и оба пришли к выводу о малой вероятности рождения собственного ребенка. Жозефине было теперь тридцать восемь лет, и когда наметилась свадьба Луи и Гортензии, Наполеон в открытую заговорил о ее надеждах и опасениях, заявив, что смотрит на Луи как на сына и уверен, что его жена обожает свою дочь, «так что их дети будут нашими!». И еще до того как Жозефина смогла выразить свое облегчение, он продолжал: «Мы усыновим или удочерим их, и это утешит нас в том, что мы не имеем собственных детей. Необходимо, конечно, чтобы наш план был с одобрением встречен молодыми людьми».

План не встретил их одобрения, что, однако, не могло стать причиной для его отклонения. Луи не был Люсьеном, а Гортензия понимала, насколько такая свадьба укрепит влияние ее матери на Наполеона. Именно по этой причине, и только по ней одной, она наконец согласилась принять полковника Луи Бонапарта в качестве своего мужа, и это стало решением, которое вызывало у нее сожаление на протяжении всей жизни. Замужеству Гортензии предстояло превратить ее из здоровой девушки в жалкую невротичку, которая фетишизировала все свои личные беды.

Луи, которому теперь было уже двадцать два года, жил в Тюильри, так как Наполеон переехал в Бурбонский дворец, но он,

как представлялось, не беспокоил своего брата неблагоразумными поступками, которые практиковали Элиза, Полина, Люсьен или Жером. Молчаливый и подозрительный характер Луи удерживал его от извлечения слишком больших выгод из улучшившейся судьбы семьи. Он не залезал в долги, не принимал участия в любительских театральных представлениях и даже не развлекался в той степени, в какой это делали Жозеф и его жена Жюли. У него было мало от пристрастия к личному хвастовству, столь присущего Жерому, и совсем никакой склонности к интригам, любимому занятию младшей сестры Каролины. Он не любил откровенничать и серьезно относился к своей профессии, но не настолько, чтобы приобрести хорошую репутацию в армии или выполнить обещание своей юности, данное на мосту под Арколой. Сифилис вполне мог бы быть принят во внимание для понимания его склонного к самоанализу характера, но, как представляется, этому не было никаких реальных доказательств, хотя разумно предположить, что он страдал от нездоровья, и еще в раннем возрасте у него развился частичный паралич, который вызвал хромоту и усилил присущее ему мрачное настроение. Он не выдвигал никаких возражений против брака, и Гортензия после недельного размышления информировала секретаря Наполеона Бурьена, что она согласится на такое предложение. За этим последовало множество взволнованных действий, и Наполеон при встрече с Гортензией, спустя примерно один день, заметил: «Хорошо, хорошо! Луи, стало быть, сватается к тебе, не так ли? Это должно устраивать тебя и твою мать». И добавил с шутливым притворством: «Вот и я даю свое согласие!» Такое замечание должно было изумить несчастную девушку.

Наполеон любил раздавать свадебные подарки, и на этот раз он послал своей падчерице несколько ценных бриллиантов, но она не стала их надевать при свадебной церемонии, предпочитая появиться в платье из белого крепа, украшенном жемчужинами и небольшим букетом флёрдоранжа. Читая ее собственный краткий отчет об этом событии, нельзя не поддаться впечатлению, что она предпочла бы носить траур.

Несмотря на ощущение некоторого облегчения, Гортензия видела, что Жозефина плакала, но слезы у Жозефины возникали с большой легкостью. Когда гражданские формальности закончились, пара направилась в свой дом на улице де-ля-Виктуар, где кардинал Капрара, недавно прибывший во Францию для участия в восстановлении католической веры, благословил их от имени Церкви. Такое же благословение было дано и другой молодой паре — Каролине и ее мужу Мюрату, которые оформили

свой гражданский брак еще до того, как вера была восстановлена во Франции, и теперь вышли вперед, чтобы воспользоваться такой возможностью. Гортензия рассматривала их участие в церемонии с некоторой долей горечи. Ее бывшая школьная подруга была, как она заметила, влюблена в своего мужа, а он в нее. Но Гортензия пыталась утешиться сознанием, что Луи «считался добрым молодым человеком, который будет относиться к ней с мягкостью и вниманием». Вскоре она утратила эти иллюзии. В первый же день Луи упорно ворчал, что его молодая жена не проявляет достаточного интереса к впечатляющей демонстрации свадебных подарков, а позднее, во время их медового месяца, в Мальмезоне между ними произошла первая ссора. Наблюдая за неуклюжим офицером, занятым разрешением какой-то головоломки, Гортензия и ее подружка начали хихикать. Луи, всегда готовый оскорбиться, предположил, что они смеялись над ним, и ответил соответствующим образом. Последовали взаимные обвинения, и Луи, подняв глаза от романа, который писал, прокричал: «Предупреждаю тебя, что только женщина невысокой морали осмеливается смеяться над своим мужем и делать из него посмешище! Скорее я покину тебя, чем позволю, чтобы меня унижали!» После этого бедная новобрачная разразилась слезами, и кто бы мог поставить это ей в вину? Такое замечание позволило Гортензии немного узнать человека, за которого она вышла замуж, и перспективы предстоящих лет ужаснули ее. «После этого, — заявляла она, — Луи вызывал у меня лишь одно чувство. Это был страх!»

Вскоре после этой свадьбы Наполеон и Жозефина отправились на юг, в Лион, где их с энтузиазмом принимали в городе, который в большей степени, чем центр Франции, пострадал от жестокости фанатичных республиканцев. Вероятно, лионцы усматривали в этом человеке правителя, который прекратит претензии на флирт с республиканцами и покажет себя в качестве страстного поборника порядка, торговли и тщательно отсортированного общества. Он уже много сделал для Франции, и его противники за границей давали ему несомненную возможность сделать еще больше. На протяжении двух месяцев в городе горели костры и устраивались фейерверки в честь мира с Англией — мира после войны, продолжавшейся более девяти лет. Между тем, вероятно, сам этот человек надеялся на мир в своем семейном кругу. В то время репутация Жозефа как дипломата возрастала, Люсьен, которому вскоре предстояла высылка, был далеко в Испании, Луи оказался благополучно женат и мог произвести наследника, Элиза, Полина и Каролина были выданы замуж. Оставался неженатым только один Бонапарт, молодой

Жером, который теперь постигал свое дело как моряк. При поездке на юг после женитьбы Луи Наполеон обдумывал, как бы найти подходящую жену для Жерома, кого-нибудь, кто поможет парню повернуться спиной к «легкомыслию», слову, которое монотонно звучало во всех сообщениях о Жероме.

В то время, ранней весной 1802 года, Жерому оставался еще год до женитьбы. К несчастью для всех, кого это касалось, это была женитьба, которая ничего не привнесла в достойное имя семьи.

Решение Наполеона зачислить Жерома в качестве корабельного гардемарина во французский флот частично было связано с политикой, а частично — с осторожностью. Для Наполеона как для правителя государства было необходимо поощрять своих братьев к тому, чтобы служить хорошим примером в возможно большем количестве областей, а поскольку один из них уже занимался литературой, другой находился в дипломатическом корпусе, а еще один в армии, представлялось желательным послать самого молодого Бонапарта в море, особенно когда Франция отчаянно нуждалась в опытных морских офицерах. Помимо политических соображений, становилось очевидным, что, если позволить Жерому подрасти, не выработав вкуса к дисциплине, он не замедлит обрушить бесчестие и на себя, и на свою семью. В семнадцать лет он был испорченным и несколько порывистым подростком, чей врожденный бурный темперамент наряду с близкими отношениями с самым могущественным человеком Франции сумели заглушить те дарования, которыми он обладал. Его стремление к экстравагантному образу жизни и распущенность были уже замечены матерью и Жозефом, но вина за это ложилась не столько на него самого, сколько на тех, кто давал ему волю во время длительных отлучек Наполеона. Каждый член семьи в то или иное время одалживал ему деньги для свободных трат, и даже его мать, достаточно строгая во всех других отношениях, портила Жерома, когда от него отворачивался Наполеон. В одном плане такое раннее развитие было понятным. Он оказался единственным мальчиком среди Бонапартов, который был еще ребенком, когда прелести жизни стали для них доступны. В отличие от всех остальных, включая и Каролину, он плохо помнил о трудностях тех дней, которые предшествовали Тулону. Как прилежный мальчик с природной склонностью к получению похвал со стороны взрослых, он мог бы многое выиграть от образования в двух отличных школах, которые посещал. Но Жером не был прилежным, и поскольку сам выбирал свой жизненный путь, его нисколько не заботило, что́ о его поведении

и достижениях в учебе думали старшие. Он был веселым, предприимчивым, приветливым, живым молодым бездельником с чувством юмора, которое отсутствовало у всех других Бонапартов, за исключением его сестры Полины, но он обладал большим упорством Бонапартов и такой же храбростью и амбициями, как и любой из них. Единственным желанием Жерома в то время было подражать своему знаменитому брату на поле боя, и когда его брат Луи и сводный брат Эжен отправились в качестве помощников к своему генералу, оставив его позади себя с ненавистными школьными учебниками, он прореагировал на это таким способом, который был естественным для мальчика его возраста и темперамента, подменив весельем ту славу, которую, по его убеждению, он мог бы приобрести, если бы ему для этого дали возможность.

Весной 1800 года, несколько месяцев спустя после брюмера, Жером испытал горькое чувство обиды, будучи во второй раз оставленным в стороне, когда армия направлялась через Альпы к Маренго. В этом случае он горевал несколько недель и не пожелал разговаривать с Наполеоном после его триумфального возвращения в Париж. Наполеон понял разочарование парня и отдал ему в подарок шпагу, которую он носил при Маренго. И этот широкий жест вернул ему сердце Жерома. Но в последующий период, когда Наполеон разрешил ему покинуть школу и присоединиться к консульской гвардии, расквартированной в Тюильри, он снова впал в уныние, вначале из-за своей расточительности, а затем в результате дуэли, которая могла стоить ему жизни.

Одним из первых дел, которым занялся Наполеон по возвращении в Париж после новой кампании, стало изучение долгов его жены, и когда они были улажены, он, как обычно, обратился к долгам своего младшего брата. По возвращении из Маренго он был изумлен, обнаружив среди бумаг Жерома долг в 10 000 франков, которые были истрачены на покупку специально отделанного чемоданчика для одежды. Когда Наполеон послал за Жеромом и потребовал от него объяснений, парень начал дерзить. «Таков уж я, — беззаботно ответил он. — Я люблю только красивые вещи!» Обследовав чемоданчик, Наполеон обнаружил, что тот содержал две бритвы. «Как смел ты истратить такую сумму еще до того, как тебе понадобилось бриться?» — взревел он, но Жером не стал давать обещание исправить свои привычки. Инцидент как будто бы был исчерпан, но через несколько недель Жером вновь оказался перед первым консулом, на этот раз для объяснения дуэли на пистолетах с приятелем-гвардейцем по имени Даву. Жером рассказал, что они

поссорились и решили прибегнуть к делу чести, встретившись друг с другом с карманами, полными патронов, и стреляя прямой наводкой до тех пор, пока все боеприпасы не будут израсходованы или один из них не будет поражен пулей. Даву, очевидно, оказался лучшим стрелком, так как Жером вернулся с дуэли с пулей в груди, которая оставалась там на протяжении всей его жизни и была обнаружена хирургом лишь после его смерти шестьдесят лет спустя. Наполеон был шокирован этим глупейшим происшествием и решил отправить брата в море. Он был откровенен в объяснении причин своего решения. Если какой-либо член его семьи и умрет от пистолетных ран, то он, как первый консул, сможет по крайней мере утверждать, что один из Бонапартов пожертвовал жизнью ради Франции.

Летиция возражала против этого. Море всегда было ей ненавистно, к тому же тревожила перспектива, что ее младший сын подвергается риску стать участником военных действий или жертвой кораблекрушения. Но Наполеон не обратил внимания на ее возражения, и Жером был направлен в Брест на службу под руководством адмирала Гантома, который тогда готовился отчалить в Египет, чтобы восстановить остатки армии, брошенной там Наполеоном в предыдущем году. Предпринимались шаги к тому, чтобы Жером не пользовался предпочтительным отношением. «Я посылаю вам, — писал Наполеон Гантому, — гражданина Жерома Бонапарта для прохождения учебы во флоте. Вы знаете, что он нуждается в строгом отношении, чтобы восполнить утерянное время. Настаивайте на том, чтобы он точно выполнял все обязанности своей профессии».

После различных проволочек, вызванных яростными штормами (всю свою жизнь Жерому предстояло быть вовлеченным в штормы того или иного рода), эскадра миновала Гибралтар и направилась к восточному Средиземноморью, но высадка там оказалась невозможной, армия была оставлена на произвол судьбы, а Гантом вернулся домой, не выполнив своей миссии. Юный Жером, несдержанный в силу своей молодости и полного отсутствия опыта, написал письмо с резкой критикой адмирала и его руководства экспедицией. Но, как представляется, Гантом не очень серьезно отнесся к инструкциям Наполеона в отношении его брата, поскольку, когда французам удалось захватить отдельное британское судно «Свифтшуа», именно семнадцатилетний ученик был послан на его борт, чтобы получить шпагу британского офицера. Наполеон, услышав об этом, пришел в восторг. «Позволь сказать тебе, что ты очень хороший юнга, — писал он, — и не разрешай никому работать за себя».

После девятимесячного пребывания в море Жером вернулся в Париж и был принят там с распростертыми объятиями. Но Наполеон не был склонен позволять самодовольному морскому ученику пропускать столь обещающее ученичество и возвратиться к распущенной жизни в городе. Через три месяца Жером снова оказался в отъезде, на этот раз сопровождая закончившуюся неудачей экспедицию Леклерка на Санто-Доминго. Он служил на борту флагманского судна «Фудройан» и покинул Рошфор в середине декабря 1801 года.

Морская часть экспедиции находилась под командованием адмирала Валларета-Жойеза, который был еще более тактичен, чем его предшественник. Одно из его первых решений выразилось в повышении Жерома до ранга прапорщика, и молодой человек не замедлил использовать это повышение. Будучи отправлен на берег с посланием к генералу Леклерку в Кап-Гаитьен, где размещался французский штаб, Жером удивил многих, появившись в форме бершинийских гусар! Леклерк мрачно уставился на молодого человека и, оправившись от изумления, заметил, что форма гусара вряд ли подходит для самого младшего морского прапорщика.

Удача продолжала сопутствовать Жерому. Когда генералу понадобился офицер для сопровождения денег во Францию, он, естественно, выбрал брата первого консула, и прапорщик-гусар снова отправился в Брест, прибыв туда в апреле, и продолжил свой путь в Нант в карете. Характер его прибытия в этот город вспоминали многие годы спустя, так как на подъезде у него возник спор с форейтором, и когда тот отказался продолжать путь, Жером вскочил на одну из лошадей кареты и прискакал в город, облаченный в штаны до колен, в шелковые носки, размахивая форейторским кнутом. С ним был лейтенант Хаган, командовавший бригом «Эпервье», на борту которого они прибыли из Санто-Доминго, и по приезде в Париж Жером убедил своего брата передать его другу командование другим бригом, на котором им предстояло возвращаться в Вест-Индию.

Вернувшись в Нант, два молодых моряка обнаружили, что их корабль еще не готов к плаванию, благодаря чему они провели очень приятное время в ожидании, зачастую направляя в Париж требования о высылке им дополнительных денег. В одном из своих кратких ответов на подобные просьбы Наполеон писал: «Умирайте молодыми, и я утешусь этим, но только не в том случае, если вы бесславно проведете шестьдесят лет без пользы для своей страны, не оставляя следов своего существования. Лучше бы вам тогда вовсе не существовать». Жером пережил этот совет как раз почти на шестьдесят лет. За этот период он был

мало полезен своей стране, но он оставил за собой единственный день славы. Она была завоевана под Ватерлоо.

Мало смысла прослеживать увеселительные поездки Жерома в последующие десять месяцев. Вместе со своим другом Хаганом и несколькими другими веселыми молодыми людьми он дрейфовал вокруг Карибских островов иногда по приказам терпеливого Валларета-Жойеза, а иногда не подчиняясь им, если они не соответствовали их намерениям или обстановке. Порой их сумасбродное поведение раздражало неудачливого адмирала, а то и приводило в замешательство, к примеру когда Жером, теперь уже командовавший кораблем, сделал выстрел по мирному английскому торговому судну и заставил его капитана подняться на борт, чтобы «выяснить, как продвигаются дела между Францией и Англией». Отчаявшийся адмирал в конце концов приказал ему вернуться во Францию, но Жером, довольный собой, отвечал, что никто не мог быть вполне уверен, существовал ли все еще мир с Англией, и что если бы он был захвачен британским флотом, то первый консул возложил бы на адмирала ответственность за это. Валларет-Жойез был вынужден признать, что у Жерома имелись некоторые основания для подобных утверждений, и согласился на то, чтобы в обратный путь он отправился на нейтральном судне. Жером, который очень хотел посетить Соединенные Штаты, отплыл на американском судне с острова Мартиника и направился в Норфолк, штат Вирджиния, куда и прибыл в июле 1803 года.

Как брат человека, которому вскоре предстояло стать императором Франции, он ступил на сушу со штатом служащих из четырех человек и был тепло встречен гостеприимными вирджинцами. Но группа французов не долго оставалась в Норфолке и вскоре выехала в Вашингтон. У Жерома было неотложное дело. Ему не только следовало найти нейтральное судно, которое доставило бы его во Францию, но и отыскать генерального консула Франции, чтобы одолжить у него некоторую сумму денег.

В то время французы были исключительно популярны в Америке. Колонисты, которые за двадцать пять лет до этого порвали с Англией и образовали свою собственную республику, не забыли об активной помощи их борьбе со стороны людей вроде Лафайета, и связи, укрепившиеся между двумя странами во время войны за независимость, оставались прочными. Кроме того, каждый житель Вашингтона теперь был наслышан о знаменитом Наполеоне, и возможность оказать гостеприимство его брату всячески приветствовалась. Приглашения стекались со всех сторон, хозяйки конкурировали друг с другом за право развлечь

младшего брата прославленного Наполеона. Пишон, генеральный консул Франции, был готов к сотрудничеству и занимался арендой судна в Филадельфии, откуда он надеялся отправить Жерома домой с инструкцией путешествовать инкогнито, так как англичане теперь были заняты наблюдением за ним.

Жером соглашался со всем, что ему советовал Пишон, но вместо того, чтобы посетить Филадельфию, он поехал в Балтимор в ответ на приглашение моряка удачи по имени Жошуа Барней, которого он встречал во время плаваний по Вест-Индии.

Через четыре дня он привел в ужас Пишона, узнавшего, что личность Жерома стала известна всему Балтимору, и поэтому возникала большая вероятность того, что судно, которое они арендовали, будет перехвачено британскими патрулями. Этим обстоятельством не замедлил воспользоваться Жером, поскольку он был очарован американским гостеприимством и не хотел уезжать.

Его внушительная внешность, достойные манеры и свободные траты производили впечатление на каждого американца, и с помощью Жошуа Барнея, выступавшего в качестве его адъютанта, Жером получал максимум возможного от своего пребывания в Америке. После дальнейших отсрочек и вежливого отказа Жерома от поездки в западные штаты было решено, что ему следует подождать инструкции первого консула в отношении конкретного способа его возвращения домой. Еще до того, как такая инструкция пересекла Атлантику, Жером довольно далеко продвинулся в укреплении франко-американских отношений. Он женился на балтиморской красавице.

Уильям Патерсон, сын донегальского фермера, был уважаемым и исключительно процветающим торговцем. С помощью напряженной работы и своей проницательности он вырос от положения кассира, занимавшегося страхованием судоходства, до статуса человека большой значимости в Америке. Он жертвовал крупные суммы денег на общественные нужды во время войны за независимость и был на дружеской ноге с президентом страны. Его старшая дочь, Елизавета, считалась лучшей невестой в Балтиморе, так как в дополнение к богатству своего отца и его общественному положению она была ослепительной красавицей. При черных волосах, красивых глазах, правильных чертах лица ее пухлый рот как бы свидетельствовал о нежности, которой она в действительности не обладала. Во время встречи с Жеромом ей было восемнадцать лет, и она получила, по здешним понятиям, хорошее образование, хотя, как поспешил информировать Талейрана Пишон, «у всех молодых людей в этой стране образование сводится к очень малому». Они повстречались

на одном из приемов, организованных для Жерома его другом Барнеем, и Жером с самого начала был пленен ею. Елизавета поощряла его ухаживания, и как только стало известно, что американская девушка завоевала сердце привлекательного молодого Бонапарта, каждый патриот Балтимора стал поддерживать эту пару. Родители Елизаветы были в восторге от такого выбора, более того, поощрительные жесты стали поступать даже от генерального консула Испании, которому Жером и поручил сделать формальный запрос в отношении руки мисс Патерсон. Все благоприятствовало тому, чтобы поспешить с оформлением этого союза. Елизавета, будучи без ума от любви к этому веселому молодому французу, заявила: «Я предпочитаю стать женой Жерома Бонапарта хотя бы на один час, чем женой любого другого мужчины на всю жизнь». Но когда о предстоящей женитьбе услышал Пишон, он пришел в ужас, усмотрев в ней всего лишь позор для Жерома и катастрофу для самого себя. Вначале он опровергал возникавшие слухи как нелепые, но в конце октября слухи получили подтверждение, когда сам Жером зашел к генеральному консулу и заявил, что собирается жениться, добавив, что свадьба состоится через пять дней.

Пишон немедленно принялся убеждать своего беспокойного гостя, что подобное действие настоящее безумие. Ведь хорошо известно, что первый консул рассматривает браки всех Бонапартов как свое личное дело. Женитьба Жерома на дочери американского торговца могла бы вызвать такой шторм с другой стороны Атлантики, который наверняка сокрушил бы их обоих и, возможно, привел бы к тому, что Жерому было бы запрещено возвращаться во Францию. Жером оставался невозмутимым, отвечая, что, как лейтенант старше двадцати одного года, он может жениться на ком хочет с согласия своего брата или без него. И ушел, пригласив опешившего Пишона присутствовать на грядущей церемонии.

Как только за будущим женихом закрылась дверь, генеральный консул погрузился в изучение законов своей страны, касающихся этого вопроса, и обнаружил, что ни один француз не может жениться без согласия своего отца или матери, пока не достигнет двадцати пяти лет. Написав письмо с такой информацией Жерому, он тотчас же направил послание представителю Франции в Балтиморе и еще одно — Уильяму Патерсону, отцу невесты. После чего поспешил навестить генерального консула Испании и высказал ему некоторые мысли относительно поддержки Жерома в таком опасном мероприятии, а также заручился обещанием испанца, что тот не будет присутствовать на свадьбе. Затем он принялся за выполнение

самой неприятной для него задачи — подготовки полного изложения фактов для Наполеона.

С точки зрения Пишона, штормовые тучи в последующие несколько дней немного рассеялись. Патерсон, изучив письмо Пишона, заявил Жерому, что в настоящее время не может дать согласия на свадьбу. Когда же письмо с протестом Жерома достигло Пишона, тот отметил, что, сколь бы ни был упрям молодой человек, он не мог осуществить свой план без достаточных средств. Теперь же Жером не имел никаких денег, так как истратил 16 000 долларов, с тех пор как в июле приехал в Вирджинию. Деньги, как представлялось, были ключом к создавшейся ситуации, и Пишону пришло в голову, что стоит лишь придерживать фонды, чтобы надвигавшаяся опасность миновала. Ему предстояло еще многое узнать о талантах Жерома как заемщика.

К немалому облегчению для Пишона, в начале ноября до него дошли новости, что по зрелом размышлении Жером решил разорвать помолвку и Елизавета отправилась охлаждать свой пыл в фамильное поместье в Вирджинии. Его удовлетворение при получении такой новости было подкреплено сообщением о том, что в Балтимор прибыл французский фрегат. Пишон собирался заманить Жерома на его борт и совершенно отвлечь от глупейшего свадебного проекта. Но Жерома нелегко было завлечь в ловушку. Он заявил как Пишону, так и капитану фрегата, что находится при исполнении «особой миссии» и ни от кого не получал приказа уезжать. После этого он отправился в Нью-Йорк, чтобы присутствовать там еще на одном раунде приемов, ужинов и балов, которые давались в его честь.

Несмотря на отказ Жерома покинуть Америку на фрегате, ему удалось убедить Пишона, что о свадьбе он больше не помышляет, и поэтому Пишон предоставил ему тысячу долларов с обещанием одолжить еще девять тысяч, если тот будет себя хорошо вести. Но Пишону не было известно, что влюбленные во время их краткой разлуки поддерживали между собой постоянные контакты и что Елизавета убедила свою мать разрешить ей вернуться из поместья в Вирджинии на некоторое время. Когда в начале декабря Жером вернулся в Балтимор, молодая пара, насладившись восторгом воссоединения, взялась за попытки растопить сердце папаши. Упрашиваемый своей женой, умоляемый дочерью и осаждаемый десятками полных энтузиазма друзей, Патерсон вскоре пошел на уступки. На этот раз Пишон не получил приглашения на отложенную свадьбу. В канун Рождества Жером Бонапарт и Елизавета Патерсон вступили в брак в доме Патерсона в Балтиморе. Церемонию проводил преподобный Джон

Каррол, епископ Римско-католической церкви в этом городе.

На церемонии присутствовало много высокопоставленных лиц, включая мэра, и жених выглядел весьма представительно в пурпурной атласной мантии и в белых с атласными полосками брюках, доходивших до самых каблуков. На его ботинках виднелись бриллиантовые пряжки, волосы были густо напудрены. Невеста была в более скромной одежде, и, как утверждали свидетели, ее свадебный наряд мог бы уместиться в одном из карманов ее мужа. Места для этого оставалось достаточно, так как внутри находился лишь чек на 4000 долларов, присланный верным Пишоном.

После того как были приняты поздравления со свадьбой, счастливая пара отбыла для проведения медового месяца в поместье Патерсона за пределами города. 3 января обуреваемый горем Пишон направил отчет о происшедшем Талейрану. Большая часть его письма была посвящена попыткам отмежеваться от соучастия в свадьбе.

В течение всей той недели с Восточного побережья Америки отправлялись письма с парижскими адресами. Жених и невеста писали Жозефу и его матери, Пишон в отчаянии обращался к Талейрану, Уильям Патерсон направил письмо лично Наполеону, переслав его с помощью своего сына Роберта. Другие письма направлялись президенту Соединенных Штатов и государственному секретарю с вложениями для первого консула. С прибытием каждого письма ярость Наполеона возрастала, так что вскоре лишь немногие решались упоминать при нем об этом деле. А когда 11 марта 1804 года в Париж прибыл Джон Патерсон, Талейран резко передал ему, чтобы тот посоветовал Жерому лучше остаться в Соединенных Штатах, пока не остынет гнев его брата. Наполеон услышал об этой помолвке (и ее приостановке) в январе и сразу же послал Жерому приказ вернуться домой, который достиг Америки не раньше мая, так что первое известие о свадьбе Наполеон получил из доклада Пишона, посланного 9 января. Семья не разделяла чувства гнева Наполеона и склонялась к тому, чтобы смотреть на эту свадьбу с некоторым удовлетворением. Джон Патерсон, брат новобрачной, имел успокаивающий разговор с Люсьеном, тогда как Жозеф и Летиция выразили ему то, что было равнозначно их благословению. Жозеф даже говорил о возможности инвестирования денег в Америке, чтобы его брат получил доступ к семейным фондам. Но проходили дни, а отношение Наполеона оставалось неизменным, и, хорошо зная Жерома, он предпринял явный шаг к тому, чтобы поставить его на колени. Пишону было запрещено передавать ему хотя бы доллар, а французские

капитаны получили инструкцию не позволять «молодой личности», к которой у брата первого консула сформировалась привязанность, ступать на борт французского корабля.

Наполеон уже готовился стать императором, и морской министр, через которого передавались инструкции относительно Жерома, предостерегал новобрачного от повторения судьбы, которая только что выпала Люсьену. На протяжении длинного доброжелательного письма он поведал Жерому, что брат простит ему его ошибку только в том случае, если он вернется домой без жены, но если же Жером опрометчиво повезет с собой Елизавету, ей не будет разрешено ступить на французскую землю.

В ожидании новостей из Франции Жером и его жена продолжали участвовать в балах и приемах. Патерсон образовал вокруг них своего рода миниатюрный двор, и президент Джефферсон проявлял к ним интерес и доброжелательность. Пишон возобновил свои попытки заманить Жерома на борт французского корабля без сопровождения его жены, но они были безуспешными, и только после того как несколько таких попыток провалилось, прибыло судно с капитаном, который еще не получил инструкций относительно запрещения приема на борт Елизаветы. Жером воспользовался этой удачей, и молодая пара погрузилась на «Дидон», но британские фрегаты были недалеко от берега, поэтому корабль не мог выйти в море. Уже наступил август, и пришли новости о принятии Наполеоном титула императора, а также распоряжение, чтобы Жером отказался от своей жены и незамедлительно вернулся домой на первом же удобном судне. Возникшая перед Жеромом дилемма была жестокой. Пока его брат был первым консулом, у него оставался некоторый простор для маневра, но теперь все переменилось, и молодой человек с трепетом писал морскому министру, умоляя его о более снисходительной альтернативе. В конце концов, был нанят какой-то бриг, и в октябре уже планировался тайный отъезд пары из Филадельфии, но удача покидала Жерома.

Судно наскочило на песчаную отмель, и Елизавета, уже беременная, чуть не утонула во время спасательной операции. Все деньги Жерома были потеряны в этой катастрофе, и он вместе со своей партнершей остался в штате Делавэр без всяких средств к существованию. И все же была предпринята еще одна попытка отплыть на военном судне, но в дело снова вмешался назойливый британский флот, поставивший на якорь свой фрегат около французского судна в Чесапикском заливе.

На протяжении всех этих бедствий несчастный Жером не переставал верить, что сам вид Елизаветы растопит сердце его брата. И наконец на судне, принадлежавшем его тестю, Жерому

удалось организовать плавание в Европу для себя, своей жены и их небольшой свиты. На этот раз они ускользнули от британских патрулей, но бедняжка Елизавета оказалась плохой морячкой и мучительно страдала от волн Атлантики. Это путешествие должно было стать испытанием для ее любви, так как помимо морской болезни она находилась в состоянии крайнего нервного напряжения, вызванного неопределенностью ожидавшего ее приема.

Они достигли Лиссабона 8 апреля 1805 года, почти через два года после того, как Жером отбыл из Нанта в качестве прапорщика и холостяка. А между тем Наполеон опубликовал декрет, расторгавший «притворную женитьбу несовершеннолетнего Жерома, зарегистрированную в иностранном государстве без согласия его матери», и имперские чиновники повсюду получили инструкцию, чтобы никакие записи этой церемонии не появлялись в их реестрах. В последующем декрете объявлялось, что любые дети от этого брака должны рассматриваться как незаконнорожденные.

Ситуация выглядела особенно уродливо, когда корабль Жерома бросил якорь в гавани Лиссабона. Французская охрана окружила судно, и генеральный консул Франции взошел на борт с вопросом, что мог бы он сделать для «мисс Патерсон». Мужество мисс Патерсон одержало верх над ее нездоровым и оскорбленным состоянием, и она заявила свои права в качестве члена императорской семьи. Это не произвело впечатления на генерального консула. Ей было запрещено высаживаться где-либо во Франции, Испании, Португалии или Голландии, сказал он, и приказы для ее мужа были вполне ясными. Ему предстояло немедленно проследовать в Милан через Тулузу, а «женщину, с которой жил», он должен был оставить в стороне.

Жером выбрал единственно возможный вариант, открывшийся для него в этих условиях. Он сошел на берег и поручил Елизавете отправиться кружным путем в Голландию по морю, заверив ее, что она получит возможность высадиться там, как только он сможет нанести личный визит императору. Ему предстояло увидеть ее снова только один раз в своей жизни — случайно в картинной галерее во Флоренции, в этот момент его сопровождала вторая жена. Никто из них тогда не промолвил ни слова.

Глава 6

Должен ли я изолироваться от всех остальных? Должен ли я полагаться лишь на самого себя?

Наполеон, 1804 год

Они бранились всю свою жизнь и плели интриги с того самого времени, как Наполеон наделил их властью, но стоило только кому-либо из членов клана подвергнуться опасности, как их ряды смыкались и возникало семейное единство. Но одному событию, возникавшему над горизонтом, предстояло все это изменить, нарушить их чувство единения и так ударить по семейной верности, что это принесло мало чести каждому из них и вызвало горькие упреки со стороны человека, который обеспечил их судьбы. И вот он в отчаянии вынужден был провозгласить: «Должен ли я тогда изолироваться от всех остальных? Должен ли я полагаться лишь на самого себя?»

В то раннее лето 1804 года Наполеон предпринял шаг, мечты о котором вынашивал несколько лет. Он провозгласил себя императором французского народа. Немедленно был изобретен титул для Летиции — «мадам матушка», и каждый из братьев, за исключением Люсьена, стал «императорским высочеством». Революция закончилась, отныне каждый человек во Франции должен был обращаться к Наполеону «сир». И только забытый всеми Люсьен, сосланный в Рим, остался в стороне.

Как страна, которая около пятнадцати лет выкрикивала республиканские лозунги, Франция приспособилась к имперскому правлению со скоростью, которая изумила ее соседей. Братское приветствие «гражданин» больше нельзя было услышать на парижских бульварах, и риторический жаргон того вида, что использовал Люсьен в Сен-Максимине, стал не только немодным, но и архаичным. Четырнадцать знаменитых солдат Республики были произведены в маршалы империи, и ни один из них не отказался от этой чести. Сто тридцать мужчин, которые голосовали за расправу над своим королем, поспешили занять должности под руководством авантюриста, который получил бесплатное образование при Бурбонах. Стали практиковаться реверансы и изучались книги по этикету, поскольку вся социальная структура была перевернута вверх ногами, но инициатор всех этих перемен оставался циничным. «Маршалы, имеющие собственные высокие титулы, — говорил он

Родереру, — едва ли посмеют смеяться надо мной!»

Жозеф стал главным выборщиком безоговорочно, а Луи таким же образом занял посты коннетабля и начальника императорской (ранее консульской) гвардии. Люсьену, который все еще отказывался покинуть свою жену и вернуться домой, не досталось ничего. Вопреки уговорам, угрозам и подачкам Люсьен предпочел оставаться вне семейного круга.

Мужу Каролины Мюрату, уже ставшему маршалом, был присвоен титул высшего адмирала Франции. Он никогда не служил во флоте, но с учетом того факта, что незадолго до этого французские гусары захватили голландский флот, проскакав по льду в Лекселе, такой титул был не столь уж необычен, как это могло показаться. Каролина и Мюрат высоко котировались в те дни. Им принадлежал золотой обеденный сервиз, куда более изысканный, чем что-либо использовавшееся в Тюильри, но два новых титула, полученные мужем, мало что дали для того, чтобы заглушить разочарование Каролины, когда она узнала, что ее братьям предстояло именоваться императорскими высочествами, в то время как ей и Элизе пришлось довольствоваться скромными «мадам Мюрат» и «мадам Баччиоки». В порыве гнева по поводу этого явного упущения она налетела на Наполеона и выразила ему свое негодование. Он выслушал ее молча, но не стал давать ей никакого титула. «Можно вообразить, что я лишаю их наследства короля, нашего отца», — заметил он, когда она удалилась. Элиза, не столь уж глубоко увлеченная изучением музыки, драмы и поэзии, не могла не считаться с почестями и приняла сторону Каролины, напомнив Наполеону, что Полина уже стала княгиней. Полина, теперь проживавшая в Риме и время от времени ссорившаяся со своим мужем Боргезе и его аристократической семьей, была не столько озабочена титулами, сколько своим продолжительным отсутствием в Париже. Наполеону за некоторое время до этого говорили о ее тоске по дому, и он написал ей жесткое письмо, направив его вместе с другим письмом дядюшке Фешу, который теперь был архиепископом Лиона и кардиналом. Феш, как следует напомнить, также страдал в прошлом тоской по дому. Но теперь он утешал Полину и поддерживал совет своего племянника, что ей следует перенимать римские привычки. Поскольку ее вдовство пришло к концу, Полина вела себя наподобие римской матроны, наслаждаясь ежедневными ваннами из молока и вовлекаясь в любовные приключения с придворными. Но, несмотря на все это, она тосковала по парижским сплетням, парижским лавкам и французским любовникам.

Наполеон был теперь особенно деятельным, и жалобы членов

семьи, которые в дополнение к секретным докладам об их сложных домашних спорах вызывали немалое раздражение у человека, занятого подготовкой вторжения в Англию и установлением новой социальной структуры. Время от времени он отвлекался от работы, чтобы заняться их переубеждением, но если и это не помогало, он выходил из себя. Так случилось, когда он узнал, что Жозеф поучал свою дочь продолжать обращаться к своему дяде как к «консулу». «Не воображает ли он, что был возведен в ранг имперского принца для того, чтобы водить компанию с моими врагами и прогуливаться по улицам в круглой шляпе и коричневом сюртуке?» — бушевал он, но не предпринимал никаких шагов против своего старшего брата, поскольку для семьи было более чем достаточно иметь одного мятежника. Вместо этого ему пришла в голову идея получше: восстановить юношеский интерес Жозефа к военной жизни, поощрив его к тому, чтобы стать солдатом подобно Луи. И так Жозеф, уже получавший два миллиона франков в год как имперский принц, был добавлен к списочному составу Великой армии в качестве полковника. Но придирки продолжались. Поддержанный Элизой и Каролиной, Жозеф осуждал предварительные договоренности Наполеона в отношении своего преемника и требовал обещания, что его брат не станет короновать Жозефину на предстоящей церемонии в соборе Парижской Богоматери. Признание Жозефины в качестве императрицы, говорил Жозеф, будет означать, что дети Луи и Гортензии получат преимущество над всеми другими внуками Бонапартов. Наполеон был возмущен такой наглостью и горько жаловался на неблагодарность семьи своим придворным, которым оставалось лишь выслушивать его. При этом он отмечал различие в отношениях к нему между членами его собственной семьи и его пасынком и падчерицей. Эжен и Гортензия, утверждал он, были настолько преданы своему отчиму, что не обращали внимания на его связи с женщинами, имевшие место от случая к случаю, и убеждали мать, что ее муж был все еще сравнительно молодым мужчиной и что подобные эпизоды ничего не означали. Продолжая ворчать, он отмечал, что братья и сестры раздражали его постоянными ссылками на возможность его смерти, и добавлял, что если он не обретет счастья в своей домашней жизни, то превратится в весьма жалкого человека!

В это время разрыв между семьями Бонапарт и Богарне становился все шире, но при этом братья и сестры, по всей видимости, теряли почву под ногами, так как их продолжавшиеся подкалывания побуждали Наполеона защищать женщину, чье поведение после его возвращения из Египта было безупречным и

которая теперь, как казалось, ценила его подлинное величие. «Она хорошая жена для меня! — заявлял он. — И она будет коронована, даже если это будет мне стоить две тысячи человек!»

И он сдержал свое обещание, но прежде, чем коронация состоялась, в семье возникли новые раздоры, и на этот раз они проистекали из источника, который сильно тревожил императора и императрицу. Брак между Луи и Гортензией явно терпел неудачу.

Размолвка во время медового месяца была улажена, но раны, нанесенные хихиканьем Гортензии и предрасположенностью Луи к ссоре, помешали примирению, которое обычно следует за перебранками новобрачных. Сколь бы ни старалась Гортензия, ей никогда не удавалось установить контакт с подлинным Луи, скрывавшимся за молчаливым, сомневающимся в себе молодым человеком, за которого она вышла замуж. Между ними никогда не было любви, но его хвастовство и ворчание с самого начала отравляли их взаимоотношения. Через несколько недель после свадьбы Луи стал надолго отлучаться из дому и неожиданно возвращался в надежде застать Гортензию втянутой в какое-нибудь безрассудство или недостойное поведение. Ее зависимость от матери сводила его с ума, и он был убежден, что она считала его предметом своих развлечений. Несомненно, были ошибки с обеих сторон, и каждый, кто прочитал бы собственный отчет Гортензии об этом печальном периоде ее жизни, пришел бы к заключению, что она страдала от того, что теперь получило диагноз комплекса преследований, но большая часть вины за это ложится на необузданное воображение Луи. Гортензия нуждалась в муже, способном восстановить в ней некоторую долю самоуверенности, но из всех Бонапартов Луи сам больше всего нуждался в уверенности и страдал от депрессивной подавленности, которая проявлялась в недоверии ко всем, кто к нему приближался. Здоровье его никогда не было хорошим и становилось все хуже, и он приходил в раздражение от некоторых последствий тяжелого падения с лошади во время итальянской кампании. Он был настойчивым, но это было упорство слабого, нерешительного человека, крайне отличавшееся от спокойного и мужественного упорства его старшего брата, Люсьена. Он как во сне пережил первый год супружеской жизни, занимаясь исключительно своим ревматизмом, а также наблюдая за ходом изменений в загородном поместье под Байлоном и делая постоянные нападки на жену, которую он обвинял во всех видах несовершенства, так что она либо плакала, либо искала убежища у своей матери. Слезы ее нисколько не смягчали сердце мужа.

«Когда бы я ни говорил с ней, она заливается слезами», — жаловался он Наполеону, обвинявшему его в жестокости в отношении жены. В конце концов Луи заявил, что ему необходимо отправиться в Пиренеи, чтобы принимать водные ванны от своего ревматизма, и что Гортензия, невзирая на беременность, должна сопровождать его. Наполеон и Жозефина возражали против этого, указывая, что длительное и утомительное путешествие в карете могло бы оказаться фатальным для породившегося ребенка. В результате Луи отправился один. Гортензия, вздохнув с облегчением, вернулась в Тюильри, где повергла в шок наблюдателей, появляясь на балах и демонстрируя фигуру, которую большинство жен отказались бы рекламировать.

Пошли толки. Вскоре появились сплетни, что первый консул проявляет исключительно живой интерес к ожидавшемуся ребенку, даже поговаривали о его усыновлении до рождения, и он давал понять, что, если Гортензия родит сына, тот будет объявлен наследником престола. Имело ли это особое значение? Была ли в этом связь с неспособностью Жозефины родить ребенка? Побуждали ли требования государства к первому консулу предавать свою жену и своего брата?

Наверное, ни один человек в современной истории не становился предметом большей клеветы, чем Наполеон. Вплоть до наших дней историки идут дальше намеков на отцовство этого ребенка, Наполеона Шарля, равно как и на кровосмешение Наполеона со своими сестрами. Но никаких существенных доказательств этого представлено не было.

Впрочем, весьма скоро подобные слухи дошли до Луи. Они нашли благодатную почву для его болезненного воображения. Вернулся он с Пиренеев еще до того, как ребенок родился. Роды произошли внезапно в ночь на 10 октября 1803 года. И когда престарелая нянюшка воскликнула: «Вот он, наш преемник!» — Луи бросил на нее сердитый взгляд и велел попридержать язык. Его настроение не улучшилось и при попытках Гортензии позабавить его еще до рождения ребенка. Посмеиваясь, она сообщила ему, что, если ребенок родится в предсказанный день — 1 октября, он появится на свет на три дня ранее девяти месяцев, считая с момента их свадьбы в январе. Из всех близких Гортензии следовало бы лучше других знать, понравится ли Луи такого рода шутливое замечание, но стала бы она делать его, если бы Наполеону действительно удалось соблазнить ее? И как обычно, все закончилось ее слезами, а Луи отправился получать отповедь своего брата, что он грубый парень и не заслуживает такой жены.

Через несколько дней после рождения Наполеона Шарля первый консул предложил его родителям усыновить ребенка, но ни отец, ни мать не восприняли это положительно, и в конце концов Наполеон пошел на компромисс, заручившись принятием закона, который уполномочивал его осуществлять полный контроль над будущим ребенка, когда тот достигнет возраста восемнадцати лет. Затем он и Жозефина занялись исправлением положения в семье новорожденного, и молодую пару отправили в Компьень, где был расквартирован полк Луи. Но ссоры продолжались, слезы следовали за претензиями и замечаниями со стороны Луи, и Гортензия попыталась забыть свое личное горе в вихре светских развлечений. Она считалась одной из лучших бальных танцовщиц Парижа, и на балах придворные вскакивали на стулья, чтобы наблюдать за ее движениями. Однажды вечером какой-то молодой офицер, заняв такое положение, столь увлекся танцем, что начал аплодировать, но немедленно получил выговор за плохие манеры. На следующий день в сопровождении своей матери он явился к Гортензии, чтобы принести извинения. Извинения были приняты, и он стал посещать последующие вечеринки. Звали его Огюст де Флаот, и были все основания полагать, что он являлся внебрачным сыном Талейрана. И сам он, и его официальные родители числились в списках ссыльных, но Жозефина, всегда готовая помочь кому бы то ни было, находящемуся в беде, убедила Наполеона позволить им вернуться домой. Вскоре де Флаот стал частым гостем в доме Гортензии, а затем его визиты без всяких объяснений прекратились. Луи дал ему понять, что они не будут более приветствоваться, и на этот раз его подозрения были вполне обоснованы. Запрет, однако, последовал слишком поздно. Еще до рождения своего второго ребенка Гортензия была серьезна влюблена в молодого офицера.

Единственный период, когда от Луи можно было ожидать каких-то проявлений нежности в отношении жены, наступал при ожидании ребенка. Но даже тогда его хорошее настроение продолжалось не долго, и вскоре он уже терзал себя новыми сомнениями и воображаемыми атаками на его достоинство. Слухи касательно отцовства его старшего сына продолжали мучить его, и вскоре после рождения второго ребенка (появившегося на свет почти через год после первого) он поведал жене, что самое его заветное желание заключается в том, чтобы ребенок походил на него. Иногда его подозрения повергали Гортензию в бешенство, например когда он день и ночь скрывался от нее во время ее болезни молочной лихорадкой. Но очевидно, Луи так никогда и не обнаружил, что привязанность его жены теперь целиком распространялась на Флаота, что любовники

были в переписке, причем Флаот писал письма за подписью своей сестры, и что иногда они встречались в Булонском лесу. Но Луи продолжали мучить сомнения в отцовстве его первого ребенка, и ему был глубоко ненавистен эдикт о том, что всем внукам Буонапарте должно было присваиваться имя Наполеон.

Оба ребенка Луи были официально признаны наследниками престола, и каждое проявление расположения его брата к Гортензии Луи воспринимал с раздражением и озлоблением. Но все же дело не доходило до открытой размолвки между братьями, подобной разрыву между Наполеоном и Люсьеном, и весьма сомнительно, что Луи действительно доверял скандальным слухам, которые продолжали ходить. Его отношение к своей жене, теще и своему брату проистекало из чувства личной несостоятельности и его положения какого-то чужака, которое он занимал между двумя конфронтующими семьями. Если бы он обладал мужеством Люсьена, он никогда бы не позволил себе быть втянутым в такой брак. А если бы он был таким же ветреным, как Полина, или расчетливым, как Каролина, то смог бы извлечь немалые преимущества из своего положения. Но будучи всего лишь Луи, он просто дрейфовал — унылый, раздражительный, нерешительный, выискивая неприятности и находя их, — жертва болезни и предательств. Немногие могли бы проводить свое время столь жалким образом, как это делал Луи в те недели, которые вели к наиболее выдающимся событиям, свидетелем которых стал Париж.

Намечалось, что коронация должна была состояться 2 декабря 1804 года, и по этому случаю его святейшество Папа прибыл из Рима. Восторженные толпы стояли на отчаянном холоде, чтобы посмотреть на проезд императорской кавалькады из Тюильри в собор Парижской Богоматери. И свидетель, который вспоминал великолепие поездок Марии Антуанетты в дни, предшествовавшие революции, не стал бы колебаться, заявляя, что Наполеон намного превзошел Бурбонов в организации публичных зрелищ.

Верный своему обещанию, Наполеон отвел наиболее высокое положение своей жене, и ее грация и достоинства в этом случае предоставили ему всяческие преимущества. В возрасте сорока одного года Жозефина выглядела, по свидетельству мадам Жюно, не более чем на двадцать пять. Ее платье из белого атласа, отороченное серебром и золотом, было перехвачено в талии поясом, украшенным драгоценными камнями, а на голове была тиара с жемчугом и бриллиантами. Бриллианты сверкали у нее в ушах и на шее, ими же был обшит узкий корсаж. Вслед за ней, поддерживая шлейф из белого бархата, окаймленный золотом и

серебром, двигались четыре торжественно одетые женщины, и Жозефину можно было извинить за то, что она приостановилась во время своего статного продвижения к главному алтарю, чтобы бросить благодарный взгляд через плечо. Шлейф ее несли жена Жозефа Жюли, собственная дочь Гортензия и ее две наиболее опасные золовки — Элиза и Каролина Бонапарт.

Присутствие Элизы и Каролины в качестве носительниц шлейфа ознаменовало собой еще одну небольшую победу Наполеона. Обе они заявляли, что ничто не сможет заставить их выполнять такую унизительную обязанность. Вот уже в течение девяти лет Бонапарты вели войну против ненавистной Креолки, женщины, которая не только могла похвастаться набором великолепных бриллиантов, украшавших ее, но и располагала семьюстами платьями и двумястами и пятьюдесятью шляпками, женщины, которая завоевала доброжелательное отношение армии и народа, чего им никогда не удалось бы сделать, и которая стояла между семьей и источником необъятных богатств и абсолютной власти. Наполеон молча выслушал их упреки, а затем спокойным голосом предоставил им четкий выбор: либо они примут участие в коронации как носительницы шлейфа Жозефины, либо совсем не будут в ней участвовать. Обе сестры немедленно сдались.

За два дня до церемонии возникли некоторые опасения за Жозефину, но она сама их спровоцировала, и это был хитро рассчитанный риск. Жозефина информировала Папу, что не была замужем с точки зрения Церкви, так как ее поспешная гражданская церемония в мэрии восьмого округа в мартовскую ночь 1796 года не сопровождалась религиозным обрядом. С учетом этого она поставила вопрос о своем праве быть коронованной на следующий день в соборе Парижской Богоматери. Его святейшество, которого, должно быть, удивило, почему Жозефина столь поздно решила исправить свою ошибку, немедленно организовал частное религиозное бракосочетание в Тюильри, и Наполеон, призванный занять свое место в качестве жениха через девять лет после первоначальной свадьбы, протестовал и ворчал, но в конце концов уступил с хорошей миной на лице. Дядюшка Феш выступал в роли хозяина в присутствии двух свидетелей, и Жозефина, внешне расстроенная, но внутренне торжествующая, вернулась в свои апартаменты, чтобы осмотреть туалет для коронации, сознавая, что отныне будет действительно очень трудно сместить ее как жену и императрицу.

В ночь коронации Наполеон и Жозефина ужинали в одиночестве, и в игривом настроении он посоветовал ей сесть за

стол облаченной в маленькую корону, которую он сам надел ей на голову немного раньше в тот же день. Это был маленький жест, который означал многое, возможно, окончательную победу над семьей.

Летиция, мадам матушка, была вызвана, чтобы принять участие в церемонии, но она не приехала, предпочитая продемонстрировать миру верность своему сосланному сыну Люсьену и его жене, которую она отказывалась сбрасывать со счета. Полагая, что последующие поколения могут счесть отсутствие его матери многозначительным, Наполеон проинструктировал своего официального художника Давида вписать лицо матушки среди лиц других родственников, окружавших трон в соборе Парижской Богоматери. Приблизительно в это время кто-то, малознакомый с этой гордой, неулыбчивой корсиканской женщиной, спросил ее, не была ли она поражена теми продвижениями, которые осуществили в мире ее сыновья и дочери. «Все это очень хорошо, пока все продолжается», — отвечала престарелая дама на своем итальянизированном французском языке.

Вопрос о преемственности казался в данный момент урегулированным. Наполеон любил нянчить Наполеона Шарля, теперь уже двух лет от роду, на своих коленях, но Луи, его отец, не был польщен этим. Поддержанный Жозефом, он поклялся, что не станет стоять в стороне и спокойно взирать, как его и Жозефа обходит в наследовании его же собственный ребенок. Наполеон не нажимал в этом вопросе. Взрывы его негодования в отношении братьев и сестер становились менее частыми, поскольку он льстил себя надеждой, что научился обращаться с ними. Он был уверен, что, если потребуется, Жозеф и Луи могут быть поставлены на колени, и он серьезно не волновался о безответственном малютке семьи, теперь пролагавшем себе путь по пыльным дорогам Испании, в то время как его жена, миссис Патерсон, плыла в Голландию, чтобы ждать там вызова к императорскому двору. Люсьен все еще оставался серьезной проблемой, но даже он мог бы быть подкуплен после пребывания около года или двух в ссылке. Полина навлекала на себя скандалы и вообще вела себя как пустопорожняя девица, какой она всегда и была, но за Полиной никогда не водилась любовь к интригам, ей была свойственна лишь опрометчивость и экстравагантность, а как муж Жо-зе-фины, Наполеон приобрел опыт общения с женщинами, обладающими такими качествами.

Что же касается Элизы, то она периодически жаловалась, что ей мало уделяют внимания, поскольку она вышла замуж за тупого

человека, но теперь, когда стало ясно, что у Баччиоки никогда не получится карьеры солдата, он всегда мог получить гражданскую должность, где почитался бы за важного человека, но не причинял бы какого-либо вреда империи. Каролина и ее напыщенный муж Мюрат продолжали раздражать Наполеона, но приближалась война, и Мюрату предстояло вскоре быть занятым на театре военных действий, а он уже знал, как обращаться с Каролиной, когда она становилась слишком требовательной. Вскоре после коронации, когда она и ее муж увидели Наполеона, играющего с маленьким Наполеоном Шарлем, и услышали, как он спросил: «Знаешь ли ты, малыш, что тебе грозит опасность однажды стать королем?» — Мюрат вскричал: «А что будет с моим мальчиком? Что будет с Ахиллом?» Наполеон ответил нарочито снисходительно: «Ахиллом? О, могу сказать, что из маленького Ахилла выйдет хороший солдат!»

Между тем оставалось выполнить неприятный долг. Жером должен был подчиниться дисциплине и раз и навсегда отказаться от своей буржуазной американской девицы, которую он вез по всему пути от Балтимора. Наполеон написал своей матери, отмечая, что «глупый парень прибыл в Лиссабон с женщиной, с которой жил», и были распространены инструкции отказывать «мисс Патерсон» в высадке на берег во Франции или на дружественных территориях. «Если же она попытается уклониться от этих приказов и появится где-нибудь еще, она будет препровождена в Амстердам и помещена на борт первого же судна, отправляющегося в Америку». Что же касается «того молодого человека», он должен проехать прямо в Турин через Перпиньян, Тулузу и Гренобль, а затем сообщить о себе из Милана, куда ему будет направлен ультиматум лично императором. «Я не стану проявлять к нему милосердия, — продолжал Наполеон, — если он не будет расположен смыть бесчестие, которым запятнал мое имя, отвергнув пристрастие к этой никудышной женщине, я полностью откажусь от него и, возможно, сделаю из него пример, чтобы обучать молодых офицеров святости военной службы и показывать им, сколь чудовищно будет преступление, которое они совершат, если предпочтут бабу флагу!»

Близ Трухильо в Испании Жером встретил нескольких земляков, одним из которых оказался старый друг его семьи. Лоретта Пермон, теперь мадам Жюно, сопровождавшая своего мужа со специальной миссией в Португалию, поразилась, когда Жюно пришел к ней с сообщением, что только что встретил Жерома Бонапарта, направлявшегося в Милан. Жюно, сердечный человек, глубоко переживал за этого парня и пригласил его на

завтрак, но Лоретта была расстроена, обнаружив, что она принимала человека, совершенно отличного от того молодого весельчака, которого она встречала в доме своей матери в Париже. Его живое выражение лица, как заметила она, сменило отражение печальной меланхолии, в нем явно происходила страшная борьба с собственным самосознанием. Когда же Жюно стал убеждать его забыть американскую девицу и заключить мир с императором, Жером вспылил: «Даже при признании, что я совершил ошибку, на чью же голову падет наказание? На голову моей бедной, невинной жены! Наверное, мой брат не станет приводить в ярость чувства одной из наиболее уважаемых семей в Америке!» Затем он показал миниатюрный портрет Елизаветы. И Жюно, который недавно был влюблен в Полину Бонапарт и разочаровался в ней и которому вскоре предстояло стать жертвой ее сестры Каролины, сделал замечание о схожести этой девушки с сестрами Жерома. «Я лишь хотел бы, чтобы мой брат согласился повидать ее, — добавил Жером. — Если он это сделает, то, по моему убеждению, ее триумф станет столь же полным, как и у жены Люсьена Кристины, которую император отвергал, но в конечном счете она ему понравилась, так же как и другие его невестки». Жюно ничего не сказал на это, сознавая, что перспектива приведения в ярость уважаемой в Америке семьи не удержала бы императора от неприятия его невестки, которую он не одобрил с первого раза. Прошли те дни, когда он мог себе позволить делать лучшее из плохой работы, как это произошло с Кристиной Бойер, и это вполне подтверждалось его отношением ко второй жене Люсьена.

Жером достиг Турина 24 апреля. Он, вероятно, спешил по отвратительным дорогам Испании, так как преодолел расстояние за пятнадцать дней. Из Турина он послал жалобное воззвание к своему брату, а затем прибыл в Италию, ожидая его коронации в качестве итальянского короля. Но Наполеон отказался принимать его до того, как он даст обещание, что готов уступить. В течение одиннадцати дней Жером рассматривал альтернативу: безоговорочная капитуляция или ссылка и возможный арест как дезертира. В конечном счете, упомянув о «душевных оговорках», он сдался, и Наполеон позволил ему продолжить путь в Александрию. В письме, написанном ему из этого города, Наполеон указывал: «…в твоем поведении нет таких ошибок, которые бы не сглаживали в моих глазах твое искреннее раскаяние. Твой союз с мисс Патерсон ничего из себя не представляет и по религии, и по закону. Напиши же ей и скажи, чтобы она возвращалась в Америку. Я предоставлю ей пенсию в 60 000 франков пожизненно при условии, что она ни в коем

случае не будет носить моего имени, на которое у нее нет никаких прав, поскольку ее брака не существовало. При аннулировании таким образом твоей женитьбы по твоей собственной воле я восстановлю к тебе свою дружбу и, возможно, те чувства, которые я испытывал к тебе со времени твоего детства». В тот же день Наполеон написал Элизе, а также морскому министру, информируя их обоих, что Жером признал свою ошибку и что Елизавета теперь дезавуирована.

Первые слова при встрече двух братьев, как и полагается, принадлежали Наполеону: «Ты, сир, являешься первым из твоей семьи, который позорно покинул свой пост. С твоей стороны потребуется много впечатляющих действий, чтобы стереть такое пятно с твоей репутации. Что же касается твоего любовного приключения с твоей девочкой, я игнорирую его!» Затем Жером был отправлен с морской миссией в Геную, а через несколько дней назначен капитаном 44-пушечного корабля «Помон», на котором ему предстояло курсировать в прибрежных водах в эскадре из четырех других кораблей. Дело Патерсон было завершено.

Девочка Жерома, которую по-разному именовали: то «мадам Бонапарт», то «миссис Патерсон», то «та личность», прибыла в Амстердам 1 мая, через три недели после того, как она рассталась с Жеромом в Лиссабоне. Елизавета обнаружила, что была вблизи Голландии, но бригу, на котором она плыла, было приказано стоять без связи с берегом. В течение последующих восьми дней все находившиеся на его борту фактически были узниками, пребывавшими под присмотром двух военных кораблей. Только после вмешательства американского представителя в Амстердаме бригу было позволено поднять якорь и уплыть в Англию.

Елизавету сопровождали ее брат, друг американки по фамилии Андерсон и французский доктор. Затерявшаяся компания достигла Довер-Родс 19 мая. Там никто не мешал их высадке, и паспорта были немедленно отосланы на берег. Елизавета направилась в Лондон, всячески стараясь избежать огласки, и разместилась в Камбервелле, который тогда был пригородом Суррея. Именно там в Парк-Плейс 7 июля она родила сына Жерома, ребенка, которому предстояло стать родоначальником ветви американских Бонапартов. Елизавета все еще сохраняла веру в благородство Жерома и не имела оснований отказываться от надежды на воссоединение с ним. Когда не поступило никаких писем, она пришла к заключению, что Жерома удерживал узником его ужасный брат, но когда по прошествии нескольких недель через Ла-Манш просочились новости о примирении между братьями, она восприняла неизбежное и

заказала билет домой.

Ее возвращение ознаменовалось печальным спадом. В качестве красотки Балтимора Елизавета вызывала зависть у каждой женщины Америки. Теперь же, отправленная обратно как никому не нужная посылка, она стала предметом жалости и осмеяний. Наверное, бывали времена, когда она сожалела, что не утонула при кораблекрушении у берегов Делавэра. На протяжении всей ее долгой жизни она жаловалась на то, что ей было отказано во вступлении в императорский круг по государственным соображениям, но в сердце у нее оставалась горечь, которая подпитывалась оскорбленной гордостью и ненавистью, так что ее друзья и семья наблюдали, как она становилась мрачной и несговорчивой. Она ссорилась со своим отцом, который теперь заявлял, будто бы всегда был противником этого союза, а Патерсон-старший жаловался на ее непокорность его воле. Некоторое время Жером продолжал писать ей, и каждое его письмо было полно торжественных заявлений о «неизменной» преданности. «Первая моя мысль при пробуждении, так же как и последняя перед отходом ко сну, всегда касается тебя, и если бы я не был уверен, что обрету счастье воссоединения с моей возлюбленной женой, мне не следовало бы продолжать жить…» Примерно через год после их разлуки письма перестали приходить, хотя Наполеон продолжал выплачивать ей пенсию, которую обещал. Затем, когда Жером стал королем Вестфалии, он написал письмо, предлагая Елизавете княжество с ежегодным доходом в 200 000 франков, если она отдаст ему на попечение сына. Елизавета отказалась в письме, которое воздает ей честь. «Хотя Вестфалия, несомненно, является большим королевством, — писала она, — эта страна недостаточно велика для двух королев!» Такой ответ заставил Жерома замолчать на три года, после чего он опять написал ей в нежных словах, что «все устроится рано или поздно». Все случилось раньше, чем он ожидал. Четыре года спустя Бонапарты оказались сосланными, а величайший из них стал узником атлантической скалы.

В зрелые годы, когда Елизавета могла бросить взгляд назад на единственное приключение в своей жизни, с некоторой долей отрешенности, она признала Жерома таким, каким он был: нетерпеливым, добропорядочным, безответственным человеком без духовных запросов, и хотя Наполеон сумел разрушить их брак, она была достаточно объективна, чтобы восхищаться его гениальностью. Более чем через пятьдесят лет после того, как она была выдворена из Франции, Елизавета писала: «Он выбросил меня обратно в то, что я ненавидела больше всего на земле, в мою балтиморскую безвестность, но даже это не могло разрушить того

почитания, которое я ощущала к его гению и славе. Я все-таки побывала императорской Бонапартой».

После жалкой капитуляции Жерома Наполеон продолжал попытки убедить Папу аннулировать его брак, мотивируя это тем, что он был недействительным по религиозным и законным основаниям. Он сопровождал свои требования щедрым подкупом — передачей золотой диадемы, украшенной бриллиантами и рубинами. Что сделал его святейшество с этой диадемой, неизвестно, но он отказал в аннулировании брака, заявив, что по изучении всех прецедентов он не смог обнаружить достаточных оснований, чтобы объявить брак незаконным. Тогда Наполеон обратился к галльской Церкви, и в октябре 1803 года в Париже был опубликован декрет о церковной неправомерности брака. Елизавета со своей стороны получила развод через легислатуру Мэриленда (законодательный орган штата).

На протяжении ста сорока лет обличители Наполеона искали доказательства его исключительной жестокости и суровости мышления. Они ссылались на то, как он покинул жертвы чумы в Яффе, и на убийство герцога Энгиенского, используя и то и другое в качестве примеров его аморальности. Эти инциденты, вместе со многими другими, отмеченные тем же клеймом беспощадности, все же в какой-то степени могут быть оправданы военной или политической необходимостью, но нет никакого оправдания его обращению с Елизаветой Патерсон. Этот брак, хотя и несомненно нелепый, тем не менее был законным. Жером получил разрешение от своего старшего брата и от своей матери, правда, только по совершении его. И, как отмечал Папа, когда он отклонял притязания Наполеона, религиозные аспекты брака были совершенно правильными, осуществленными епископом Балтимора. Трудно даже понять, почему Наполеон вел себя с такой нетерпимостью в отношении молодой пары. Одобрение брака, по крайней мере, обеспечило бы ему расположение в Штатах и означало бы удар по династической традиции, которая ослабляла кровь каждого царствующего дома в Европе. Хотя Наполеон никогда не воспринимал вторую жену Люсьена, он вскоре простил ему женитьбу на Кристине Бойер, совершенную без первоначального получения одобрения со стороны самоутвердившегося главы семейства. Конечно, следует признать, что Патерсоны являлись выходцами из буржуазии, но были ли они в большей мере буржуазны, чем мыловар Клари из Марселя или выращивавшие оливки Бонапарты с Корсики? В последующей жизни Наполеон часто обсуждал женитьбу Жерома, но никогда ему не удавалось оправдать свое безжалостное отношение к ней в то время, и сохранялось впечатление, что не сам этот брак вызвал

у него такой приступ ярости, а тот факт, что он произошел во время дезертирства его брата из флота. Но даже если все было и так, его поступок был произволен и несправедлив. И не Елизавета виновата в том, что Жером взял недозволенный отпуск, чтобы штурмовать американскую хозяйку, а скорее британские суда в развернутом строю. Он мог бы выдворить Жерома из флота и позволить ему обивать свои каблуки в Америке или же, отозвав его, наказать и извлечь все лучшее из ситуации, которую он не мог изменить. При всем том именно Жером выходит из этого жалкого дела с самым большим бесчестием, и его последующее поведение в качестве короля показывает, что Наполеону следовало бы позволить ему остаться в Америке, лишенным собственности и зависимым в средствах от щедрости семьи своей жены. Возможно, Патерсонов стоило бы поздравить с их избавлением от Жерома. Жизнь с ним, получившим отказ в доступе к французским фондам, могла бы повергнуть в банкротство Уильяма и его сыновей.

Книга третья
Сатрапы

Глава 7

Солдаты, называйте своих детей моим именем, и если один из них окажется достойным этого, я сделаю его своим сыном и наследником!

Из прокламации Наполеона после Аустерлица

Вот с такими словами Наполеон обратился к своим непобедимым легионам после Аустерлица, победы, которая повергла Европу к его ногам. Это было любопытное обещание со стороны человека, который так много сделал, чтобы создать себе преемника в своей семье и насильно разлучил младшего брата с дочерью демократической Америки. Но осень 1805 года была опьяняющим сезоном и вызывала опьяняющие прокламации. При пришпоривании такого рода Великая армия уклонилась от внезапного нападения на английские берега, повернувшись спиной к Ла-Маншу, и устремилась на юго-восток Европы, чтобы накатиться на австрийскую армию при Ульме и смять русско-австрийскую коалицию в Богемии. И это было всего лишь началом. Через восемнадцать месяцев пруссаки потерпели поражение под Йеной и Ауерштадтом и их армия, гордость Фридриха Великого, сдалась Наполеону. Последовала задержка под Эйлау, но в июне 1807 года была оккупирована Варшава и царские армии наголову разгромлены во Фридланде. В Тильзите на предварительно пришвартованном плоту император Франции и император всея Руси обсуждали, как лучше скроить карту и разделить континент. Друзья, союзники и родственники этого поразительного человека потирали руки в ожидании наград, особенно это относилось к родственникам.

Четыре кампании заняли около двадцати одного месяца, и представлялось вероятным, что на ближайшее окружение императора посыплются герцогства, княжества, награды и богатства. В условиях, когда Жером был поставлен на колени, только Люсьен не мог воспользоваться этими победами. Битва под Аустерлицем произошла точно через год после коронации Наполеона в соборе Парижской Богоматери, а через два года после этой победы Жозеф, Луи и Жером стали королями, а Элиза и Каролина — великими герцогинями. Полина была княгиней с 1803 года. Еще через год семья Бонапарт могла похвастаться

четырьмя коронованными персонами, так как Мюрат, развеселый гусар Каролины, тоже стал королем. Неудивительно, что мадам матушка заметила: «Все это очень хорошо, пока будет продолжаться».

Жозеф оказался первым, кто получил выгоду от триумфа французов. В критический момент кампании королева Неаполя, выделявшаяся особой ненавистью к Бонапарту, открыла свои порты для британских судов и русских войск. Она жестоко поплатилась за это вероломство. Через день после битвы маршал Массена, бывший юнга, контрабандист и торговец фруктами, был отправлен в Неаполь, чтобы династия Бурбонов прекратила там свое существование. 30 марта 1806 года Жозеф и Жюли были провозглашены королем и королевой Обеих Сицилий.

Полк Жозефа принимал участие в великой битве и подвергся жестокому избиению в ходе закрепления позиций в сражении, но утрата его орлов мало чем омрачила для Наполеона величие того дня, и он был расположен к щедрости. Жозеф, который когда-то отказался от суверенного правления в Ломбардии, теперь отбросил последние республиканские принципы и въехал в Италию с сознанием, что получил по заслугам. Всегда благодушный, готовый принять все, что попадется, Жозеф тосковал по спокойной жизни, и Неаполь, где Бурбоны не были популярны, обещал ему предоставить ее. Но все же он покинул Париж не без некоторых сожалений. В основном его вкусы были характерны для провинциала, и он наслаждался прогулками по своему поместью и встречами с многочисленными друзьями. Когда Жозеф впервые услышал о планах своего брата касательно его самого, он с сожалением воскликнул: «Мне было бы лучше стать королем Мортфонтена». Эти слова оказались пророческими, поскольку со спокойными днями у Жозефа было покончено. Прошло более десяти лет, прежде чем ему удалось вернуться к полуодиночеству, которое он предпочитал.

Жозеф сохранил все свои французские звания, включая титул великого избирателя, и теперь выполнял роль зависимого от Франции союзника. Вскоре обнаружилось, насколько зависим он оказался, так как по прибытии его в Неаполь Наполеон начал бомбардировать Жозефа инструкциями и советами. Ему пришлось ежегодно выплачивать миллион франков французскому казначейству, и его предложение создать местный Почетный легион и назвать его орденом Святого Януариуса не было одобрено, как «слишком церковное и слишком напоминающее о свергнутых Бурбонах». «Одно лишь название, — писал Наполеон, — вызывает улыбку. Мы должны найти что-то такое, что внушает уважение и желание к подражанию». Десять дней

спустя он писал Жозефу по другому вопросу: «Не позволяй никому быть единственным командиром твоей гвардии. Ничто не бывает более опасным. Я говорил тебе раньше, и говорю снова, что ты слишком доверяешь своим неаполитанцам». И он продолжал письмо, предостерегая нового короля пользоваться услугами каких-либо поваров, кроме французских, и предлагал хитрое устройство, чтобы предотвратить появление ночью в королевской комнате не уполномоченных на это лиц. Много раз на протяжении тех первых недель пребывания Жозефа и его жены в качестве короля и королевы Неаполя они, должно быть, тосковали по мирной жизни в Мортфонтене, где могли не задаваться вопросом, ради кого были восстановлены смертельные отравы Боргезе.

Как только Элиза и Каролина узнали о повышении Жозефа, они начали стонать от ревности, но на этот раз их требования были учтены. Элизе было предоставлено княжество Лукка и Пьомбино в Италии, а муж Каролины Мюрат получил титул великого герцога Берга и Клевеса. Позднее княжество Гуасталла в Италии было передано Полине, и еще до истечения года Луи стал королем Голландии. В том же году Эжен, сын Жозефины, военный, женился на Августе, дочери короля Баварии. Он уже был вице-королем, управляя от имени своего отчима Северной Италией. Куда бы ни бросить взгляд, везде правили Бонапарты или Богарне, и двое из них уже носили короны.

Оргия перераспределения почестей продолжалась и в 1807 году. Не менее двадцати наследственных герцогств перешли во владение либо маршалов, либо высших сановников французского двора, и как только Жером вторично и на сей раз благополучно женился на германской принцессе, для него было создано новое королевство из территорий Гессена, Ганновера, Брауншвейга и Пруссии. Новое государство стало известно как Вестфалия. Оно вполне могло бы быть названо «Страной чудес». Все эти перемены произошли в течение двух лет, но между внезапным уходом армии вторжения с берегов Ла-Манша и второй женитьбой младшего брата семьи многое случилось с отдельными членами клана. Ничто из произошедшего не было героическим, а многое просто скандальным.

Каролина, как жена человека, который сыграл полезную роль в успешных кампаниях 1805–1807 годов, была первой в очереди за наградами, поскольку Мюрат обрел больше славы, чем любой из новых маршалов. Именно он руководил яростным преследованием пруссаков после Йены, и он первым въехал в Варшаву, где мечтал обрести корону реорганизованной Польши. При Эйлау он спас армию, прорвавшись через снега во главе

девяноста эскадронов кавалерии, и тем самым сменил поражение на патовую ситуацию. Его тесные взаимоотношения с императором, наряду с тщеславным, шутовским поведением и вкусом к торжественной форме, сделали Мюрата предметом насмешек и презрения в глазах ожесточившихся бойцов вроде Ланна и Ожеро. После Эйлау последний назвал его «танцующей собачкой в платье для пантомимы», спровоцировав яростную ссору в присутствии Наполеона, но любовь Мюрата к показухе и личная храбрость внушали к нему любовь младших чинов. Каролина приходила в восторг от его успехов, но это не помешало ей во время его отсутствия доставить себе удовольствие волнующей любовной связью с генералом Жюно. Тот был одним из ближайших сподвижников Наполеона и губернатором Парижа. Почти каждую ночь его карету можно было увидеть близ дома Каролины. Она часто принимала его одного, и их можно было лицезреть вдвоем при каждом общественном собрании, причем Каролина вела себя застенчиво, а Жюно походил на сошедшего с ума школьника. В Италии Жюно просил руки Полины, но теперь он был более чем утешен чарами ее младшей сестры. Его жена, в прошлом Лоретта Пермон, рыдала и страстно желала возвращения императора до того, как скандал привел бы к дуэли между Мюратом и Жюно. Оба они обладали горячим темпераментом, и Лоретта достаточно хорошо знала Каролину, чтобы понимать, что зрелище двух высокопоставленных офицеров, сражающихся за нее, не вызовет у этой женщины никаких тревог. К счастью для всех участвовавших в скандальной истории лиц, вопрос был вскоре разрешен Наполеоном, который, несмотря на свою длительную отлучку из Парижа, был хорошо осведомлен об этом деле. Его первым действием по возвращении в Париж стал вызов Жюно с двухчасовым наставлением ему, категорически запрещавшим дуэль. Затем он как-то сумел убедить Мюрата, что случившееся было не более чем флиртом. Каролина не принимала никакого участия в этих разговорах и на радостях по поводу превращения в великую герцогиню позабыла Жюно.

Жером не сыграл никакой роли в территориальных триумфах Великой армии, но он успел набрать немного славы на море. После своего отказа от Елизаветы Патерсон он отправился в плавание, командуя пятью кораблями, и в то же лето утешился тем, что взял себе в любовницы итальянскую красотку по имени Бланка Каррега. Он становился более опытным в светских делах и снабдил даму своего сердца необходимым мужем. Когда Жером стал королем и смог расточать милости, он наградил их обоих за доброту, которую они проявляли к нему во время трудного

периода.

В августе 1805 года он был уже в Алжире и требовал от бея освобождения всех французских и итальянских рабов, которых тот удерживал в качестве пленников. В течение многих веков корсары, базировавшиеся на берберских берегах, досаждали средиземноморской торговле, но соперничество между великими державами поощряло процветание пиратства, и в каждом поселении в Алжире и Тунисе имелись сотни христианских рабов. Некоторые из них были искусными мастерами, и с ними сравнительно хорошо обращались, но большинство влачило жалкое существование у своих исламских господ. За непослушание их унижали пытками и пороли, а если они пытались бежать и были захвачены снова, их обычно подвешивали к стенам с помощью железных крюков, известных как «скорпионы». Жером предоставил бею сорок восемь часов для выполнения своих требований, и в назначенное время все 232 раба взошли на его корабли, после чего он с триумфом прибыл в Геную для торжественной встречи. За этим последовала благодарственная служба в кафедральном соборе, потом освобожденные пленники были приглашены на банкет на борту корабля, и день этот закончился балом в честь Жерома. Наполеон пришел в восторг от такого проворного исполнения долга, и Жером получил приглашение в Париж, чтобы принять поздравления своего брата. Прибыл он туда незамедлительно и продолжал заимствовать средства у торговцев, проматывая кредиты со скоростью, которая могла бы изумить даже Жозефину. Но, несмотря на это, он получил дальнейшее повышение и командование «Ветераном», одним из кораблей эскадры, направляемой к мысу Доброй Надежды, для того чтобы тревожить судоходство англичан.

Инструкции Наполеона Вильомцу, командиру этой группы перехвата, были сходны с указаниями, переданными адмиралам на флагманский корабль, куда направлялся Жером в качестве гардемарина. «Ведите себя с ним с жесткостью руководителя, преисполненного сознанием долга в сочетании с соображениями, относящимися к лицу, удостоенному ранга, который волей монарха еще не был возложен на него», — говорилось в депеше. «Никаких особых почестей не следовало воздавать ему, поскольку никто, — писал Наполеон, — их не удостоился!» Вильомц читал эти инструкции прикусив язык.

Еще до того, как Жером мог покинуть Париж, ему предстояло урегулировать свои долги, и, поскольку Наполеон отсутствовал в столице, он вынужден был обратиться к Жозефу за средствами для такого урегулирования. Жозеф неохотно одолжил ему еще

80 000 франков и написал Наполеону с просьбой возместить их. Ответ был краток: «Если Жером не может жить на свое жалованье, пусть будет заключен за долги в тюрьму». Доброжелательный Жозеф так и не получил обратно своих денег, и в отличие от миллиона франков, который ему каждый год приходилось высылать из Неаполя, эти деньги исходили из его собственного кармана.

Освободившись от задолженности, Жером поспешил в Брест, где сразу же был произведен в помощники командира эскадры. Когда он узнал, что местом ее назначения будет мыс Доброй Надежды, то всячески пытался избавиться от такого поручения, но хитрое замечание командира, что несколько месяцев трудной службы окупят себя хорошими дивидендами в будущем, удержало его от этого шага.

Эскадра была повернута от мыса, так как английские силы преобладали в этом районе, и вместо этого поплыла в Бразилию, а потом в Вест-Индию. Там корабль Жерома оказался отрезанным от других, и, заглянув в предписания, он обнаружил, что встреча была намечена на Ньюфаундлендской отмели. Он не стал выполнять эту инструкцию и, снова повернув к югу, наткнулся на группу английских торговых судов, перевозивших лес в сопровождении всего лишь одного фрегата. Жером захватил и сжег эти суда (одиннадцать, по его сообщениям, и девять, по данным британского флота), но теперь уже оказался вблизи Азорских островов и недалеко от дома. С обычным пренебрежением к приказам он решил, что неразумно далее искать свою эскадру, и направился в Брест.

Но Жерому не удалось добраться до Франции без другого драматического приключения. По пути в гавань ему пришлось бы пройти сквозь строй четырех британских судов из линии, блокировавшей французский берег. Вначале он склонялся к тому, чтобы с боем проложить себе путь к Лорьяну. Но по счастливой случайности узнал от местного моряка, служившего на борту «Ветерана», что между рифами существует скрытый проход в гавань. Он передал руль местному моряку, и «Ветеран», промелькнув между скалами, попал под защиту орудий французского форта. «Еще один пример удачи Бонапартов», — жаловался британский капитан, сообщая в Лондон об этом инциденте.

И снова Жером был принят в Париже как герой. И хотя морской министр критиковал его за то, что он покинул свою эскадру, Наполеон принял сторону Жерома, наградив его орденом Почетного легиона и повысив в звании до контр-адмирала. Жером был, вероятно, единственным моряком в

военно-морской истории, который получил такой ранг до своего двадцать второго дня рождения.

Но затем Наполеон изменил свои планы относительно ближайшего будущего Жерома. Пришло время, подумал он, дополнить репутацию младшего брата службой в качестве генерала. Именно это он и имел в виду, прихватив его с собой в прусскую кампанию осенью 1806 года и поручив впоследствии командовать смешанными силами баварцев и вюртембергцев. Жером проявил себя в море как импульсивный и ненадежный командир, приводивший в отчаяние своих адмиралов, которые ожидали от него подчинения дисциплине. Но он обладал немалой личной храбростью, и известие, что его оставляют позади охранять тылы армии, не привлекало его. Жером пытался убедить Наполеона изменить свое решение, но брат его не был расположен предоставлять ему передовые позиции до тех пор, пока тот не проявит своих способностей на поле боя. Но так уж получилось, что оказалась масса дел в Силезии, и в течение нескольких последующих недель контр-адмирал, превращенный в генерала, был занят расчисткой очагов прусского сопротивления, обойденных Великой армией. Удача не сопутствовала ему, и он завоевал не много славы, но это произошло только вследствие его собственных ошибок. Он всегда находился не в том месте и не в то время, и его отношения с командирами-ветеранами, обличенными ответственностью наблюдать за ним, становились все хуже и хуже по мере развития кампании. Одним из таких старых служак оказался пресловутый Вандамм, известный своей репутацией чванливого и безжалостного профессионала, и Жерому, который все еще бомбардировал брата просьбами об откомандировании его ближе к центру операций, пришлось вступить в конфликт со своим коллегой. К несчастью для начинающего генерала, Наполеон уступил его просьбам как раз в то время, когда Жером занимался осадой Глогау. Ему поручалось передать командование Вандамму и двинуться против города Калиша. Жером подчинился, а два дня спустя Вандамм взял штурмом Глогау. Услышав эту новость, Жером завопил от ярости и разочарования, но на этот раз его брат двинулся против русских, и Жером опять написал ему письмо с просьбой прикомандировать его к Великой армии, предоставив еще один шанс завоевать себе военную репутацию. Наполеон и на этот раз уступил ему, и Жером поспешил присоединиться к брату в Варшаве, оставив своего соперника Вандамма осуществлять осаду Бреслау. К этому времени контр-адмирал уже познал хитросплетения военной профессии и в послании к Вандамму запретил тому вступать в Бреслау, если город капитулирует.

Вандамм был поражен приказом такого рода. Ему никогда не улыбалось взаимодействие с Жеромом, и партнеры уже ссорились в отношении поведения их частей на оккупированной территории. Баварцы и вюртембергцы были дикой, недисциплинированной массой, и Вандамм, будучи одним из жестоких военных, служивших в Великой армии, смотрел сквозь пальцы на их эксцессы. Этот человек похвалялся, что не боится ни Бога, ни дьявола. Он стал известен в истории не столько тем, что был способным военным, сколько своим замечанием, которое он сделал однажды царю Александру. Попав в плен во время кампании в Саксонии, когда империя уже приближалась к развалу, Вандамм был обвинен в бесчинствах, учиненных его частями в некоторых германских городах. В ответ на эти обвинения он напомнил царю о той роли, которую сыграл этот самодержец в убийстве собственного отца, царя Павла I.

Получив письмо Жерома относительно сдачи Бреслау, Вандамм не стал входить в город, когда его гарнизон запросил условия капитуляции. Но его, должно быть, позабавило, что Жером, спешивший из Польши, прибыл слишком поздно и мог лишь наблюдать за тем, как потерпевший поражение гарнизон выходил из города и складывал свое оружие. К этому времени Вандамм уже достаточно присмотрелся к Жерому, и рядовые солдаты засмеялись над его остротой, когда Жером показался в окопах под Нейсом именно в тот самый момент, как какой-то выстрел забросал штабных офицеров землей. «Эти дьявольские пули, — заметил Вандамм с озлоблением, — не имеют никакого уважения к посторонним!»

Приняв капитуляцию Бреслау, Жером приступил к выполнению другой задачи — надзору за организацией складов и снабжения Великой армии в Польше, и хотя, казалось бы, из него мог получиться хороший квартирмейстер, его жажда боевой славы оставалась неудовлетворенной. Вскоре он запутался в кампании иного рода, и Наполеон (который никогда не пропускал слухов о скандалах, в коих были замешаны его родственники) писал, сетуя на неумеренную галантность Жерома в отношении фрейлин гарнизонного города. Его информация была точна. Жером оказался вовлечен в страстную аферу с оперной певицей, и как и в случае с итальянкой Бланкой Каррега, ему предстояло ввести новую пассию в свой колоссальный гарем, когда спустя год он стал королем Вестфалии. Письмо Наполеона сопровождалось постскриптумом с напоминанием брату, что тому вскоре предстоит жениться на принцессе, а посему следует вести себя как подобает будущему новобрачному. Жером принял намек и атаковал прусские силы, пытавшиеся освободить захваченный

город, но опять он сделал это слишком поздно. На этот раз кавалерист Лефебр-Деснуетт нанес поражение противнику за несколько часов до прибытия Жерома на фронт.

Любопытный ассортимент наследственных правителей способствовал, помимо воли, созданию нового королевства Жерома. Пруссия, Брауншвейг и Ганновер — все они уступили ему свои территории, так же поступил и принц Оранский, который пожертвовал аббатство Керней. В дополнение к этому Наполеон присвоил всю территорию герцога Брауншвейг-Вольфенбюттеля (который был убит под Йеной), а затем включил туда разрозненные клочки земель, такие, как прусское феодальное поместье Штольберг и гессе-кассельское поместье Ритбург. Вестфалия на деле напоминала сборную солянку из собственности других людей, и ее население в два миллиона, состоявшее частично из католиков, а частично из протестантов, корчилось под гнетом чрезмерных налогов и жестокой системы призыва на военную службу. Проблемы управления таким королевством, однако, не пугали Жерома, который был в восторге от того, что носил корону. Он присоединился к своему торжествующему брату в Дрездене, и в июле 1807 года оба они вернулись в Париж, где 22 августа Жером снова стал новобрачным.

Новая невеста Жерома Софи Доротея Фредерика Екатерина была дочерью Фридриха Вюртембергского и старше его на год и восемь месяцев. Во всех отношениях она представляла собой контраст с весьма одухотворенной девушкой, на которой Жером женился за четыре года до этого. Патерсоны были богаты, а Екатерина, хотя и древнего рода, была так бедна, что краснела от стыда, когда вынуждена была стоять около таких роскошно одетых женщин, как Жозефина и Каролина Мюрат. Она провела свое детство в России и переехала на Запад после того, как между ее отцом и матерью произошел разрыв. Мать ее Августа умерла при родах в возрасте двадцати четырех лет, и ходили слухи, что либо ее муж, либо российская императрица несли ответственность за то пренебрежение, которое привело к ранней гибели Августы. Так это было или нет, остается фактом, что гроб с ее телом не был захоронен в течение двадцати восьми лет и находился в Полангене, близ Риги. Он был предан земле лишь тогда, когда ее сын услышал об этом во время посещения России через год после битвы при Ватерлоо. Отец Екатерины, герцог, был человеком необузданного нрава и отталкивающей репутации, но при этом выглядел довольно забавно, поскольку размер его талии был огромен, и остряки говорили, что он занимал самую большую в мире кровать. Екатерина вела скромную жизнь в Германии и

радовалась перспективе выхода замуж за Бонапарта. Это чувство с ее стороны пережило многие годы замужней жизни, так что их брак, можно сказать, оказался самым удачным в семье Бонапарт. Новый тесть Жерома, хотя и недавно продвинутый силой французского оружия до ранга короля, был снобом, и сомнительно, знал ли он, что человек благородного вида, маршал Бессьер, который был прислан, чтобы проводить эту пару в Париж, когда-то зарабатывал на жизнь парикмахером. Из-под пера мадам Жюно мы получаем некоторые сведения о том, как выглядела невеста по прибытии в августе в Париж. «Не вполне привлекательно», — заявляет эта дама и продолжает описание Екатерины как «высокой женщины, чья фигура могла бы быть более впечатляющей, если бы шея не была коротка!». Екатерину, понятно, нельзя было сравнивать с восхитительной Елизаветой Патерсон, но Жером научился идти на компромиссы. И, упоминая о его готовности жениться вновь в соответствии с пожеланиями брата, мадам Жюно добавляет: «Он хотел вкусить сладости власти подобно остальным членам его семьи и отказывался от своих слов еще до того, как прокричит петух!»

По случаю свадьбы в Париже собрался клан Бонапартов, Полина и ее муж, Каролина в новой роли герцогини и даже мадам матушка, которая избрала жизнь рядом с сосланным Люсьеном. Екатерина произвела отличное впечатление на свою свекровь, и они оставались в добрых отношениях на протяжении всей жизни. После свадьбы Жером набрал себе двор из числа закадычных друзей, и, учитывая приближение осени, королевская пара направилась в свое новое королевство. Но до того, как они смогли выехать, предстояло еще урегулировать неизбежный финансовый кризис. Куда бы ни направлялся Жером, он везде брал большие кредиты, которые привязывали его к району, где он становился должником. Но на этот раз Наполеон пришел к нему на помощь. Убежденный, что Жерому следует начать новую жизнь платежеспособным, он уполномочил правительство выплатить его долги, достигавшие трех миллионов франков, из государственного амортизационного фонда и в дополнение к этому предпринял необычный шаг, разрешив брату заранее получить свое жалованье в качестве имперского принца.

В первый и единственный раз в жизни Жером покинул Париж свободным от долгов.

В начале декабря новобрачные пересекли границу своего нового королевства и проехали под триумфальными арками и флагами среди толп преисполненных энтузиазма сбитых с толку граждан. Если бы только эти вестфальцы знали, что им уготовано на ближайшее будущее, их восторги были бы более сдержанными,

но можно отнестись с симпатией к их энтузиазму. В течение многих лет их пригибали к земле налогами и все возраставшим призывом по декрету о воинской обязанности, и прибытие брата великого Наполеона с его германской новобрачной должно было представляться им как обещание более счастливой эры. У них не было опыта существования под управлением короля, которого заботили только красивые вещи.

Люсьен, упрямый и безжалостный, продолжал оставаться в ссылке, но Наполеон сделал еще одну попытку примирения с ним. Жозеф провел встречу с Люсьеном в Модене в марте 1807 года и подготовил почву для новых подходов Наполеона, но когда братья повстречались в декабре того же года, разрыв между ними не был преодолен. Элиза написала Люсьену письмо, убеждая его проявлять к Наполеону «неограниченное почтение», но это мало повлияло на гордый характер ее брата. Он был единственным человеком в Европе (кроме упоминавшихся маршалов Ланна и Ожеро), который осмеливался относиться к творцу целой эпохи как к равному или даже менее чем равному. Через несколько минут они опять ссорились. Проявляя чудеса выдержки, Наполеон поднял цену. Если Люсьен отречется от своей жены, он сможет выбирать между королевством Португалия и новым королевством, образованным из Италии, между рукой королевы Этрурии (которая все еще ожидала жениха) и герцогством для мадам Люсьен, с которой ее муж мог бы продолжать жить при условии, что он будет рассматривать ее как свою любовницу и не станет появляться с ней на публике. Люсьен с презрением отнесся к этим условиям. Он не откажется от женщины, которую любит и уважает, и не лишит детей их матери. А прежде всего, он не стал бы подражать Жозефу, Луи и Жерому, отводя для себя «роль префекта», и танцевать под дудку человека, который при республиканцах занимал пост генерала артиллерии! Наполеон был разъярен, но еще больше изумлен. На протяжении всей своей жизни он был готов пожертвовать личными интересами ради соображений политики, и тот факт, что его наиболее талантливый брат может предпочесть домашнее счастье неограниченной власти, искренне огорчил его. Он указал, сколь много облагораживание Люсьена может значить для семьи, но все, чего он смог добиться от этого упрямого человека, свелось к неохотному обещанию послать свою дочь Шарлотту в Париж, чтобы она там готовилась к выходу замуж за принца Астурии, наследника испанского трона Бурбонов. В письме Жерому, признавая провал своей попытки вернуть Люсьена в отчий дом, Наполеон отмечал: «Я сделал все, что было в моих силах, чтобы убедить его использовать свои таланты ради меня и своей

страны… его дочь должна выехать безотлагательно, и он должен прислать мне заявление, полностью отдающее ее в мое распоряжение… мои предназначения должны быть выполнены».

Они не были выполнены, и во всяком случае, не с помощью дочери Люсьена от умершей Кристины, так как Шарлотта, достигшая к тому времени тринадцати лет, унаследовала от отца вкус к иронии, и ее раннее развитие способствовало расширению пропасти между братьями. Наполеон уже принял решение расширить свои владения на Испанию и свергнуть Годоя, красавца охранника, который, будучи любовником уродливой королевы, фактически стал правителем Испании. Цель его заключалась в том, чтобы выдать дочь Люсьена замуж за соперника Годоя, норовистого, но популярного принца Астурии, и такой план, вероятно, мог бы иметь успех, если бы этому не помешала сама Шарлотта.

Девочку привезли в Париж, и она жила там со своей бабушкой, но Шарлотта была исключительно наблюдательным ребенком и записывала все, что видела или слышала о своих властвующих родственниках. Содержание ее писем к отцу не было тайной для Наполеона, и однажды, оправляясь от шока, вызванного чтением ее описаний домашней жизни, он с удовольствием прочитал их вслух всем собравшимся Бонапартам. Жаль, что письма Шарлотты, по всей видимости, не сохранились, но известно, что они привели к возвращению ее отцу с крайней поспешностью. Никто не получил большего удовлетворения от такого поворота событий, чем Люсьен, который проехал двадцать лье, чтобы встретить дочь, восклицая: «Ребенок мой, я совершил большую ошибку! Но ты возвращена мне, и беда отступила». Это был самый гуманный эпизод в истории Бонапарта.

Жозеф и Жером были пристроены, Элиза и Каролина полностью заняты государственными балами, любительскими спектаклями, герцогствами, титулами и доходами от всего этого, а Полина, располагавшая любыми деньгами, в каких бы она ни нуждалась, могла проводить свои дни, позируя художникам, купаясь в молоке и принимая нескончаемые ряды любовников. Наполеон совершил чудеса для семьи, но мадам матушка, наблюдательная и неулыбчивая, продолжала проявлять недоверие к золотому веку и накапливать свое жалованье, подобно находящемуся под угрозой крестьянину. Ее бережливость вызывала многочисленные шутки в парижских салонах и расстраивала ее сына, но когда он стал увещевать ее, она воскликнула: «Когда-нибудь тебе понадобятся деньги, которые я сберегаю!» Она терпеть не могла легкого богатства и власти. Ее

природная простота, укрепленная жестокой борьбой за выживание в юности и в период, последовавший за смертью Карло, требовала всего лишь безопасности, но она не видела для себя ничего подобного. Если короли могли быть коронованы, доказывала она, то столь же легко они могут быть и свергнуты. Единственным надежным предметом обладания является земля, переходящая от отца к сыну, и хотя ее дети властвовали теперь более чем над миллионами акров, в сроках их правления не было ничего постоянного. И вопреки своей нетерпимости по поводу того, что он рассматривал как жадность, Наполеон всегда относился к матери с уважением. Он мог неистовствовать и задирать других, но в своих отношениях с Летицией был смиренным, как будто в глубине души он признавал свои достижения всего лишь ее заслугой.

По ее совету Наполеон простил Жерома, но даже Летиция не могла убедить его вновь допустить Люсьена в семейный круг, и поэтому она придерживала свой язык и сберегала большую часть денег из тех, которыми он засыпал ее. Придет время, когда Люсьен вынужден будет смириться на условиях, которые она предвидела с самого начала.

Плохо шли дела и у Луи, которому вскоре предстояло стать королем Голландии. Женитьба его оборачивалась катастрофой, а его упрямство — еще одним источником трений внутри семьи. Вскоре после коронации возникли и новые неприятности вокруг вопроса о преемственности, когда Наполеон послал за Луи и Гортензией и вновь заговорил об усыновлении их старшего сына Наполеона Шарля, которого он собирался сделать королем Италии. Луи рассматривал это предложение как личное оскорбление и заявлял, что ни при каких обстоятельствах не согласится с тем, чтобы его ребенок получил более высокий ранг, чем имеет он сам. Наполеон же, натолкнувшись на категорический отказ, раскричался на своего брата, называя его неблагодарным глупцом. Но упорство Луи оставалось непреклонным, и Наполеон, немного успокоившись, стал доказывать, что ребенок мог бы остаться во Франции, пока не достигнет совершеннолетия, а затем поддерживал бы два раздельных хозяйства, одно в Париже и одно в Милане. Все было напрасно. Луи был непоколебим, и Наполеон стал горько жаловаться, что ни братья, ни сестры не были готовы разделить огромное бремя, возложенное на него, бремя, которое было особенно тяжким из-за отсутствия у него собственного ребенка. Гортензия, присутствовавшая при этом бурном разговоре, ничего не сказала. «Что могла бы я сказать, — поясняла она позднее. — В конце концов, от подобных сцен всегда вынуждена была страдать

моя бедная мама».

Каролине была найдена новая роль в дни укрепления власти, которые последовали за тройным триумфом под Аустерлицем, Йеной и Фридландом. Это была роль имперской сводни. Еще со времени защиты Наполеоном Жозефины во время коронации Каролина в попытках подорвать этот брак начала использовать более тонкую тактику. Она, Жозеф и Элиза исчерпали свои возможности в усилиях сокрушить Креолку путем распространения слухов и лжи, путем напоминаний Наполеону о расточительности Жозефины и ее неблагоразумных поступках в прошлом. Теперь же они намекали, что ему самому следует опровергнуть утверждение, будто именно он, а не его жена, несет ответственность за их бесплодный брак. Такое предположение, выдвинутое самой Жозефиной, казалось бы, имело под собой достаточные основания. Ведь Наполеон пока что не заполучил какого-нибудь незаконного ребенка, несмотря на длинный ряд любовниц, имевшихся у него за последние семь лет. Мадам Фуре, миловидная блондинка, с которой он был в любовной связи в Египте, также дала материал для подобных сомнений. Когда он пожаловался своим близким, что «маленькая глупышка не знала, как обрести ребенка», она немедленно воскликнула с негодованием: «Это не моя вина, говорю тебе это!» Затем была Грассини, знаменитая оперная певица, а после Грассини — трагическая актриса мадемуазель Жорж, но ни одна из них не зачала ребенка, и сам Наполеон, как стало известно, выражал сомнения по поводу своей половой полноценности. План Каролины сводился к тому, чтобы выставлять на обозрение брату красивых женщин, подобно рабыням на восточных рынках. Рано или поздно одна из них произведет на него глубокое впечатление, и, возможно, если повезет семье, принесет ему ребенка, чем убедит императора в бесполезности дальнейших связей с Жозефиной.

Ранней весной 1806 года план Каролины возымел успех. Среди ее прежних школьных подруг, обращавшихся к ней за помощью в создании семьи, была красивая брюнетка по имени Элеонор Ревель, урожденная Денуэль из Ла-Плень, дочь пользовавшихся дурной славой родителей, которые выдали ее замуж за какого-то проходимца, когда ей было семнадцать лет. Через несколько недель после свадьбы муж ее был арестован по обвинению в подлоге и заключен в тюрьму, а разбитая горем Элеонор, стоящая перед перспективой нищеты, попросила помощи у самой знаменитой ученицы мадам Кампань, теперь великой герцогини Берга и Клевеса. Каролина предложила этой девице незначительную должность, и, заметив ее красоту, не

теряя времени, представила ее Наполеону. Связь их была исключительно короткой, так как Наполеон, без меры загруженный в других местах, почти сразу же устал от нее. Но в конечном счете ей удалось избавить его от опасений, которые тревожили его в течение ряда лет. Когда год подходил к концу и Наполеон, сокрушив Пруссию, вел наступление против царской армии под Варшавой, из Парижа прибыл курьер с сообщением, что Элеонор Ревель родила ему сына. В то время он был немногословен, но направил указание, чтобы мальчика отдали на попечение няни вместе с ребенком Каролины, Ахиллом. Каролина была в восторге и сообщила обо всем Мюрату (которого некоторые считали отцом ребенка). Но весьма сомнительно, чтобы красивый, мужественный сын содержателя гостиницы мог тогда задуматься об этом; он был слишком занят, обхаживая поляков и разъезжая по Варшаве в самой ослепительной форме, когда-либо виданной в этом городе. В то время Мюрат уже представлял себя королем, правителем освобожденной Польши.

В том же самом 1806 году, когда Великая армия билась с русскими в болотах Польши, парижское общество превзошло светские стандарты, установленные Марией Антуанеттой в заключительные годы прежнего режима. Революция закончилась, ее ограничения и вдохновленные порывы таяли в блеске титулов и светской пышности, и именно Каролина задавала тон в компании жен военных спекулянтов и политиканов, которые осаждали императорский двор. В течение всей той зимы в бальных залах Парижа ощущалась нехватка молодых людей, но накал развлечений среди жен, дочерей и сестер военных не ослабевал из-за отсутствия под рукой их мужчин. Проходили бесчисленные балы, праздники, фейерверки и музыкальные увеселения, куда вызывались профессиональные писатели и музыканты, чтобы поддержать затеи Каролины, Элизы, а иногда и Полины, которая время от времени принимала участие в этих потехах, но обычно уклонялась от них, ссылаясь на плохое здоровье.

Здоровье Полины было источником большого недоумения для ее друзей и родственников. Когда бы какое-либо событие ни потребовало административных усилий с ее стороны, она принималась говорить тихим голосом и болезненно улыбаться, как подлинный инвалид, и оставалась в стороне, пока все не решалось само собой. Будучи всегда самой любимой из сестер, она проявляла минимум ревности, и даже женщины отдавали ей должное за привлекательность и терпеливый характер. Тот образ жизни, который вела Полина, мог бы погубить ее, если бы ее

здоровье было таким слабым, как она пыталась представить. Однажды Полина и Каролина участвовали в специальном представлении, в котором им отводились ведущие роли в музыкальной комедии: Каролине — несговорчивой любовницы, а Полине — крестьянской невесты. Этот спектакль, который повторялся на протяжении нескольких недель, вызвал в Париже сенсацию. Но в артистическом отношении он не был успешным, так как Полина не могла петь, а актерские способности Каролины опозорили бы даже провинциальную драматическую труппу. Мадам Жюно заявляет, что пение Полины было настолько беззвучным, что его едва можно было расслышать, а Каролина выступала как полная дурочка благодаря притворным нежностям, которые капризно срывались с ее губ, никогда не предназначавшихся для произнесения мелодичных звуков. Даже если сделать скидку на то обстоятельство, что генерал Жюно играл роль обожателя Каролины и был безнадежно в нее влюблен, вряд ли можно сомневаться, что у девиц Бонапарт отсутствовал сценический талант, хотя за пределами сцены их представления иногда действительно достигали весьма высокого уровня. Элизу убедили признать свои ограниченные данные как актрисы и посвятить себя более скромным ролям. Во время консульских дней она и Люсьен выступали в любительских спектаклях, и в одном случае Элиза играла трагическую роль перед публикой, включавшей ее брата. Бурьен сообщает, что Наполеон так от души хохотал, что по щекам у него потекли слезы. Наполеон не был доброжелательным критиком, и после того как опустился занавес, он поведал своей сестре, какое удовольствие доставила ему «ее пародия».

После своего повышения Элиза смогла дать простор талантам, которыми она обладала, и управляла своим княжеством Лукка-Пьомбино настолько искусно, что Наполеон публично поздравил ее. В 1809 году он добавил к ее владениям Тоскану, но муж Элизы, стушевавшийся Фелис, играл весьма малую роль в ее суверенном правлении. Когда она заняла свое положение в Италии, Наполеон дал ясно понять, что подарок носит вассальный характер. В императорском декрете провозглашалось, что любые дети — преемники Элизы будут вступать во владение княжеством по указанию императора и не должны заключать брак без его согласия. Фелис поэтому являлся всего лишь мужем королевы, и ему было приказано при всех государственных процессиях следовать в нескольких шагах позади нее. Ему также были отведены специальные апартаменты в дальнем конце дворца, и, даже получив титул князя, он вынужден был давать своему шурину подобострастную клятву верности.

Такое перераспределение ролей в доме Баччиоки, однако, не разрушило этот брак. Возможно, что уступчивость Фелиса предотвратила развод, и Элиза родила ему сына и дочь. В соответствии с императорским эдиктом дочь была крещена как «Наполеон».

Предоставив своему мужу исключительно пассивную роль, Элиза посвятила себя задаче реорганизации своих территорий и в этом деле проявила немалую энергию и рассудительность. Она санкционировала общественные работы, стимулировала сельское хозяйство, покровительствовала искусству и составила реестр квот призывников, которые приходились на всех, кто осуществлял правление под властью Наполеона.

Когда к ее владениям была добавлена Тоскана, она очистила страну от разбойников. В этом отношении Элиза была более энергична, чем ее брат Жозеф в Неаполе, так как среди многих писем, которые Жозеф получал от брата приблизительно в это время, содержалось одно с приказом успокоить местных грабителей.

По всей очевидности, Элиза унаследовала административный талант Бонапарта, но Талейран, прекрасный судья в таких вопросах, рассматривал Каролину как самую интеллектуальную из девочек семьи и заявлял, что она имела голову Кромвеля, а плечи — хорошенькой женщины. Наполеон разделял такое мнение, заявляя, что был вынужден обращаться к своей младшей сестре так, как если бы он читал воззвание. Последующие события продемонстрировали, что Каролина обладала также редкой способностью к интригам и к двойственному поведению, но в тот период, на волне привилегий, которые последовали за Аустерлицем, Йеной и Фридландом, она проводила большую часть своего времени, организуя при дворе блестящие рауты. За два года, которые предшествовали ее возведению на трон, Каролина стала ведущей хозяйкой Парижа, и Елисейский дворец, где она жила с Мюратом, превратился в сцену для многих ярких зрелищ. Наполеон поощрял такие затеи и распорядился, чтобы Каролина, Полина и Гортензия каждую неделю во время зимнего сезона давали бал. Полина протестовала, заявляя, что слишком изысканна, чтобы быть втянутой в организацию подобных развлечений в таких масштабах (на каждом балу бывало приблизительно по двести человек), но Наполеон продолжал настаивать, и после бала у Гортензии в понедельник и бала у Полины в среду Каролина принималась за работу, чтобы превзойти своих сестер в пятницу. Обычно это ей удавалось, но такие балы часто бывали окрашены забавными происшествиями, как, например, во время показа кадрили, которую танцевали

шестнадцать самых красивых посетительниц салонов столицы, причем все они были одеты в тирольские костюмы. Кадриль исполнялась на маскараде. И когда она вот-вот должна была начаться, Гортензию, принимавшую в ней участие, неожиданно вызвали в личную комнату, чтобы успокоить какую-то даму, которая была отвергнута в последний момент, но настаивала, чтобы ее включили в танец. Гортензия пришла в замешательство, увидев перед собой коротконогую, полную женщину, облаченную в маску. Почувствовав какой-то подвох, она заколебалась, после чего толстуха вскочила, обняла ее обеими руками и пыталась поцеловать. В ответ на крики Гортензии в комнату поспешили слуги, и тут выяснилось, что добровольцем оказался Камилл Боргезе, итальянский муж Полины, который любил проделывать разнообразные шутки. Наполеон иногда и сам дурачился на таких маскарадах. Однажды он убедил художника Исаби выдать себя за императора, в то время как сам Наполеон, спрятав лицо под маской, представлялся одним из гостей. Перевоплощение Исаби в Наполеона вышло превосходным, но он испытывал трудности со своими руками, которые оказались слишком велики, в то время как руки Наполеона были необычайно малы и изящны. На одном из балов Каролины возник неприятный момент, когда вдруг обнаружилось, что Гортензия пригласила привлекательную, но печально известную молодую особу, с которой у Мюрата была любовная связь. В своих мемуарах Гортензия заявляет, что она сделала это без злого умысла, но гораздо более вероятно, что такое приглашение явилось еще одним шагом в борьбе между семьями Бонапарт и Богарне. Узнав среди своих гостей несчастную женщину, Каролина даже не пыталась проявить приличествующий хозяйке такт, а, напротив, закричала во весь голос: «Я требую, чтобы эта женщина покинула мой дом!» Такие слова повергли бедную гостью в слезы, в то время как Жозефина, всегда радовавшаяся шансу оскорбить Бонапартов, зачислила эту девицу в число приближенных императорского двора.

Танцы и представления, организованные Гортензией, являлись неотъемлемой частью жизни света, и каждый приглашенный получал от них удовольствие, но что-то мало слышно о вкладах в подобные развлечения Полины, за исключением разве что того случая, когда она помогала Каролине поставить праздник в честь дня рождения Жозефины. Полина предложила разыграть пьесу «Севильский цирюльник», в то время как Каролина предпочитала трагедию. Некоторое время ни одна из сестер не шла на уступки, но затем был найден компромисс и поставлена комедия, в которой обеим сестрам отводились ведущие роли. Это происходило в то самое время, когда Полина,

обожавшая позировать в качестве модели для художников и скульпторов, была воспроизведена в мраморе известным ваятелем Канова. Тот случай предоставил ей возможность сделать замечание, ставшее знаменитым. Когда шокированные друзья увидели завершенную работу и спросили Полину, не было ли ей «неудобно позировать почти голой перед таким гением, как Канова», она ответила: «О нет, ведь в комнате горел огонь!» Никакие другие замечания не раскрывают в большей мере характер Полины, о котором кто-то сказал, услышав, что ей во владение была предоставлена территория Гуасталлы: «Она несомненно мала, но даже родинка на подбородке слишком велика, чтобы ею могла править принцесса Боргезе!»

Взаимоотношения между легковозбудимой дочерью Жозефины и Луи продолжали ухудшаться, и возведение Луи на трон Голландии ни в коей мере не улучшило их. Луи уклонялся от того, чтобы носить марионеточную корону, а его жене была ненавистна перспектива замены общества ее матери на уединенный образ жизни среди нелюдимых голландцев.

Голландия катастрофически пострадала во время длительной войны с Англией. Ее морская торговля пришла в упадок, а порты были закрыты континентальной блокадой. К тому же берлинский декрет Наполеона, запрещавший любой стране, входящей в сферу интересов Франции, торговать с Англией, разрушил ее внутреннюю экономику. Высшая власть в Голландии была передана лично Великому наместнику, но наиболее могущественным лицом в стране был адмирал Верюэль, патриот, который понимал безрассудство попыток добиться поражения могущественного соседа Голландии. В угаре перекройки карт, который последовал за Аустерлицем, Наполеон принял решение положить конец номинальной независимости Голландии и в марте 1806 года писал Талейрану: «Я видел адмирала Верюэля… Голландия оказалась без исполнительной власти, а должна иметь ее… Я отдам власть Луи. Вместо Великого наместника она обретет короля!»

Луи проявил даже меньший интерес к трону, чем к супружеству. Но он был достаточно реалистичен, чтобы понять, что отказ будет означать ссылку и что Наполеону не составит труда найти ему замену. Он занял определенную позицию и заручился обещанием, что независимость Голландии будет гарантирована. С таким, не имевшим никакой цены зароком в кармане он и Гортензия направились в Голландию 12 июня 1806 года.

В Роттердаме Гортензия попала в исключительно неприятную ситуацию. Толпа граждан, не имевшая никакой другой мысли,

кроме проведения теплой встречи королевской четы, вывела лошадей из их упряжки и на руках поволокла королевскую карету по улицам, заполненным горожанами, проявлявшими бурный восторг. Для молодой женщины, чьи самые запоминающиеся годы были проведены в Париже во время Террора, суматоха такого рода показалась прелюдией к перевороту, схожему с тем, который закончился казнью ее отца и освобождением в последнюю минуту от гильотины ее матери. От испуга она почти впала в истерику. «Эта бурная радость, — писала она впоследствии, — столь сходная с яростью, заставила меня оцепенеть от страха, и я сказала моему мужу: „Вот так встречали Марию Антуанетту во Франции. Такой же пыл они проявили позднее, принося ее в жертву“. Это был неподходящий момент, чтобы предаваться таким грустным воспоминаниям, но рассудок мой был затуманен».

Состояние рассудка Гортензии было хорошим барометром. Ее пребыванию в Голландии предстояло оказаться самым несчастливым периодом в ее почти безрадостной жизни. Луи, несмотря на плохие предзнаменования, начал свое правление с наилучшими намерениями. Он предпринял несколько честных и старательных попыток действовать с воображением и эффективностью. Но с первых же часов правления его достигал голос брата — из Парижа, Варшавы или Берлина, и сложные инструкции, приправленные запретами и взрывами возмущения, почти ежедневно поступали в Гаагу. Попытки Луи завоевать расположение голландцев с помощью создания института местных судебных исполнителей и организации правопорядка для дворян по типу Почетного легиона были восприняты с неудовольствием и запрещены еще до того, как получили огласку. Менее чем через год после прибытия Луи в Голландию Наполеон писал ему из Остероде: «Мне говорят, что ты восстановил для дворян в своих автономиях их титулы и привилегии. Возможно ли, что ты был настолько близорук, чтобы не видеть, каким пагубным мог бы оказаться такой шаг для тебя самого, для Франции и для меня? Ты настолько добр, что отрекаешься от французского трона. Человек… который лишил нацию результатов пятнадцатилетней борьбы, тяжелого труда и крупных свершений, был бы недостоин своего положения. Это не может продолжаться. Мой посол имеет инструкции информировать тебя, что, если ты не готов отказаться от подобных мер, он имеет приказ покинуть Голландию, и я разделаюсь с тобой!»

Луи ничем не мог удовлетворить своего брата, и проявления имперского неудовольствия сопровождали большинство из его самых обычных действий. В январе 1807 года, когда он правил

Голландией уже в течение нескольких месяцев, в Лейдене случилась национальная катастрофа. Там на канале взорвалось несколько барж, загруженных взрывчатыми веществами, что вызвало многочисленные жертвы и разрушение восьмисот домов. Луи, расстроенный ужасным состоянием горожан, организовал общественные сборы и проехал по всей стране, собирая средства, но по каким-то причинам Наполеон усмотрел в этом доброжелательном поступке ущерб для королевского достоинства, и последовали новые едкие письма, повергшие Луи в отчаяние. Возникли и еще большие неприятности с неудачной попыткой Луи распределить поставки неизбежной квоты солдат для Великой армии. Когда сильно расстроенный король написал письмо, отмечая, что он уже выделил почти половину от общего числа требуемых людей, Наполеон подверг сомнению такую цифру и резко пожаловался на качество голландских новобранцев, которые прибыли к нему.

Так это и продолжалось: почти бесконечный обмен обвинениями и извинениями, подобный нити, сшивающей крой имперской политики для Голландии. Подвергалось осуждению и поведение Луи в отношении его жены. «Ты обращаешься со своей женой, будто командуешь полком, — писал Наполеон на этот раз из Польши, где он жил со своей польской любовницей Марией Валевской. — Позволь ей танцевать столько, сколько ей нравится. Это соответствует ее возрасту. У меня вот жена, которой сорок лет (Жозефине в то время было сорок четыре года), и с поля боя я рекомендую ей ходить на балы, а ты хочешь, чтобы молодая женщина двадцати лет жила в заточении или, подобно нянюшке, постоянно омывала детей!.. Сделай же счастливой мать твоих детей… тебе следовало бы иметь жену наподобие некоторых из тех, которых я знаю в Париже. Она смогла бы обманывать тебя, а ты бы оказался у ее ног».

В результате такого отеческого совета Луи босиком ринулся в будуар жены и прорычал, что она не имеет права жаловаться на него за его спиной. Гортензия отрицала какие-либо жалобы со своей стороны, но он не верил ей и отказывался принять ее опровержения, будто она предала его в объятиях любовника. Очень трудно теперь определить, были ли оправданы подозрения Луи в отношении верности его жены или же они питались семейными сплетнями, направленными на дискредитацию Жозефины с использованием ее дочери. В своих мемуарах Гортензия снова и снова утверждает, что подозрения были беспочвенны, но при чтении между строк становится, по крайней мере, очевидным, что ей нравилось флиртовать с несколькими молодыми офицерами, и даже если она держала эти связи в

разумных пределах, ее поведение как королевы было неосторожным. И она все еще была тайно влюблена в де Флаота, что подтверждалось любопытным разговором, который имел место между Гортензией и Каролиной приблизительно в это время. Каролина притворилась, что прониклась доверием к своей невестке, и призналась, что сама испытывала любовь к де Флаоту, а он будто бы сказал ей, что связан обещанием с Гортензией. Гортензия была поражена таким откровением, явно считая этого красивого молодого офицера своим личным поклонником, но сомнительно, чтобы в тот период он был ее любовником, хотя определенно он стал им позже, когда жизнь с Луи была более невыносимой для женщины, ценившей чувство собственного достоинства.

Луи предпринял несколько попыток поправить брак, но его предложения всегда сопровождались множеством условий и помпезных призывов к «правдивости при нарушениях приличий» со стороны его жены. Гортензия, хотя и была по природе своей скромной и несомненно израненной этим тяжелым человеком женщиной, проявила не меньшее упорство. Так что ничего не вышло из его неистовых воззваний даже тогда, когда он послал ей длиннющий список предложений, которые читаются как условия мирного договора между двумя враждующими государствами. После провала этой яростной попытки к примирению Луи прибег к слежке за своей женой и посадил в ее прихожей французского лакея с указанием «замечать все, что происходит, когда стемнеет, в апартаментах его жены, даже прибытие и уход ее посетительниц-женщин».

Между тем отношения между императором и его марионеточным королем продолжали ухудшаться, пока не приблизились к окончательному разрыву. Луи, несомненно, полагал, что если сам Наполеон мог делать герцогов и маршалов из старши́н, конских барышников и красильщиков-подмастерьев, то он, как независимый суверен, также имеет право назначить несколько голландских маршалов и восстановить дворянские титулы в Голландии, которые там существовали до революции. Вскоре Луи напомнили о чем-то таком, что ему никогда не следовало бы предавать забвению, а именно о том, что Наполеон имел один набор правил для самого себя, а другой, очень трудный, для всех остальных, включая жен, братьев, сестер, сенаторов, сатрапов и генералов на поле боя. Только в одном плане он стремился помочь Луи, уговаривая Гортензию проводить больше времени в Голландии, а не в длительных отлучках с целью посещения матери, которые вошли у нее в привычку. Но и в подобном случае, когда ему удалось убедить Гортензию

воссоединиться с мужем, Луи свел на нет все его усилия, воздвигнув стену между апартаментами жены и своими собственными. Можно предположить, что одно лишь подобное действие было способно привести их в состояние постоянной размолвки. Но этого не случилось, и не только потому, что Наполеон запретил развод, но и потому, что в самом Луи теплилась почти безнадежная вера в возможность залечить раны, нанесенные невротической чувствительностью его жены и собственным подозрительным характером. В его постоянных призывах к жене можно усмотреть элементы самобичевания, как в случае, когда он появился у ее кровати посреди ночи и закричал: «Если ты только признаешься в своей неверности, я прощу тебя и мы начнем новую жизнь!»

Удар, который обрушился на королевскую чету 5 мая 1807 года, не имел ничего общего с обычными низменными склоками, так как в тот день умер от крупа шестилетний Наполеон Шарль, первый ребенок от этого брака. Такое страшное горе в дополнение ко всему прочему едва не лишило Гортензию рассудка, и понадобилось применение физической силы, чтобы оторвать ее от мертвого ребенка. При своем общем несчастье муж и жена проявляли сострадание друг к другу, но Гортензия была безутешна, понимая, что смерть этого ребенка повысила вероятность развода для Жозефины. Жозефина, также подавленная горем, поспешила присоединиться к дочери, и мадам Жюно, наблюдавшая ее отъезд, утверждает, что страх перед разводом отражался в каждой слезе, которую она проливала по молодому принцу. Гортензия в состоянии нервного изнеможения покинула Голландию для продолжительного лечения в Пиренеях и после пребывания там в течение некоторого времени, иногда в компании Луи, но чаще без него, вернулась в Париж, преисполненная решимости не только остаться в этом городе, но и получить развод.

Она недооценивала намерение Наполеона держать ее привязанной к своему мужу. Под его влиянием была предпринята еще одна попытка помирить несчастную пару. 20 апреля, почти через год после смерти ребенка, вокруг которого сосредоточивались надежды Богарне, Гортензия родила в Тюильри третьего ребенка. Это были трудные роды, и некоторое время она была серьезно больна, но в конце концов, они воссоединились с мужем в Голландии, где Луи с сатанинской ухмылкой намекнул, что, по существу, мальчик не является Бонапартом. Ревность в отношении этого ребенка (которому через сорок лет предстояло властвовать в качестве Наполеона III) проявилась в нежелании Луи приветствовать его рождение

традиционным пушечным салютом. В течение некоторого времени он вообще отказывался от произведения каких-либо салютов, но потом разрешил салют из двадцати одного орудия, что соответствовало рождению королевской дочери. В качестве отцов Наполеона III в разных источниках называются де Флаот, адмирал Верюэль и молодой чиновник по имени Деказес. Но едва ли можно сомневаться, что подобные слухи распространялись Каролиной, которая все еще стремилась к признанию собственного сына наследником трона.

Наполеон, как рассказывали, был сильно подавлен смертью Наполеона Шарля. Но в тот самый день, когда эта новость застала его в Польше, где он праздновал крупную победу над русскими, он появился перед одной из депутаций со столь добрым выражением лица, что, как предложил Талейран, ему следовало бы выразить хотя бы некоторую грусть. «У меня нет времени, чтобы развлекать себя чувствами сожаления, подобно другим людям!» — резко заметил Наполеон и написал в этой связи краткие письма Жозефине и Гортензии. В письме к лишившейся ребенка матери он признавал: «Твоя печаль причиняет мне боль. Я хотел бы видеть тебя проявляющей больше мужества. Жить — значит страдать, и честный человек всегда борется, чтобы оставаться господином самого себя». И сам он явно был господином своих эмоций, ибо письмо заканчивалось следующими словами: «Я одержал великую победу 14-го. Чувствую себя вполне хорошо, и очень люблю тебя. Прощай, моя дочь, от всего сердца обнимаю тебя!» Это не может являться доказательством бесчувственного характера, поскольку никто не мог бы в большей степени засвидетельствовать присущую Наполеону доброту, чем сама Гортензия. Но в обстановке, в которой тогда находился фактический повелитель Европы, должно быть, было почти невозможно выделить собственное горе, такое, как смерть маленького ребенка от крупа. Ведь за сорок восемь часов до того, как он продиктовал это письмо сочувствия, он наблюдал, как тысячи людей убивали друг друга на поле боя.

В марте 1808 года, настояв на еще одном примирении между мужем и женой, Наполеон предложил Луи трон Испании, отмечая, что климат Голландии, по всей видимости, не подходит ему и что Голландия едва ли когда-нибудь встанет из руин. Луи, к чести для него, отказался от такого предложения. Ему было более чем достаточно своего прозрачного суверенитета, и он не одобрял циничного фарса, подготовленного его братом, чтобы создать еще один пустой трон. Наполеон не оказывал на него давления. Но позднее ему пришлось заметить: «Добродетели Луи доставили мне больше неприятностей, чем недостатки Люсьена».

В итоге курьеры направились к Жозефу в солнечный Неаполь, и Жозеф, менее педантичный, чем его брат, принял такое предложение. Поступив таким образом, он привлек к себе большее внимание публики, чем этого заслуживал человек с его характером.

Глава 8

Никто не говорил вашему величеству реальную правду. Остается фактом, что ни один испанец не находится на моей стороне.

Из письма Жозефа к Наполеону, 1808 год

Поздней осенью 1808 года трон Испании был захвачен с помощью хитроумного трюка или серии трюков, завершившихся блефом, почти беспрецедентным в истории силовой политики в Европе.

Отношения с Испанией со времени захвата власти Наполеоном в 1799 году постепенно становились все более сложными. В последующие восемь лет она была невольной союзницей Франции в нескончаемой войне с Англией. Почти все ее суда и по меньшей мере тысяча испанских моряков были потеряны при Трафальгаре, и она вносила, или должна была вносить, три с половиной миллиона фунтов стерлингов ежегодно для оплаты войны против Португалии, последнего побережья Европы, оставшегося открытым для английской торговли.

Внутреннее состояние Испании делало, однако, любой союз с Францией тяжелым бременем для нее, и по мере того как шли годы и сменялись правительства, финансы страны приходили во все больший беспорядок. Поэтому небольшой запас терпения Наполеона истощился, и он принялся за разрешение задачи по превращению еще одного государства в своего сателлита. На сей раз он проделал это с цинизмом, который изумил его врагов и приверженцев.

В 1808 году Испания номинально управлялась мягким, беспомощным Карлом IV и его нелепой женой, Марией Луизой, чья уродливость наряду с уникальной чувственной ухмылкой была запечатлена Гойей. Их предполагаемый наследник Фердинанд, принц Астурии, был молодым человеком с плохой репутацией. В то время он боролся с реальным правителем страны, тщеславным и тупым бывшим охранником, который получил доступ в коридоры власти через кровать королевы и был известен в качестве «князя мира». Его настоящее имя было Мануэль Годой. Являясь признанным любовником отталкивающей Марии Луизы, он тем не менее чувствовал себя

спокойно в отношении привязанности и доверия ее мужа.

Вражда между Фердинандом, его родителями и Годоем, тлевшая длительное время, пока что выливалась в кампании клеветы и взаимного поношения. Ходили слухи, что король не решался есть ничего из того, что проходило через руки сторонников его сына на королевской кухне. Но в этой борьбе не было никаких вспышек насилия вплоть до того момента, когда французские колонны стали продвигаться к Мадриду. Пока что между странами не существовало никакого состояния войны, но неторопливый подход армии Мюрата, осуществлявшего, как предполагалось, дружественный визит в Испанию на своем пути в Португалию, довел нервы мадридской толпы до точки кипения. И когда Фердинанд был взят под стражу якобы за попытку отравить своих мать и отца, столица взорвалась и жаждавшие крови толпы двинулись ко дворцу «князя мира». При одной мысли, что теперь в Испании может случиться то, что не так давно произошло в Париже, перепуганные король и королева объявили о своем намерении покинуть страну и переехать в ее заморские колониальные владения. Но еще до того как было принято какое-либо окончательное решение, толпа освободила Фердинанда и отправилась на поиски Годоя, обещая повесить его на ближайшем дереве.

Любовник королевы нашел себе убежище на чердаке, где он закатался в какой-то ковер и лежал, спрятавшись там, в течение тридцати шести часов, в то время как сторонники Фердинанда, так и не обнаружив Годоя, растаскивали его собственность. Наконец, выгнанный из своего укрытия голодом и жаждой, Годой был схвачен и жестоко избит на своем пути в столицу. Жизнь его была спасена прибытием авангарда Мюрата и решением короля об отречении от престола в пользу своего сына. Мюрат имел строгие инструкции предотвратить пролитие королевской крови и убедил соперничающие группировки изложить свои притязания перед всемогущим и вроде бы беспристрастным императором Франции. Фердинанд оказался первым из согласившихся быть одураченным этим приемом, и он поспешил к Наполеону в Байонну, городок вблизи франко-испанской границы. Между тем французские солдаты препроводили Годоя к границе, и там к нему присоединилась разгневанная королевская чета, также стремившаяся изложить свое дело. Наполеон пил вино и обедал со всеми ними, а затем произнес свое соломоново решение. Он не мог, дескать, признать отречение, выбитое у Карла угрозами и насилием, но ему очевидно, что король, при поддержке Годоя или без нее, не в состоянии навести порядок в стране и вести войну с Англией с той решимостью, которая для этого требовалась.

Поэтому интересы всех, включая и неуправляемый испанский народ, заключались в том, чтобы королевская власть перешла к человеку, пользующемуся доверием и поддержкой Франции. И кто мог бы более подходить для этого, чем Жозеф, его собственный дорогой брат, который навел порядок в Неаполе после Бурбонов? Карл и его королева, предпочитавшие такое решение возможности увидеть на троне своего порочного сына, не выдвигали никаких возражений, когда им было гарантировано щедрое ежегодное жалованье и дом во Франции, а нервы Годоя были настолько измотаны его недавним «приключением», что он также счел за благо удалиться на покой. Фердинанд, однако, учинил яростную сцену, заявив, что гордость никогда не позволит ему согласиться с таким презренным компромиссом. Наполеон не замедлил предложить альтернативу. Если он предпочитает, то может быть расстрелян, чтобы войти в испанскую историю как человек, который пожертвовал своей жизнью ради того, чтобы не быть облаченным в корону, украденную у его отца. Бурное настроение Фердинанда немедленно остыло, и он был отправлен в Валенсию в почти примиренном состоянии. Он даже предположил, что Наполеон мог бы вернуться к своему первоначальному плану — женить его на одной из своих племянниц. И вот испанская проблема была разрешена за несколько дней. Так, по крайней мере, полагал Наполеон, когда он послал курьера к Жозефу, повелевая ему назначить Совет регентства, передать командование войсками маршалу Журдану и присоединиться к нему в Байонне, где с неизбежностью должны были произойти важные события.

Жозеф знал о том, что затевается. В предыдущем году он имел длительный разговор с Наполеоном об испанских делах и был также осведомлен, что за два месяца до байоннской авантюры его брат предлагал испанский трон Луи. Перспектива правления Испанией последовательно представала перед тремя членами семьи Бонапарта, поскольку этот вопрос был на имперской повестке дня еще во время неудавшегося разговора с Люсьеном в 1807 году. Люсьен отказался платить такую цену за возвращение в семейный круг, а Луи уже более чем достаточно сделал для марионеточного суверенитета в Голландии, но Жозеф был более гибким, чем кто-либо из них. Доказав свой успех в Неаполе, он приобрел уверенность в себе, а также заслужил похвалу Наполеона.

Не так уж давно Жозеф прогуливался по улицам Парижа «в коричневом сюртуке и круглой шляпе», с ностальгией разглагольствуя о Республике, единой и неделимой, но за последующие два года он смягчился, и перспектива замены трона

небольшого государства на королевство более крупное, чем Франция, вводила его в искушение. У него довольно удачно шли дела с беспечными неаполитанцами, и он был уверен, что также хорошо сможет освоиться в Испании. Для его брата католическая вера была всего лишь инструментом, но Жозефу религия представлялась более серьезным делом. Он не был фанатиком, но тешил себя мыслью, что больше симпатизировал фанатизму, чем многие французы, которые были свидетелями упразднения религии во Франции. Его дружелюбие и широкие познания в дипломатии могли способствовать тому, чтобы убедить испанцев, что они будут куда более счастливы под управлением благожелательного иностранца, нежели под управлением молодого негодяя вроде Фердинанда или рогоносца Карла, почти столь же слабоумного, как незаконнорожденный выдвиженец Годой. И вероятно, он был прав в своих предположениях. Имелось лишь одно обстоятельство, которое Жозеф, раскрывая полученную в Неаполе депешу, не принял во внимание. И его нельзя винить за такой недосмотр. Кое-кто с неограниченным опытом в политике пришел к той же недооценке, полагая, что война против Испании (если бы испанцы были настолько глупы, чтобы обидеться на такую подмену) была бы еще одной войной против недееспособного архаичного правительства. Приняв такую оценку как аксиому, Наполеон, вероятно, совершил величайшую одностороннюю ошибку в своей карьере, так как не смог учесть разнообразные факторы, по которым Испания отличалась от мест проведения предыдущих кампаний в Италии, Германии, Польше и Египте. Начать с того, что сама местность создавала невообразимые трудности для передвижения войск и снаряжения, так как в стране не нашлось бы и двух хороших, покрытых щебенкой, дорог. Но отсутствие дорог не было единственным препятствием для завоевания Испании. Еще менее подходящими для этого были сами люди, погрязшие в жестокостях, вековой нужде и фанатизме и объединенные свирепой ненавистью к еретикам, особенно к тем, которые заточили в тюрьму его святейшество Папу и лишь недавно открыли свои церкви. На протяжении многих столетий Испания управлялась отвратительно, и постороннему наблюдателю представлялось, что уже ничего не осталось от храбрости и предприимчивости, которые сделали испанцев властелинами половины мира. Французам пришлось быстро обнаружить, что национальная гордость пылала в сердце каждого испанца и что священнослужителям не составило бы труда превратить тлеющие угли в жаркое пламя, которое обожгло бы каждого француза, решившегося ступить на полуостров. Им пришлось также познать,

что испанский фанатизм, подогретый войной против мавров, которые столетиями оккупировали Испанию, привел к становлению испанского характера, способного превратить полуумирающих крестьян и ремесленников в самую безжалостную и мобильную партизанскую армию, с которой французам, при всем их богатом военном опыте, никогда не приходилось сражаться. Фердинанд мог быть предполагаемым отцеубийцей, Карл — почти слабоумным, Годой — незаконнорожденным авантюристом, но, по крайней мере, все эти трое были испанцами и хорошими католиками, в то время как французы были чужеземцами и атеистами и как таковые не заслуживали никакой пощады ни в этой, ни в последующей жизни.

Сообщения о произошедшем в Байонне незамедлительно достигли Мадрида, где Мюрат со своим блестящим штабом вызывал большую суматоху среди населения, которое пребывало в восторге от подобных показов на публике и не имело причин с подозрением рассматривать этих колоритных визитеров. Новости, распространявшиеся в городской толпе приезжавшими с северо-востока, были подобны факелу, поднесенному к пороховому складу. Не дожидаясь оглашения имперского бюллетеня с представлением их нового повелителя, короля Жозефа, город взорвался, и свирепость, проявленная толпой, послужила для французов первым уроком той войны, которую они теперь развязали. Французские солдаты, прогуливавшиеся по улицам, были окружены, избиты камнями, исколоты ножами, растерзаны на куски, и через несколько часов Мюрат уже имел дело с полномасштабной революцией. Яростный гнев по поводу происходившего ни в коей мере не ограничивался столицей. Вскоре уже половина населения страны взялась за оружие, так как революция, подобно горящей траве, распространялась от одной провинции к другой. Уже через неделю Астурия, Наварра, Старая Кастилия, Галиция, Валенсия, Мурсия и Арагон были охвачены пламенем. Французские офицеры, совершавшие объезды своих постов, находили поставленных там солдат удушенными и заколотыми, курьеры, подвергавшиеся нападениям из засад, бывали распятыми или сваренными в нефти, изолированные подразделения расстреливались снайперами из мушкетонов, заряженных иглами и металлическим ломом. К удивлению вторженцев, даже смехотворная испанская хунта объявила тотальную войну победителям под Маренго, Аустерлицем, Йеной и Фридландом.

Мюрат быстро и эффективно расправился с революцией в Мадриде. За двенадцать часов он очистил улицы, расстрелял

главарей и занял все стратегические точки города. Затем, рассматривая себя в качестве следующего короля Испании, он действовал с большой осторожностью и, вопреки тяжелым приступам колик, вызванных выпивкой слишком больших доз испанского вина, держал город в жестоких тисках, ожидая подхода подкреплений. Когда же депеши достигли столицы, он был расстроен не столько слухами о формировании испанской армии, сколько тем, что ему все же не придется стать королем Испании и что Жозеф уже находится на пути к югу. Мюрату, чуть не потерявшему рассудок от разочарования, было предложено сделать выбор из утешительных наград. Он мог принять вакантный трон Жозефа в Неаполе либо завоевать себе королевство в Португалии и стать королем Северной Лузитании. Мюрат не замедлил принять решение. Британские экспедиционные силы уже высадились в Португалии, и потерпевший поражение генерал Жюно, бывший любовник жены Мюрата, по условиям перемирия был переправлен обратно во Францию на британском транспорте. Мюрат выбрал Неаполь и благополучно выехал с полуострова, тогда как большинству его сподвижников-маршалов предстояло растерять свои блестящие репутации на полях сражений необъявленной войны, которая продолжалась шесть лет.

Об отречении Жозефа от трона в Неаполе объявили в середине июля, и 31-го числа того же месяца неаполитанцам было заявлено, что их новым королем станет сын гасконского содержателя гостиницы, а также маршал Франции, зять Наполеона, великий герцог Берга и Клевеса, главный адмирал. Каролина была в восторге. Более года ей приходилось стоять за кулисами политики и отдавать предпочтение своей простоватой невестке Жюли, дочери мыловара, которая была королевой, в то время как сама Каролина оставалась великой герцогиней. Даже Жером, малыш семьи, уже несколько месяцев носил корону, а Полина, которая была слишком ленива для организации бала, стала княгиней еще в 1803 году. Каролина твердо решила, что она покажет себя такой королевой, которую неаполитанцы никогда не забудут, и королевская чета ушла с головой в работу по превращению своего двора в самый яркий камень в императорской диадеме. При этом они сделали его слабейшим звеном в той цепи, которую Наполеон растянул вокруг Европы, но тогда это было невозможно предвидеть.

Для Жозефа, человека наблюдательного, не потребовалось много времени, чтобы оценить степень своей общественной поддержки в Испании, и его уроки начались с первоначального

путешествия в столицу. Когда Наполеон информировал его, что собирается сменить Бурбонов в Мадриде, он представил Жозефа группе прирученных испанских грандов, которые были покорены еще до появления императорского плана, но во время продвижения нового короля через Северо-западную Испанию даже для слуг и барабанщиков стало очевидным существо испанской поговорки того времени: «Жозеф мог бы положить испанскую корону себе в карман, но ему никогда не удастся преуспеть в том, чтобы надеть ее себе на голову». Жозеф тогда прямо писал своему брату: «Никто не говорил вашему величеству реальную правду… Остается фактом, что ни один испанец не находится на моей стороне. У меня здесь нет ни одного поддерживающего меня человека, за исключением тех, кто сопровождает меня». Это подтвердилось в тот момент, когда новый король въехал в свою столицу. Подобно средневековому владыке, он великодушно разбрасывал деньги в безмолвные толпы, но они оставались лежать там, где упали. Он образовал свой двор, но с настроением человека, вступающего во владение домом, возведенным на огнедышащем вулкане, и через несколько дней вулкан пришел в действие. Начали поступать новости о народных восстаниях по всей стране. И они не были сокрушены с такой же легкостью, с какой Мюрат разогнал мадридские толпы. Генерал Дюпон, окруженный близ Байлена с восемнадцатью тысячами человек, малодушно сдался плохо подготовленной армии кастонцев. Французская армия при жизни целого поколения не переживала такой катастрофы, и приливная волна самоуверенности прокатилась через полуостров и через Пиренеи в плененную Европу. Маршал Бессьер, бывший парикмахер, нанес поражение испанским армиям на поле боя, но из-за малодушия Дюпона вынужден был отступить, а у Жозефа не было никакого желания оставаться в своей новой столице без военной поддержки. Не будучи никогда военным и уже начиная сомневаться в мудрости смены Неаполя на Мадрид, новый король сбежал в Виторию. Его новый двор увязался за ним. Правление продолжалось всего лишь десять дней.

Если бы даже Наполеон и разделял дурные предчувствия своего брата в отношении испанской авантюры, для него было уже слишком поздно убираться оттуда. Вся Европа с интересом наблюдала за событиями на полуострове, и Наполеон понимал, что нужно немедленно что-то сделать, чтобы поднять веру в непобедимость Франции. Собрав ветеранов из Парижа и Германии наряду с такими легендарными бойцами, как Массена, Сульт, Ней, Ланн, Ожеро, Мортье и Лефевр, он поспешно послал Великую армию через границы и сам направился в Бургос,

который был захвачен и разграблен с такой быстротой, которая вызвала у Жозефа новые сомнения в отношении будущего. К тому времени, когда разгромленные испанские новобранцы были рассеяны, началась ужасная осада Сарагоссы, и теперь Жозеф совершенно уверился, что его братья Люсьен и Луи были правы, отказавшись от испанской короны. Он не только приходил в отчаяние от жизни среди множества фанатичных врагов, но начинал сомневаться в доброй воле своего брата, так как Наполеон уже поговаривал об аннексии Францией северо-западных провинций Испании, и Жозеф мог видеть, как его королевство начало рассыпаться еще до того, как он успел распаковаться. Люсьен, описывавший этот момент в последующие годы, отмечал, что Жозеф был настолько обижен угрозой Наполеона расчленить Испанию, что даже прибег к колдовству и пробил портрет своего брата пистолетными выстрелами в упор. Это читается как один из риторических выпадов Люсьена, из-за которых он имел большие неприятности в бытность молодым республиканцем на юге страны, но остается фактом, что Жозеф последовательно выступал на стороне национальных прав Испании и принялся за работу вместе со своей добропорядочной женой Жюли, пытаясь завоевать доверие новых подданных всеми средствами, имевшимися в его распоряжении. Куда бы он ни поехал, он поддерживал Церковь, выступая как преданный католик, но его добрые намерения были подорваны действиями Наполеона, закрывшего две трети монастырей в Испании, а затем и запретившего инквизицию. Присутствие Наполеона в Мадриде в то время было крайне стеснительным для Жозефа, поскольку именно Наполеон, а не король, был автором всех декретов и прокламаций, а некоторые из последних звучали весьма знакомо. «Испанцы, — объявлял он населению, которое в большинстве своем было безграмотно, — ваши судьбы в ваших руках! Пусть ваш король удостоверится в вашей любви и доверии, и вы станете более могущественными и счастливыми, чем когда-либо! Я разорвал путы, которые связывали народ, я дал вам вместо абсолютной умеренную и конституционную монархию. От вас зависит, станет ли эта конституция законом.

Но если все мои усилия окажутся бесполезными и вы не откликнетесь на мое доверие, мне останется лишь обращаться с вами как с населением завоеванных провинций и найти моему брату другой трон. И тогда я помещу корону Испании на свою собственную голову и буду знать, как заставить нечестивцев задрожать!»

Но дрожали не только нечестивцы. Французские ветераны, разнеженные приятным размещением в Италии и Южной

Германии, уже учились ненавидеть землю недоступных гор, бесплодных равнин, грязных, кишащих клопами деревень и кровожадных туземцев, которые не упускали случая перерезать французу горло или ударом ноги сбросить солдата со скалы. Французам, возможно, приходилось бороться с варварскими дикарями в джунглях, но даже египетские ветераны не могли припомнить опыт, подобный здешнему. Риском для жизни мог обернуться отход на пятнадцать шагов от передового поста или выпитый стакан вина, поднесенный кем-либо еще помимо французского буфетчика. Количество раненых нарастало, а потери в рядах армии были огромными. В Сарагоссе гражданский гарнизон делал зарубки на своих пулях, чтобы добиться нанесения вызывающих агонию ран, и взрывал целые кварталы своего города, чтобы не уступить ни пяди его территории. Жозеф мог посещать бои быков, покровительствовать Церкви, проводить впечатляющие королевские церемонии только там, где французы имели возможность охранять его, но его добрая воля растрачивалась понапрасну на людей, чья ненависть к оккупантам была занесена в катехизис, по которому священники обучали их детей. Еще в самом начале борьбы Наполеон писал своему брату из Бордо: «Позаботься, чтобы не нарушать дух армии, отказывая в разрешении мстить испанцам. Невозможно пока проявлять снисхождение к бандитам, которые убивают моих раненых и совершают надругательства над ними». А позднее, после сдачи Сарагоссы, он добавлял: «Я читал статью в „Мадридской газете“ о захвате города. Автор восхваляет его защитников… несомненно, чтобы придать мужество защитникам Валенсии и Севильи! Вот уж своеобразная политика! Держу пари, что нет ни одного француза, который бы крайне не презирал защитников Сарагоссы. Люди, которые позволяют себе такие высказывания, еще более опасны, чем сами повстанцы!»

Но вскоре Наполеон был вынужден рассматривать Испанию как интермедию и предоставить Жозефу делать все, что тот мог в постоянно ухудшавшейся ситуации. Ободренная примером Испании, Австрия приступила к еще одной попытке сбросить свои кандалы. И после того как Наполеону удалось отогнать дерзкого сэра Джона Мура с полдороги к берегу Северной Испании, он передал преследование Сульту и поспешил через всю Европу к Дунаю с самой большой частью Великой армии. Ему больше не пришлось вернуться на полуостров, хотя война тянулась еще шесть лет. Жозеф продолжал там править, но только в пределах досягаемости барабанов французской кавалерии.

Было бы просто по изучению записей первых месяцев

правления Жозефа в качестве короля всех испанцев признать его неумелым, бездеятельным глупцом с хорошими намерениями, но это было бы несправедливо. В последующие несколько лет — вплоть до того момента, когда он должен был по доброй воле покинуть Испанию, — Жозеф проделал определенный путь к оправданию себя как человека и как возможного правителя. И если бы его задача не была столь безнадежной с самого начала и до конца, его правление могло бы оказаться важной вехой в продвижении Испании к терпимости и просвещению. Но случилось так, что он потерпел поражение, и это произошло не столько из-за его собственных ошибок, сколько из-за взаимодействия ряда факторов, которые включали неудачу, жадность и эгоизм со стороны его советников, постоянные вмешательства Парижа и, наконец, фанатизм большинства его подданных.

Он вновь водворился в Мадриде в январе 1809 году и провел большую часть этого года и несколько месяцев следующего в попытках умиротворить страну. Когда же его миротворческая политика провалилась, он, как это обычно бывает, всячески старался убедить своих подданных, что его намерения были присущи впередсмотрящему администратору, а не узурпирующему власть тирану, как это им представлялось.

Вначале военное положение улучшалось, хотя оно еще оставляло желать много лучшего. Различные маршалы, каждый из которых осуществлял полунезависимое командование, осели во многих частях страны и получили инструкции следовать политике, определяемой центральным правительством, но солдаты фортуны, вроде Сульта, Виктора и Ожеро, поднявшиеся до высшего командования из рядовых, не были склонны приносить в жертву свои амбиции и личное обогащение ради национальной политики, и их жадность и неспособность к сотрудничеству внесли значительный вклад в длинный ряд французских катастроф на полуострове. Номинально Жозеф все еще осуществлял верховную власть, но в стране, подобной Испании, где французские контингенты были разделены большими расстояниями, труднопроходимой территорией и стаями партизанских бойцов, взаимодействие было бы затруднено даже в том случае, если бы маршалы пытались осуществлять его по своей доброй воле. Но доброй воли и не было, всего лишь повседневные проявления алчности, ревности и эгоизма, а в результате, как этого и можно было ожидать, возник хаос.

Дела не пошли лучше при активизации британских и португальских войск под искусным, но слишком уж осторожным

командованием Веллингтона. Само присутствие этой небольшой, но хорошо оснащенной армии было источником бесконечного подстрекательства для испанцев. Терпя все новые и новые поражения в открытом поле, национальные силы могли восстанавливаться, набирать рекрутов, перегруппировываться и снова наносить удары по изолированным французским корпусам. Если бы военный гений, подобный Наполеону, объединил командование и поставил бы на колени ссорившихся между собой маршалов, то, вне сомнений, Веллингтон был бы сброшен в море. Но Наполеона занимали другие дела, к тому же он периодически уединялся со своей новой австрийской женой в Париже, и, когда Массена, самый крупный стратег среди маршалов, получил достаточное количество солдат и высшее командование на поле боя, было уже слишком поздно. Британцы хорошо обустроились, а испанцы познали ошибочность проведения крупных сражений против хорошо дисциплинированных войск. Иногда сам Жозеф вступал в бой, и под Талаверой вместе с маршалами Журданом и Виктором он нанес большие потери британцам, однако не разбив их до конца. Кадис так никогда и не был захвачен, а в кампаниях Веллингтона по отражению ударов французов его противники обычно не могли противостоять разрушительной мощи британских залпов, и все заканчивалось взаимным отводом сил.

«…Не думаю, что какой-либо мужчина был когда-нибудь более несчастен со своими родственниками, чем я!»

Летиция, стоическая корсиканская мать Наполеона, которая рассматривала всю его авантюру как временную и сберегала деньги на случай неизбежного провала. Она пережила большинство своих детей, но никогда не хотела бы вернуться во Францию, если только приглашение не было бы распространено на всю семью

Жозеф, Наполеон и Луи в бытность молодыми людьми

Люсьен, единственный член семьи, над которым никогда не доминировал Наполеон. Он жил несколько лет в Англии в качестве провинциального джентльмена, но воссоединился со своим братом после Ватерлоо

Жозеф, старший брат Наполеона, который не желал ничего другого, как жить в загородном поместье, но чья жизнь в качестве короля превратилась в полную катастрофу. После Ватерлоо он счастливо жил в Америке

Жюли Клари, дочь мыловара, чье приданое после свадьбы с Жозефом спасло Бонапартов от бедности. Она была преданной и верной женой своего мужа во всех его злоключениях

Элиза, старшая сестра Наполеона, занятая своим любимым делом — покровительством артистам и писателям. Наполеон обычно имел под рукой шпиона, чтобы узнавать сплетни, касающиеся его личности

Элиза, любившая представлять себя в классической позе

Гортензия (падчерица Наполеона) с сыновьями. Ее брак с Луи был, возможно, самым несчастным из всех браков в семье Бонапартов

Луи, король Голландии, который, будучи еще мальчиком, разделял с лейтенантом Бонапартом барачное жилье и вырос в мрачного, неподатливого мужчину, находившегося в размолвке с каждым

Маршал Мюрат, вероятно, самый знаменитый руководитель кавалерии всех времен, лев на поле боя и орудие своей жены-интриганки во всех других сферах

Каролина, самая большая предательница в клане, со своей дочерью в бытность королевой Неаполя. Мать не простила ей измену семейным интересам

Одно из самых внушительных событий в империи в период расцвета: женитьба Жерома на прекрасной Екатерине Вюртембергской, которая никогда не переставала любить своего мужа. Сестры Наполеона, представленные на ступенях трона, в то время готовили заговор по свержению Жозефины. Вскоре после женитьбы Жером стал властителем Вестфалии

Знаменитая статуя Полины работы Канова. На вопрос, не доставляло ли ей неудобств позирование полуобнаженной, она, как сообщалось, ответила: «О нет, ведь в комнате горел огонь»

Князь Камилл Боргезе, богатый второй муж Полины. Он был самым знаменитым шутником империи

Генерал Леклерк, первый муж Полины, который умер от желтой лихорадки во время кампании на Санто-Доминго

Жером, самый молодой член семьи, в дни своего впечатляющего банкротства как короля Вестфалии. Он всегда был одет лучше других членов семьи Бонапартов, но редко платил портному

Неугомонный распутник Жером в конце жизни, последний выживший из клана Бонапартов

Современный взгляд на Бонапартов, с точки зрения их противников: «Игра четырех углов или пяти братьев»

В сфере гражданского управления Жозеф пользовался большим успехом, и в некоторых районах его принимали с безмолвными приветствиями. Он ставил всех в известность, что конфликтует с англичанами и португальцами, а не со своими подданными, и давал обязательство убрать из Испании каждого француза, как только вражеские силы будут изгнаны. После этого, говорил Жозеф, он предложит себя в качестве претендента на испанский трон, но останется в стране только в том случае, если за него проголосует большинство испанцев. Все это было бесполезно. Наполеон, пытавшийся управлять военными действиями из Парижа, оставался вне соприкосновения с постоянно изменявшейся ситуацией и не имел представления о подлинных настроениях испанцев. Когда же он разделил страну на шесть районов и позволил маршалам осуществлять независимое управление на контролируемых ими территориях, он тем самым нанес смертельный удар по попыткам своего брата примирить страну. Жозеф пошел настолько далеко, что летом 1811 года совершил путешествие в Париж и подобно тому, как это до него делал Луи, защищал интересы своих несчастных подданных. Он произвел некоторое впечатление на императора и вернулся, получив обещание укрепить центральную власть. Но

децентрализация военного управления продолжалась, так как этому не было реальной альтернативы. Сульт лелеял мечту, что станет королем Северной Лузитании, Виктор пытался обрести военную славу, преступно жертвуя людьми, Ожеро и Массена собирали награбленное, а менее эгоистичные маршалы вроде Бессьера и Сюше управляли в своих собственных провинциях, но отказывались серьезно воспринимать Жозефа. На протяжении двух лет люди и снаряжение вливались в Испанию и тут же поглощались в горах и на равнинах широко разделенными между собой сферами администрации. Партизаны бесчинствовали в каждом районе, убивая и пытая всадников с депешами и отставших солдат. Веллингтон построил себе неприступную крепость вокруг Лиссабона, и его войска, снабжавшиеся с моря, начали жиреть, в то время как окружавшие их французы умирали от голода. И все же Жозеф пытался сочетать умеренную политику с потоком противоречивых приказов, приходивших к нему из Парижа в письмах, которые диктовались по прочтении английских газет, главного источника информации Наполеона о военной ситуации на полуострове.

Ранней осенью 1810 года Массена отбросил Веллингтона через горы на его укрепленную позицию при Торрес-Ведрас, но не смог вытеснить его оттуда, и после неудачной зимы на передовых позициях, где французские часовые обменивались шутками, газетами и сувенирами с британскими часовыми, французы отошли в Испанию. Массена был с позором отозван, и все дела пришлось начинать сначала.

Встревоженный, преданный и напуганный, когда-то преисполненный надежд король Жозеф продолжал борьбу, задаваясь вопросом, как могла бы она закончиться. Он то умолял своего брата передать ему верховную власть, то упрашивал своих подчиненных осуществлять более тесное взаимодействие. Никто не уделял ему большого внимания, а его жена Жюли занималась благотворительностью. Тысячи молодых французов и тысячи испанцев умирали за безнадежное дело, а за Пиренеями враги Франции с удовольствием наблюдали за этой борьбой, полагая, что корсиканский людоед до смерти истечет кровью через рану в своей пятке.

Далеко на севере, в тысяче миль от ворот Кадиса, которые никогда не раскрылись для короля Жозефа, другой теневой король тонул в растревоженных водах. Король Голландии Луи отказался покинуть своих голландских подданных в 1807 году, предпочитая остаться там и бороться против человека, который объявил, что Голландия никогда не восстанет из руин. Этого так

и не произошло с ней при Луи, несмотря на борьбу упрямого молодого человека, нацеленную на то, чтобы сохранить самого себя и свою страну в независимости от ее соседа.

У Луи было много трудностей, но главная из них состояла в постоянном давлении из Парижа по выполнению берлинских декретов и по предотвращению торговли с Англией. Такой запрет означал экономический развал для голландцев. И все же для того, чтобы сохранить платежеспособность страны, Луи никогда не прекращал борьбу за уступки для своих граждан. Его упорство и его неспособность понять значение своих призывов для имперской политики в целом приводили в неистовство его брата, и переписка между ними становилась все более саркастической. Выведенный из себя Наполеон даже стал угрожать послать в эту страну войска и аннексировать ее. Луи отвечал на это с мужеством и стойкостью, которые вызывают восхищение. В декабре 1809 года он был вызван в Париж для объяснения своего поведения, и последовавший за этим разговор вылился в одну из самых бурных сцен в истории семьи. Наполеон, который похвалялся, что никогда не позволяет своей ярости подыматься выше своего подбородка, набросился на брата подобно обманутой торговке рыбой, обвиняя его в нарушении договоров, роспуске военно-морских контингентов, дезорганизации армии и во флирте с главным противником — Англией. Он приказал Луи подписать договор о согласии захватить и продать все американские суда в голландских портах (Америка ответила на берлинские декреты закрытием своих портов для французских судов) с поручением для него содержать флот из четырнадцати судов и семи фрегатов наряду с постоянной армией из 25 000 человек. Подумав, он также приказал своему брату подавить голландское дворянство. Ценой неповиновения этим вредоносным приказам была бы аннексия Голландии и ее присоединение к Франции.

Луи подписал договор, но он должен был сознавать, что согласие было невозможно и что в конечном счете его королевство будет поглощено, что бы он ни делал. Он пошел по единственному пути, который оставался для него открыт. 1 июля, через несколько месяцев после своего возвращения в Амстердам, он отрекся от трона в пользу своего старшего сына Шарля Наполеона Луи.

Наполеон пришел в неописуемую ярость, заявив, что его выставили полным дураком в канцеляриях Европы. Но он уже принял решение, что делать с Голландией, и не собирался допускать, чтобы его политика была изменена с помощью донкихотского жеста его брата. За шесть месяцев до этого он

написал Луи письмо, намечая во всех деталях, что он ожидал от него как от короля Голландии, и проблески мании величия явно сквозили в словах и фразах его отповеди. «На что же могут жаловаться голландцы? — вопрошал он. — Разве они не были завоеваны нашим оружием? Не задолжали ли они за свою независимость рыцарскому поведению моего народа? Не должны ли они благословлять щедрость Франции, которая неизменно открывала свои каналы и таможни для их торговли? Ваше величество ошиблись в существе моего характера, основываясь на ложном представлении о моей доброте и моих чувствах к вам».

Каковы бы ни были ложные представления Луи о чувствах к нему его брата, они давно рассеялись, и по получении этого письма Луи отмежевался от политики Наполеона. Его отречение от трона сразу же было признано недействительным, и через восемь дней объединение Голландии с Францией стало фактом. Но даже до того, как отчаянный шаг Луи был предан огласке, Наполеон решил полностью порвать с ним. В мае, как раз за месяц до отречения, он писал: «Я устал от протестов и красивых фраз, пришло тебе время прямо сказать, хочешь ли ты стать проклятием для Голландии и допустить, чтобы твои глупости разрушили страну. Я больше не буду содержать посла в Голландии… Не пиши мне больше своих красивых фраз. Больше ты мне ничего другого не предлагал за три года; и каждый момент доказывает, насколько они фальшивы». Это письмо сопровождалось коротким постскриптумом: «Я больше никогда не буду писать тебе, пока живу».

Имело ли силу отречение Луи или нет, остается фактом, что он повернулся спиной к тронам, дворам и силовой политике, уехав в Дрезден, а затем в Теплице в Богемии и, наконец, в Грац в Штирии. «Он покинул свое королевство, — отмечает один наблюдатель, — подобно человеку, бегущему из тюрьмы». С этого времени он стал подражать стилю графа Сен-Льё, получая, насколько мог, удовлетворение от чтения литературы. Путешествовал он без жены, так как Гортензия отказалась от длительной борьбы за сохранение своего брака и уже не играла никакой роли в окончательном разрыве между братьями. У нее было достаточно собственных неприятностей. За шесть месяцев до отречения ее мужа поворот судьбы, которого так долго боялись и она и Жозефина, наконец настиг их: император отказался от своей жены и взял себе другую. В девять часов 15 декабря 1809 года Жозефина стояла в императорском салоне со своим сыном Эженом и дочерью Гортензией и слушала, как главный канцлер объявлял об аннулировании брака, который на протяжении четырнадцати лет противостоял атакам семьи Бонапарта.

Сбившись в одну группу, это слушали и те, кто предпринимал все усилия, чтобы отделить Наполеона от женщины, которую он уважал больше всех других, к кому он когда-либо выражал свою любовь. При этом присутствовало три короля — Луи, Жером и Мюрат, а также их жены — Гортензия, Екатерина и Каролина. Из покорных братьев отсутствовал лишь Жозеф, и, когда собравшиеся Бонапарты прослушали объявленное, им могло бы прийти в голову, что победа над этой верной и достойной женщиной мало что значит, так как, устранившись в пользу девятнадцатилетней девицы, она обрела симпатии каждого подданного империи за пределами их семейного круга.

Немногие видели Наполеона столь растроганным или слышали, чтобы он выражал такие сердечные чувства, как это случилось в тот момент. Он говорил о Жозефине как о своей «самой дорогой жене, своей возлюбленной жене, своем подлинном и лучшем друге и об украшении своей жизни», и на этот раз он действительно вкладывал подлинное содержание в каждое произнесенное им слово, так что для всех было ясно, что одна только политика побудила его осуществлять столь ужасное намерение. «Знает Бог, как много стоило мне это решение», — сказал он, заявляя, что единственной причиной развода была необходимость иметь законнорожденного наследника. И добавил: «Будучи далек от любой причины жаловаться на свою жену, я могу лишь восхвалять ее любовь и нежность и проявлять восхищение, которое я чувствую к ней за принесенную ею жертву от своего имени и от имени Франции».

Когда он кончил говорить, Жозефина попыталась зачитать заранее приготовленную речь, но ее подвел голос, и зачитать вслух ее заявление было поручено другому лицу. Гортензия, как и можно было ожидать, громко всхлипывала, и даже Бонапарты испытывали благоговение от торжественности происходившего. Среди молчаливых зрителей была Летиция, чья преданность семье побуждала ее поддерживать своих детей в длительной борьбе против Жозефины. Но в ее сердце не было никакой злобы по отношению к женщине, которая разделяла продвижение ее сына к наивысшей власти в мире. Презрение матери к тщеславию своих детей возрастало с течением лет, и ее симпатии теперь обратились к женщине, которая смогла так много пережить, сохраняя достоинство. Свое достоинство Жозефина, несомненно, проявляла и в этом случае, и позднее. В тот самый вечер она в последний раз спустилась по главной лестнице Тюильри и, миновав ряды плакавших придворных, села в карету, которая проехала по Парижу при сильном дожде. Некоторые из наблюдавших за ее отъездом говорили, что Париж плакал по ней.

Она сохранила титулы и доход в 3 миллиона франков в год, так же как и прекрасный замок в Мальмезоне и другой в Наварре. Кроме нескольких непримиримых, она не оставила за собой никаких врагов. И когда около четырех лет спустя империя рухнула, а уланы и казаки въехали в Париж, именно в дом Жозефины приезжали императоры и короли, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Можно сказать, что, хотя семья и победила в продолжительной дуэли, почести достались побежденной.

Полина снова оказалась в центре внимания, на этот раз как законодательница парижских мод. Эта роль перешла к ней после развода Жозефины и отъезда Каролины в Неаполь.

Замужество Полины и преуспевающего шутника Камилла Боргезе не было явной удачей, и через некоторое время муж и жена расстались, хотя по настоянию Наполеона дружеские отношения были сохранены. Между ними бывали ссоры, даже много ссор, но они не были такими жестокими, как между Луи и Гортензией, поскольку ни Полина, ни ее муж не допускали, чтобы эмоциональная сторона жизни портила ее вкус. Они жили день ото дня, праздная, поверхностная, беспомощная пара, во многих отношениях похожие друг на друга. Их занимали одни удовольствия, и оба они фактически были необразованными людьми. Отец Камилла, отвечая однажды на упрек, высказанный ему по этому поводу, беззаботно ответил: «Камилл будет всегда достаточно знать, чтобы быть подданным Папы!» И Полина постоянно занималась своей фигурой и выбором одежд, не уделяя никакого внимания ответственной задаче управления княжеством. Возможно, именно поэтому Наполеон столь возмутительно ее избаловал. Она была просто великолепным оформлением для его двора и предъявляла к нему немного требований. Часто она увязала в долгах, но он обычно приходил к ней на помощь, проявляя в этом случае большую терпимость, чем в отношении Луи или Жерома. Полине теперь было двадцать девять лет, и она повсеместно считалась самой красивой женщиной империи. Ее вкусы в одежде и украшениях были причудливыми, но щедрость и хороший характер завоевали ей больше подлинных друзей, чем их было у ее братьев и сестер. Она могла бесстыдно использовать свое положение любимицы семьи, но Наполеон не был столь же терпим в отношении ее мужа. Это было доказано примером со знаменитой коллекцией произведений искусства семьи Боргезе, одной из наиболее ценных в Европе.

Куда бы ни направлялись французские войска в годы между первыми триумфами революции и крахом империи весной 1814

года, они облагали захваченные страны значительной данью в деньгах и произведениях искусства. Северная Италия лишилась картин Леонардо да Винчи, Корреджо и Рафаэля еще в 1796 году, но семья Боргезе ухитрилась сохранить свое личное собрание, и Наполеону было трудно найти предлог, чтобы ограбить человека, который участвовал в командовании его армией под Аустерлицем и в польской кампании. В конце концов он нашел такой подход, спросив Камилла о денежной стоимости выставленных у него картин. Камилл, почувствовав недоброе, ответил, что у него не было намерения продавать картины, но его зять прореагировал на это замечанием, что он, мол, спрашивал «не для того, чтобы купить картины, а просто хотел знать, чего они стоят». Князь Боргезе тогда признался, что ему предлагали за коллекцию 18 миллионов франков, и он мог бы продать ее англичанам за миллион фунтов стерлингов. Наполеон тотчас согласился уплатить такую сумму. Прием, использованный в этой примечательной сделке, был типичен для коммерческих методов Наполеона. Продавцу было выдано шесть миллионов из правительственной наличности и передано владение Люседио в Пьемонте (которое только что было вырвано у его собственника силой оружия) вместо других 6 миллионов. Еще 1 миллион был погашен скупщиком в счет завершения строительства резиденции Камилла в Париже, а разница между названной стоимостью и закупочной ценой была удержана Наполеоном, «чтобы быть выложенной в какой-нибудь будущий период с выгодой для князя». Не осталось записей того, что подумал князь Боргезе об этом примечательном счетоводстве, но, должно быть, он протестовал, так как впоследствии Полина смогла заполучить дополнительные деньги от имперского казначейства, для того чтобы подправить баланс сделки.

Еще с 1806 года Полина наслаждалась доходами с герцогства Гуасталла, а в 1809 году Наполеон, рассматривая их как недостаточные для удовлетворения фантастической расточительности Полины, повысил ее доходы, добавив к этому княжеству другие отрезанные территории. В результате Полина стала пользоваться ежегодным доходом в 80 тысяч франков, превышавшим доходы ее мужа, который был одним из богатейших людей Европы. Оставив Камилла с его собственными средствами (он был к тому же сделан генерал-губернатором Пьемонта, Генуи и Пальмы), Полина делила свое время между Тюильри и ее величественным замком под Неулли. Она никогда не принимала активного участия в интригах против Жозефины и поэтому не получила особого удовлетворения от ее развода. Теперь она выступала как защитница Креолки и стала известна

своей оппозицией к браку Наполеона с Марией Луизой. Поэтому именно Каролина, а не Полина, была избрана женихом для сопровождения его невесты из Вены в Париж весной 1810 года.

Как только с бракоразводным делом было покончено, Наполеон стал более веселым и занялся подготовкой нового союза с искренностью, которая приближалась к смехотворной. Он вел себя фактически как истосковавшийся по любви молодой человек. Бедность его невесты (ее личные ювелирные изделия на время выхода замуж состояли из нескольких серег, небольшого количества мелких жемчужин и кораллового ожерелья) не причиняла ему беспокойства, так как у него были ключи к каждой сокровищнице Европы. Его вдохновлял ее древний род, род аристократов, который вел свое начало от XII века и связывал ее семью с семьями каждого королевского дома в Европе.

Образование Марии Луизы и ее готовность к супружеству были такими, каких и можно было ожидать от семьи, где в течение столетий протоколу отдавалось предпочтение над здравомыслием. Она никогда не оставалась наедине с другим мужчиной, кроме ее отца, и все ссылки на различия между полами вырезались ножницами из ее книг. У Марии Луизы никогда не было какого-нибудь любимого животного мужского рода, и на протяжении всей ее жизни ей внушали, что человек, за которого она выходила замуж, является личным перевоплощением дьявола. Когда ее отец сообщил, что ей придется выйти замуж за людоеда, который за последние пять лет дважды изгонял ее семью из Вены, Мария Луиза пришла в ужас, но ее послушание отцу было инстинктивным, и она решила, что не стоит волноваться. Несомненно, она была поражена длинной цепью фургонов, которые прибыли в Вену с приданым Арабских ночей. Оно включало среди многих других исключительно ценных подношений две дюжины превосходных тонких сорочек, двадцать четыре дюжины носовых платков, двадцать четыре покрывала для кроватей, тридцать шесть юбок, восемьдесят девять шапочек и шаль, оцененную в 3 тысячи франков. Там были и платья по цене 6 тысяч франков за штуку, расшитые тапочки, пряжки, пояса и разного рода женские украшения вместе со сказочным количеством драгоценных камней, только один из которых оценивался в 84 тысячи франков, ожерелье и два брелока, стоившие еще полтора миллиона.

Пока Габсбурги изумлялись этому богатству, будущий новобрачный проявлял нетерпение, которое заставляло его друзей краснеть за него. Он пытался научиться танцевать, пригласив Гортензию в качестве своей учительницы, и ухватился за мысль о перестановках и переделках во всех дворцах и

апартаментах, где предстояло поселиться его невесте. Жена Жерома Екатерина Вестфальская писала своему отцу: «Никто никогда не видел его в подобном состоянии», — и добавляла, что его ужимки становились предметом сомнительных шуток по всей империи и за ее пределами. Каролина была послана для встречи невесты под Браунау, а Мюрат оставался в Париже, и, когда нетерпение его шурина дошло до того, что он не смог дожидаться официальной встречи в Компьене, король Неаполя сопровождал жениха в его стремительной скачке к Соиссонсу с целью перехватить кавалькаду невесты в дороге.

Погода была отвратительной, но как Наполеону, так и Мюрату приходилось скакать и в худшую. Ошибочно принимаемые за младших офицеров, они неслись галопом вплоть до Курцеллеса, где, укрывшись под церковным портиком, насквозь промокшие, увидели, что свита въезжает в деревню. Наполеон был тотчас узнан главным конюхом. Соскочив с лошади, он распахнул дверцу кареты, а там внутри с таким видом, будто ей предстояло быть изнасилованной разбойниками с большой дороги, сидела встревоженная Мария Луиза с Каролиной в качестве сопровождающей. Каролина, хорошо знавшая непредсказуемость поступков своего брата, смогла скрыть изумление и представила невесту, после чего Наполеон запечатлел поцелуй на ее щеке, выбрался из кареты, и кавалькада возобновила свое путешествие к Компьеню.

В тот самый вечер, когда все они уселись обедать, Наполеон спросил кардинала Феша, состоит ли уже он сам и австрийская принцесса в легальном браке. Получив ответ, что согласно гражданскому праву они уже были мужем и женой, Наполеон, не теряя больше времени, пожелал удивленной компании доброй ночи и отнес невесту в комнаты, где они оставались всю ночь. «Друг мой, — сказал он своему камердинеру утром, — женись на немке. Они — лучшие из всех женщин, сладкие, нежные, свежие и невинные как розы!»

Четыре королевы и две принцессы шли в стройной процессии позади Марии Луизы при религиозной церемонии, которая происходила в часовне Лувра несколько дней спустя. Это было самое впечатляющее зрелище, которое видел Париж со дня коронации в соборе Парижской Богоматери более чем за четыре года до этого. С того времени почти вся Европа перешла под контроль кадета-артиллериста, который использовал королей и королев как импульсивный игрок в шахматы. За исключением Люсьена, все еще находившегося в немилости, и Жозефа, поглощенного хитрым делом переноса короны из кармана к

бровям, присутствовали все члены семьи, и простому наблюдателю, стоявшему в стороне в момент движения свадебной процессии к алтарю, могло бы показаться, что династия, которую это бракосочетание должно было увековечить, будет столь же тверда, как скала Гибралтара. Циники, такие как Талейран и Фуше, и пессимисты, вроде мадам матушки, еще могли бы поставить под вопрос ее постоянство, но подобные сомнения не приходили в головы сотен присутствовавших сановников империи, ибо все они получили свое высокопоставленное положение благодаря клинку жениха. Ведь здесь, как казалось, раскинулась империя, образованная и поддерживаемая личными достижениями, ничем не обязанная прошлому и целиком сосредоточенная на ближайшем будущем. Но все же именно это непосредственное будущее тревожило некоторых торжественно одетых чиновников, поджидавших невесту.

Каролине Неаполитанской не пришлось нести шлейф, но ей было поручено поднести к алтарю зажженную свечку, и она, должно быть, пребывала в восторге от присутствия на церемонии, которая отражала гарантию победы над Жозефиной. Но за то время, что она сопровождала невесту через границу, у нее была возможность подумать, и размышления эти не утешали Каролину. Здесь стояла девятнадцатилетняя девушка, заменившая сорокашестилетнюю женщину, потенциальная мать законного наследника. И если такому ребенку будет суждено появиться на свет, и если, избави Бог, он окажется здоровым, то навсегда захлопнется дверь для продвижения маленького Ахилла Мюрата.

Для королевы Гортензии происходившее было еще менее привлекательным. Мать ее только что вынудили отойти в сторону, чтобы расчистить путь для женщины, чей шлейф она теперь несла, а в Голландии трон Луи сотрясался. В довершение ко всему Гортензия только что получила сообщение, что ее любовник Флаот серьезно болен. И когда она, следуя за новой императрицей, шествовала к алтарю, ей, должно быть, казалось, что неприятности никогда не кончатся.

Жюли, королева Испании, была в несколько более счастливом расположении духа, так как наконец-то она на время вернулась во Францию и могла есть пищу, не опасаясь, что та содержит мышьяк, любимую приправу ее новых подданных в Испании. И все же Жюли была верной и преданной женой, и ее очень огорчала мысль о том, что жизнь Жозефа в данный момент находится в опасности.

Екатерина Вестфальская, жена Жерома, также несла шлейф невесты, и ее тревоги были другого рода. Двух лет супружеской жизни с Жеромом, управления марионеточным королевством,

стонущим под гнетом долгов и призывов на военную службу, было достаточно, чтобы омрачить сознание любого человека, но Екатерина жила под дополнительным бременем, она была без ума от любви к никчемному мужчине, за которого вышла замуж.

Элиза Тосканская, четвертая из поддерживавших шлейф, негодовала по поводу своего вынужденного присутствия, находя унизительным нести шлейф девчонки, которая была глупа подобно большинству наследных принцесс. Элиза слышала разговоры о том, что невеста гордилась своей способностью покачивать серьгами в ушах, а она и ее сестра Полина многое бы дали, чтобы спрятать их в коробку. Принцесса Боргезе, которой никогда не нравился выбор брата, даже не пыталась скрыть свое презрение к этой девчонке, и вскоре ей предстояло быть изгнанной за неспособность проявлять должное уважение к императрице.

Так они размышляли, медленно шествуя за девицей, заменившей Жозефину, и их сожаления, конечно, разделялись некоторыми из боевых маршалов, которые надели свои лучшие формы, чтобы присутствовать на бракосочетании. Жозефина пользовалась большой популярностью в армии, и, когда все пошло наперекосяк, люди, которые свергли с полдюжины династий за последние пятнадцать лет, начинали ворчать: «У нас никогда не было удачи с тех пор, как мы потеряли старую госпожу!»

Среди официальных свидетелей религиозной церемонии был Эжен Богарне. Жозефина упрашивала его не допускать, чтобы ее развод помешал его блестящей и незапятнанной карьере. Он также женился на принцессе и проявлял большие способности в качестве вице-короля Италии. Эжен остро ощущал унижение своей матери, но, будучи куда более разумным, чем все Бонапарты, вместе взятые, он следовал ее совету, и ни тогда, ни в последующие годы его преданность Наполеону не подвергалась сомнениям. Но должно быть, он ощущал некоторое негодование, когда видел, как его отчим надевал кольцо на облаченный в перчатку палец Марии Луизы. Возможно, что ему припоминался при этом случай, когда он в качестве адъютанта генерала Бонапарта служил сопровождающим при повозке, в которой по улицам Каира разъезжала любовница Наполеона мадам Фуре.

Когда церемония закончилась, гостям было предоставлено мало свободного времени для сплетен, так как свадебное выражение лица императора внезапно омрачилось, и придворные увидели по его нахмуренным бровям, что кто-то или что-то испортило ему день. Они в тревоге наблюдали за ним и вздохнули с облегчением, когда шторм обрушился на

итальянских кардиналов, вызванных в Париж на свадьбу. Их было вызвано двадцать семь человек, но отозвались лишь четырнадцать, и Наполеон потребовал узнать, что случилось с остальными тринадцатью, известными с тех пор как «черные кардиналы». Ему сообщили, что их отсутствие объясняется недовольством Папы по поводу недавнего развода и его дезавуированием Ватиканом. И когда этот акт ханжеского неповиновения был разъяснен Наполеону, у него вскипела бешеная ярость. С большим трудом удалось его уговорить не бросать всех отсутствовавших в тюрьму, а ведь он даже вел речь о возможности их расстрела. Но когда гнев императора подутих, он довольствовался тем, что лишил оказавших ему пассивное сопротивление священнослужителей их почетных должностей и доходов, запретив им доступ в Париж и повелев им под страхом сурового наказания никогда не носить в будущем кардинальские одеяния.

С каждым годом разрыв Наполеона с Церковью становился все шире. К концу 1808 года он послал войска в Рим в надежде запугать его святейшество и принудить его к более тесному союзу между Церковью и государством. Но Пия VII было нелегко устрашить даже тогда, когда папское государство было аннексировано и присоединено к королевству Италии. В 1809 году Папа оказался государственным узником в Савоне. Враги Франции представлялись шокированными, но, по существу, многие из них были довольны таким оборотом событий. Одно дело было противостоять человеку, который восстановил устоявшуюся во Франции религию, человеку, который командовал самой мобильной и хорошо обученной армией всех времен, и другое — выступать в оппозиции, когда главный противник прежнего порядка мог быть назван «Антихристом», и отклики такого рода пропаганды вскоре почувствовал король Жозеф, барахтавшийся в католической Испании.

Возобновившаяся ссора с Папой имела серьезные последствия и в другом плане. Со времени окончательного разрыва Наполеона с Люсьеном семейный повстанец спокойно жил в Риме как частное лицо, по крайней мере пользуясь покровительством святого отца и проводя время в занятиях литературой и искусством. После ареста Папы и вторжения наполеоновских войск в святой город положение Люсьена стало невыносимым. Для французов не осталось секретом, что Люсьен, преисполненный благодарности Пию VII за предоставленный ему приют, уплатил свои долги, поощряя сопротивление Папы требованиям Наполеона. Когда его святейшество силой был препровожден во Францию, могло бы произойти кровопролитие,

если бы не быстрота этого похищения, осуществленного генералом Радетом, французским губернатором города. В условиях, когда его патрон оказался под замком в Савоне, Люсьен счел за лучшее перебраться в Тукулум, где он заинтересовался археологией. Генерал Миоллис, который заменил Радета в качестве коменданта, не был столь тактичен, как его предшественник, и держал Люсьена под таким пристальным наблюдением, что повстанец задумал выехать вместе с семьей за пределы досягаемости своего брата. Такого места не оказалось в континентальной Европе, поэтому Люсьен решил эмигрировать в Америку и обратился в местную полицию за необходимыми паспортами. К немалому своему удивлению, он получил их, и после обращения к Мюрату, королю Неаполя, Люсьену был разрешен переезд на американском корабле, который должен был выйти из порта Чивитавеккья.

Казалось бы, все старались содействовать добровольной ссылке Люсьена, но сам он, задетый общим стремлением увидеть его отъезд, уже не спешил уезжать и начал упаковывать свой необъятный багаж весьма неторопливо. Еще с той поры, когда ему удалось совершить несколько прибыльных сделок при переговорах в Париже, и затем, уже будучи дипломатом и миротворцем в Испании, Люсьен копил деньги и ценные вещи. Полина и Жером знали, как тратить деньги, а Люсьен постигал, как делать их, и был теперь очень богатым человеком не только по своему состоянию, но и по своему положению. День за днем он упаковывал картины великих мастеров, золото и серебряные блюда, разного рода домашнюю утварь и большую коллекцию этрусских археологических находок. Все это было перевезено на погрузочные набережные Чивитавеккьи. А когда стало очевидно, что зафрахтованный корабль не сможет взять такой груз, Люсьен сделал другой выбор и послал оставшиеся предметы в Рим, где они были помещены у Торлогны, главного банкира города. Среди вещей, которые он взял на борт, был большой портрет Папы Пия VII. «Для меня он был гостеприимным другом, — говорил Люсьен каждому, — и я не должен забывать его». Представлялось вероятным, что так оно и будет, ибо в его кармане лежало письмо, написанное Пием, рекомендовавшее Люсьена каждому, кто мог бы способствовать счастью его семьи за границей. Это было ценное свидетельство, но в данном случае оказалось, что оно не имело никакого значения для изгнанников.

Американский корабль поднял якорь 10 августа 1810 года, но дела у Люсьена редко проходили гладко. Еще не исчез из виду берег, как началась сильная болтанка, и капитан решил укрыться в порту Каглиари на Сардинии. К несчастью для эмигрантов,

Сардиния в то время находилась под контролем британского флота, и, когда сеньор Хилл, британский посланник, узнал, кто его невольные гости, он проинструктировал сардинских чиновников передать «месье Бонапарту», что отныне Люсьен будет рассматриваться как пленник его британского величества, короля Георга. То же самое относилось к каждому члену его семьи и к команде судна, несмотря на то что большую ее часть составляли американские матросы.

Дело осложнялось тем, что жена Люсьена была больна, но, учитывая отношение местных властей, она не решалась говорить об этом на берегу. После четырнадцати горестных дней Люсьен попросил капитана продолжить путь, надеясь, что англичане не станут досаждать нейтральному судну. Он ошибался. Два британских фрегата, увидев, что янки готовятся к отплытию, выскользнули накануне вечером из гавани, и один из них под командованием капитана Барри, приблизившись поутру, сделал предупредительный выстрел. Это действие так рассердило американского капитана, что он приготовился сопротивляться, заявив, что застрелит из пистолета первого же англичанина, который ступит на борт его судна. Люсьен сказал ему, что сопротивление бесполезно и что торговый корабль с пассажирами на борту не смог бы уйти от двух вооруженных фрегатов. Когда капитан Барри поднялся на борт из своей шлюпки, он потребовал, чтобы американское судно направилось с пассажирами на Мальту в сопровождении эскорта военных кораблей. Он ликовал, получив столь ценную добычу, тем не менее показал себя обходительным захватчиком.

Люсьен, вспоминая свою длительную историю неповиновения брату, был уверен, что на Мальте все решится удовлетворительно и что ему и его семье будет разрешено продолжить путешествие. Он недооценивал свое значение как заложника и переоценивал благородство англичан. Генерал Оке, британский губернатор Мальты, оказался сторонником строгой дисциплины, превосходившим в этом отношении даже надсмотрщика Наполеона на острове Святой Елены, угрюмого сэра Хадсона Лоу. Вне себя от радости, что ему удалось заполучить члена семьи Бонапарта, он вопреки своему обычному дружелюбию настоял на том, чтобы Люсьен был подвергнут карантину. Мадам Бонапарт и ее детям не было разрешено подыскивать себе жилье более комфортабельное, чем лазарет. Когда карантин закончился, Люсьен был переведен в форт Рикказоли, средневековое строение, где отсутствовала какая-либо мебель, и он вынужден был доставать стулья и постельное белье за свой собственный счет. Дружественно настроенные морские офицеры проявляли к нему

симпатию, и возможно, по их настоянию он был позднее переведен в более комфортабельный замок Сен-Антонио, бывшую резиденцию великого магистра рыцарей Мальты во времена расцвета этого ордена. Там он проводил время за рассказами своим детям о продолжительной борьбе этих рыцарей против турок, а когда дети были уже в постели, он находил удовлетворение в поэзии и стал писать эпическую поэму о Карле Великом.

Только к концу декабря из Лондона поступила инструкция препроводить Люсьена и его семью в Англию. Напрасно он упрашивал, чтобы ему разрешили уехать одному, оставив жену и детей на Мальте, пока не представится шанс ходатайствовать по его делу перед принцем-регентом. Тогда, как это бывает и теперь, чиновники уперлись в букву закона, и Люсьен с женой, детьми и прислугой были посажены на борт фрегата для переезда в Англию в середине зимы и в самую худшую погоду. Капитан Уоррен, еще один английский упрямец, был предупрежден о необходимости совершить широкий обход французских берегов, и нос корабля был направлен прямо в штормы Атлантики, что продлевало двухнедельное плавание еще на месяц. Наконец после исключительно тяжелых шести недель пребывания в море беженцы достигли Плимута, но даже там капитан Уоррен отказался бросить якорь и подверг риску корабль и всех на его борту, пересекая ночью приливную волну.

На следующее утро пленники сошли на берег и были приняты мистером Маккензи, который сказал, что «уполномочен предоставить им убежище». Такое сообщение должно было послужить облегчением для мадам Бонапарт и ее детей, но Люсьен, который годами отказывался подчиниться «господину Европы», не принял этого предложения без критики. Поблагодарив государственного вестника за его «радушные заверения», он весьма четко изложил свою позицию. «Я был превращен в заключенного нелегально, и я протестую против всего того, что пришлось пережить мне самому и моей семье с тех пор, как мы покинули порт Каглиари! Я требую, чтобы мне было разрешено продолжить мою поездку, и, кроме того, я отказываюсь от всех предложений вашего правительства, так как я ничего не могу принять от страны, которая является противником моей, а также и от правительства, которое ведет войну против моего брата!» Это был примечательный ультиматум от человека, который с 1804 года отказывался от подношений, похвал и лести, того, чье имя бросало вызов Британской империи, но, по существу, правда была на стороне Люсьена. Его жена, семья и избранные друзья всегда могли в какой-то мере направлять его,

но ни Великая армия, ни непобедимый британский флот не могли сдвинуть его ни на дюйм ни на земле, ни на воде.

Люсьену не пришлось продолжить свое путешествие в Америку, и сам он, и его семья оставались в Англии, пока не рухнула империя. В последующие четыре года Люсьен был столь же отдален от власти своего брата, как если бы он обустроился в Китае.

Глава 9

Это поведение придворного, еще не ставшего настоящим солдатом.

Из письма Наполеона Жерому, 1809 год

Вскоре после того как Люсьен оказался за пределами досягаемости своего всемогущего брата, Элиза и любимица семьи Полина навлекли на себя неудовольствие короля королей. Проступок Элизы был банальным, а обида на Полину привела к устранению ее из той сферы деятельности, где она приносила некоторую пользу своему брату, — из парижских салонов.

Весной 1809 года до Наполеона дошли слухи, что Элиза, единственный член семьи, в чьей осмотрительности он мог быть вполне уверен, открывает во Флоренции салон азартных игр. Пристрастия Наполеона не распространялись на азартные игры. Когда он вел какую-нибудь игру, он неизменно плутовал и, получая удовольствие от победы над своими противниками, возвращал выигранное с одной из своих грустных улыбок. Элизе он писал: «Сестра моя, позаботься, чтобы никто не открывал салона азартных игр во Флоренции. Я не разрешаю их в Турине или где-нибудь еще в империи. Они подают плохой пример и нарушают семейную жизнь. Единственным местом, где я их терплю, является Париж, отчасти потому, что в таком огромном городе было бы невозможно пресекать их деятельность, а отчасти потому, что они используются полицией. Но мое намерение состоит в том, чтобы они не существовали ни в какой другой части империи». Больше ничего не было слышно о попытках Элизы предвосхитить Монте-Карло.

Что же касается Полины, то она попала в немилость после недостойного инцидента при представлении Марии Луизы в Брюсселе. Со времени удаления Жозефины и получения разрешения Наполеона покинуть Италию и остаться в Париже Полина жила в свое удовольствие, но женитьба ее брата на простоватой девице девятнадцати лет в течение одной ночи изменила всю атмосферу императорского двора. Он потерял свой обычный привкус веселья и экстравагантности, и Наполеон, всегда склонный подавать примеры того или иного рода, стал выступать в незавидной роли самоиспеченного буржуа, женатого на соответствующей женщине и заинтересованного лишь в увеличении семьи.

Полина ненавидела австрийку и при представлении ее в Брюсселе дошла до того, что сделала за спиной императрицы мальчишеский жест, но ей должно было быть известно, что ее брат имел глаза и на затылке. Придворные, видевшие этот жест, захихикали. Наполеон, который также увидел его, вызвал Полину, отчитал ее за отсутствие хороших манер и немедленно выдворил со двора.

Полина упаковала сотню бальных платьев и возвратилась в Рим, где убедила своего полуотстраненного мужа передать ей один из прекрасных дворцов в качестве места для светских развлечений. Там она и отдыхала на протяжении остававшихся для империи лет и по своему обыкновению наслаждалась собой. У нее всегда было столько денег, сколько нужно, дюжины почитателей мужского рода и множество различных неприятных обязанностей, подобных возложенным на ее брата Жозефа в Испании или охотно исполняемым Каролиной в Неаполе. Она позировала портретистам, меняла свои одежды по нескольку раз в день, купалась ежедневно в молоке и время от времени избирала себе любовника, а то и сразу двух.

Жером, король Вестфалии, принял свое королевство в декабре 1807 года. Для того чтобы путешествовать без долгов, он занял деньги в имперском амортизационном фонде своего брата, надеясь, что ему удастся все урегулировать в ближайшем будущем. В конце концов он ведь был теперь королем с полным доступом в национальное казначейство. Вскоре не будет затруднительных разговоров со скупыми родственниками, попыток уговорить Жозефа, Жозефину или скаредную мать дать деньги. Его прибытию предшествовал приказ держать с 1 декабря фонды государственного казначейства в его распоряжении. И с перспективой получения значительных доходов Жером надеялся сдержать натиск кредиторов и завоевать репутацию суверенного правителя, известного своей щедростью, расточительностью и великодушием в отношении старых и испытанных друзей, некоторые из которых прибыли в его кавалькаде. Его ожидало ужасное разочарование. Перед тем как он прибыл в маленькую столицу Кассель, месье Дару, генеральный интендант Великой армии в Берлине, потребовал от Вестфалии астрономическую сумму в 35 600 000 франков, причитающуюся французам в качестве доли этой страны за содержание армии, размещенной в Германии. Чтобы получить эти деньги полностью, Дару, человек дела, обеспечил себе обладание всеми доходами страны еще до того, как ее король вступил в столицу. Все, что ожидало там Жерома, сводилось к набору неоплаченных счетов.

Новый король не замедлил обратиться с просьбой к Наполеону, доказывая, что без доходов он не только не сможет управлять своим королевством, но и не будет в состоянии выплатить императору те 1 800 000 франков, которые Наполеон одолжил ему из амортизационного фонда. К несчастью для Жерома, Дару также написал Наполеону, но с более удачным результатом, так как император явно склонялся на сторону генерального интенданта. Он напомнил своему брату, что в любом случае половина доходов Вестфалии предназначалась на нужды Великой армии. Жером поинтересовался, что же должно произойти с оставшейся половиной, но в финансовых вопросах Наполеон мог быть безжалостным, и единственным его ответом стало краткое письмо с отказом признать неспособность Жерома выплатить долг амортизационному фонду и с коротким замечанием: «Если ты начинаешь с невыплаты долгов, это плохой старт для твоего правления и подрывает твою кредитоспособность».

Что же следовало бы делать Жерому в таких условиях? С самого начала его положение было отчаянным. Все фонды были для него закрыты, в национальном доходе были недоимки за десять месяцев с дефицитом в 6 миллионов франков (на 3 миллиона больше, чем рассчитанные издержки Великой армии), и он не мог ввести новые налоги, без того чтобы начать правление в обстановке противоречий и национального негодования. В еще более затруднительном положении он оказался потому, что Наполеон начал истязать его серией язвительных писем с нападками на расточительность. Не то чтобы письма такого рода оказывали когда-либо большое впечатление на Жерома, но ему, должно быть, было обидно читать призывы к жесткой экономии, когда, по существу, у него на расходы оставались какие-то гроши. Его предшественник в Касселе был настолько беден, что его убожество превратилось в национальную шутку. Все дворцы и официальные здания находились в плачевном состоянии, а Дару, генеральный интендант, упорно отказывался передать Жерому доходы хотя бы за один месяц, чтобы дать ему возможность утвердиться в своем положении.

Первые восемнадцать месяцев правления Жерома в Вестфалии выглядели как история уловок и уклонений с его стороны и гневных требований и угроз со стороны Наполеона и имперских чиновников. Длительный опыт жизни за счет других обычно выручал Жерома, но никогда еще ему не приходилось довольствоваться доходами, фактически сводившимися к нулю. Со скидкой на его несдержанный характер можно было бы проявить к нему симпатию, ведь вскоре Жерому предстояло

увязнуть в трясине долгов. В дополнение к требованиям Дару, связанным с ужасающей стоимостью содержания французских ветеранов на земле Германии, на него постоянно оказывалось давление по выплате 1 800 000 франков, которые он одолжил, и с течением времени письма Наполеона становились все более и более оскорбительными. Даже Люсьену и Луи не приходилось переживать столь продолжительных атак из столицы империи, но в отличие от них Жером обладал сангвиническим темпераментом, и с учетом этого он, несмотря на долги, все еще оставался бодрым.

В его ответах в Париж подчеркивалась тщетность требований, предъявлявшихся к нему, и это возымело частичный успех. Жерому удалось сократить свой долг Великой армии до 7 миллионов. Он также добросовестно избавлялся от собственной задолженности амортизационному фонду, выплачивая с нее от семи до восьми процентов годовых. Но от полной катастрофы его спасло содружество с Исааком Якобсоном, исключительно богатым евреем, который одалживал ему значительные суммы денег взамен на отмену неправоспособности, ранее наложенной на евреев в Вестфалии. При Жероме евреи превратились в полноправных граждан, и с помощью Якобсона король ухитрялся оставаться более или менее платежеспособным в то время, когда он пытался получить национальный заем.

Свободный парламент Вестфалии, первое учреждение подобного рода в Германии, одобрил получение такого займа в Голландии и наметил его сумму в 20 миллионов. К несчастью для Вестфалии, в то время и сама Франция пыталась разместить заем в обедневшей Голландии, и в октябре 1808 года, когда Жером правил еще менее одного года, заем был предложен уже народу Вестфалии, причем каждый житель, располагавший более чем пятьюстами франками, был призван сделать в него свой взнос.

Наполеон, услышав об этом во время своих переговоров в Байонне, написал Жерому одно из самых едких писем, которые он когда-либо сочинял, не исключая и тех, которые он направлял Луи в Голландию. «Ты допустил, чтобы векселя не были оплачены, — гневался император, — и это не действие человека чести! Я никогда никому не позволял подводить меня! Продай столовое серебро и бриллианты, прекрати потакать своей глупой экстравагантности, которая делает тебя посмешищем Европы и закончится возмущением твоих подданных. Продай свою мебель, своих лошадей и свои драгоценные камни, чтобы возместить долги. Честь должна быть превыше всего! Плохо не платить долги, когда люди видят подарки, которые ты раздаешь, и необыкновенную роскошь, в которой ты живешь, столь

возмутительную для твоих подданных. Ты молод и неблагоразумен и ты никогда не уделяешь внимания денежным вопросам, особенно тогда, когда твои подданные страдают от последствий войны».

Ответ Жерома на эту отповедь может служить образцом иронии, слегка приправленной смирением, как это и подобало профессиональному нахлебнику. «Что же я могу ответить, сир, — вопрошал он, — когда ваше величество говорит мне, что я не поступаю как человек чести? Несомненно, я действительно несчастлив, что не могу умереть по прочтении таких слов. Если я не выплатил 1 800 000 франков, которые я задолжал амортизационному фонду, то потому, что у меня нет денег, и я не думал, что намерение вашего величества состоит в том, что мне следует выплачивать разорительные проценты, чтобы освободиться от своих долгов вам!»

Национальный заем потерпел фиаско, и экономика Вестфалии сползала от кризиса к кризису, подобно неуправляемому судну, ведомому пьяным экипажем. Уловка следовала за уловкой, но не могло быть реального выхода из положения, пока половина доходов страны продолжала выкачиваться Великой армией, а Жером был преисполнен решимости вести себя подобно Людовику XIV в миниатюре. Он пытался всеми возможными путями подыскивать деньги и привести в порядок свои финансы, но одного он не хотел делать — снизить уровень своей жизни, чтобы люди по ошибке не приняли бы его за бургомистра.

Часть трений между Жеромом и Наполеоном в то время не имела никакого касательства к деньгам, а была связана с преданностью Жерома своим давним друзьям, кое-кто из которых, предчувствуя хорошую поживу, последовал за ним в Кассель. Главным из таких повес был веселый собутыльник Жерома, товарищ по американской авантюре, приятного вида молодой человек по имени Ле-Камю, которого новый король сделал графом Фюрстенштайнским и министром иностранных дел. Подобно своему патрону, Ле-Камю был прирожденным приспособленцем. Он привез с собой в Вестфалию трех хорошеньких сестер и брата. Две сестры с выгодой для себя вышли замуж, а брат, использовавшийся в качестве дипломата, вскоре был послан с миссией в Америку, чтобы поправить дела в патерсоновской афере.

Поведение Жерома в отношении своих друзей, и особенно в отношении Ле-Камю, напоминало слабости, которые проявляли некоторые из королей Плантагенетов к своим фаворитам. Его курьезная и довольно трогательная преданность часто приводила

к новым затруднениям, и, когда Наполеон услышал, что Ле-Камю получил графский титул с доходом в 40 000 франков в год, он взорвался: «У меня есть маршалы, которые одержали победы в десяти сражениях и теперь покрыты шрамами, но они не получают такого вознаграждения, как твой Ле-Камю!» — неистовствовал он. Но Ле-Камю цеплялся за такой доход и обеспечил свое будущее, женившись на аристократке. Самая большая его трудность заключалась в произнесении германского титула, который Жером жаловал ему. Ле-Камю, должно быть, был занятной личностью с живым чувством юмора: о нем сообщалось, что он мог искренне смеяться вместе с другими над своим плохим произношением.

Частично Ле-Камю был привлекателен для Жерома тем, что постоянно снабжал его королевскими наложницами. Женатый на женщине, которая его преданно любила, Жером не избегал традиционных наслаждений власти, и хотя придворные часто жаловались, что Кассель очень скучен (некоторые из французов, увязавшихся за Жеромом в Вестфалию, вскоре уехали, разочарованные скудностью развлечений), для него самого жизнь в Касселе никогда не была уныла. Среди его любовниц была актриса из Бреслау, которую он повстречал во время кампании 1806 года, оперная певица, которую он прихватил в Италии, и несколько женщин из домашних его жены. Одна из них была уволена на том основании, что была слишком уж в дружеских отношениях с королем, и, когда Ле-Камю задержал ее уход, она была изгнана из страны полицией. Между ними, Жеромом и Ле-Камю, существовал сговор по предотвращению такого же оборота дел с дамой из Бреслау, которая была поспешно выдана замуж за камергера короля. Но они стали жертвами собственной уловки: вскоре после свадьбы камергер уволился со своего поста, уехал в Париж и взял с собой жену.

Доверчивый характер королевы Екатерины был предметом частых замечаний в сообщениях шпионов Наполеона из Касселя, но сомнительно, что она была столь уж наивна, как полагали они. Детство ее было скучным и спартанским, и она в полной мере наслаждалась своим положением королевы, даже королевы государства-банкрота, а Жером, хотя и постоянно проявлявший неверность, никогда не относился к ней так, как его брат Луи к Гортензии, и в некоторых отношениях их супружество было вполне удачным. При всех перипетиях эта странным образом сложившаяся пара сохраняла взаимную привязанность на протяжении всей своей жизни.

Каждый раз, когда под рукой у Жерома оказывалось немного наличных средств, он всячески старался облегчить скуку жизни

для своих подданных, организуя впечатляющие общественные представления, подобные открытию карнавального сезона 1809 года. Девятьсот гостей присутствовало на приеме, где Жером и Екатерина были встречены украшенными гирляндами пастухами и пастушками, которые приблизились к королевскому помосту под аркой из пастушеских посохов. На подобном же приеме имел место великолепный показ фейерверков, организованный одним из помощников Жерома и главой полиции. Король, королева и их подданные с большим удовольствием взирали на этот показ, но на следующее утро хозяева получили напоминание, что фейерверки строго запрещены в Вестфалии и что за их применение налагались большие штрафы. Было бы интересно узнать, шли ли деньги от таких штрафов в национальную казну или же в карман самого Жерома.

Весной 1809 года, когда Жером находился у власти уже около восемнадцати месяцев, снова началась война с Австрией, и Вестфалия, наряду со всей оккупированной французами Германией, была приведена в боевую готовность. «Тугендбунд» — террористическое секретное общество, процветавшее в Пруссии, вело активную деятельность в Вестфалии, и германскими патриотами были совершены две попытки вторгнуться в эту страну, в то время как Наполеон был занят сражениями с Габсбургами на Дунае. Один заговор касался захвата в заложники Жерома офицерами из круга его приближенных, но при всей своей бешеной экстравагантности Жером не был лишен популярности, и заговор провалился. Ради безопасности король отправил свою жену Екатерину в Париж, а сам принял командование десятым корпусом, который был расквартирован в этом районе.

Как генерал, Жером был не более удачлив, чем как моряк или финансист. Когда Жером направлялся на войну, он и не подумал отказаться от домашнего комфорта и отбыл в сопровождении большой свиты, включавшей поваров, камергеров и даже группу дипломатов. Свое время Жером проводил в разъездах по «сфере операций» и после возобновившейся оккупации Дрездена заказал там постановку оперы «Те Деум», а потом посещал спектакли вплоть до эвакуации города вопреки распоряжению своего брата. Он мог бы добиться большего успеха в качестве боевого командира, довелись ему служить в неторопливом XVIII веке, но его брат ввел новые методы ведения войны, и выяснилось, что Жером, к сожалению, отстал от времени. Его приказы как командующего десятым корпусом касались наблюдения за действиями австрийцев против его собственной страны, Саксонии и всей Южной Германии. Наполеон, полностью занятый в районе

Дуная, послал ему тщательно проработанный план, имевший целью втиснуть австрийскую армию между вестфальцами и корпусом под командованием генерала Жюно, который проявлял симпатию к Жерому еще со времени его поездки в Испанию и истории с Елизаветой Патерсон. Жером, однако, располагал множеством собственных идей, и они, как правило, были прямо противоположны замыслам его брата. Услышав, что англичане готовят десант в Голландии, он вместо выполнения приказа по его захвату направил свой корпус на север. Непосредственным результатом этого явилось поспешное отступление Жюно, и лишь перемирие спасло Жерома и его армию от полного уничтожения.

Наполеон пребывал в ярости. Задолженность казначейству и расплескивание денег подобно воде — уже одного этого достаточно, чтобы рассердиться, но риск катастрофы на поле боя из-за неподчинения приказу был равносилен преступлению. И гнев императора обрушился на Жерома как кипящее масло. Он уже писал Жерому, выражая недовольство его ведением боевых действий, и убеждал его «прекратить вести себя смехотворно, отослать свой дипломатический корпус обратно в Кассель, продвигаться без багажа и свиты, кормиться за своим собственным столом, вести войну как солдат, стремящийся к славе и военной репутации, и во имя Бога добиться достаточного смысла, чтобы говорить и писать как следует!». Но это письмо было мягким по сравнению с тем, которое Наполеон направил брату, когда он узнал о бесполезном продвижении Жерома на север. Это было самое длинное письмо из тех, которые когда-либо направлялись Жерому от императора, и в этом отношении оно было классическим. Подчеркнув огромный риск, которому подвергался Жером, не подчиняясь приказам, Наполеон писал: «Мне жаль, что ты даешь столь мало доказательств своего таланта или даже здравого смысла в военных делах. Это поведение придворного, еще не ставшего настоящим солдатом. Я был немного старше тебя, когда завоевывал Италию и разгромил австрийскую армию, в три раза более многочисленную, чем моя. Но со мной тогда не было льстецов и группы дипломатов. Я веду войну подобно солдату, и нет другого способа ее ведения. Я не устраивался ни как брат императора, ни как король. Я делал все возможное, чтобы побить врага… и если ты собираешься продолжать как начал, следуя своим фантазиям и не выполняя моих приказов, ты можешь оставаться в своем серале! Я очень боюсь, что бесполезно что-либо ожидать от тебя!»

В военных делах действительно было бесполезно ожидать чего-либо от Жерома. В этом вопросе Наполеон был более прав, чем в критике финансовых провалов Жерома. В результате Жером

потерял командование десятым корпусом и потом довольствовался армией из 6 тысяч вестфальских рекрутов. Но война против Австрии закончилась, и Наполеон уже принял решение жениться на австрийской эрцгерцогине в надежде обеспечить превращение Австрии в постоянного союзника. Жером же вернулся в Кассель, где к нему присоединилась обожавшая его Екатерина. Там стало больше приемов, больше любовниц и, возможно, больше фейерверков, которые приносили небольшие деньги в форме штрафов. Финансовые тревоги продолжали нарастать, но что касается короля Вестфалии, то нехватка денег была тем демоном, который привязался к нему с самого детства и которому предстояло следовать за ним до конца его дней. Жером временно отказался от военной славы и отдавал всю свою энергию менее обременительной задаче — щеголять при дворе.

Глава 10

Я не верю, что какой-либо человек в мире более несчастлив в своей семье, чем я сам.

Замечание Наполеона о своих родственниках, 1810 год

К началу нового 1811 года создание огромной, расползающейся пирамиды было завершено. 20 марта того же года к ней был добавлен последний штрих. Около восьми часов утра после трех дней ужасных переживаний принцесса, которая могла покачивать серьгами в своих ушах, родила здорового ребенка мужского пола. Наконец-то Наполеон Бонапарт, вот уже одиннадцать лет обладающий высшей властью и пятнадцать лет являющийся наиболее известным человеком в мире, получил законного наследника. Преемственность теперь была обеспечена, династия образована. Отныне семья была не более чем роскошь, но все же братья и сестры, их браки, их потомство, их сумасбродство, ссоры и непрерывные интриги продолжали изводить человека, который никогда не мог избавиться от ответственности, принятой им на себя после смерти Карло Буонапарте более двадцати лет назад.

Когда двадцать второй пушечный выстрел поведал парижанам, что пол имперского наследника мужской, Наполеон достиг вершины власти. Никогда раньше не завоевывалось столь много территорий и не приобреталось такого влияния в короткие сроки, и немногие могли бы поверить, что все это ускользнет из рук знаменитого человека за тридцать семь месяцев.

Если не считать войну в Испании, во всей огромной империи царил мир. Французские войска стояли на берегах Балтики и на Средиземном море. Большинство наследственных домов в Европе признавало Наполеона как властелина, а некоторые из них были в долгу перед его щедростью, давшей им возможность продолжать свое существование. Политическая карта Европы кроилась и перекраивалась, для того чтобы с помощью крови и бракосочетаний обеспечить его родственников королевствами, герцогствами и феодальными поместьями. Не оставались обделенными и наиболее отличившиеся из его товарищей по оружию. Его сестры и их мужья правили Центральной и Южной Италией. Северная Италия контролировалась сыном его бывшей

жены. Голландия, Бельгия и Люксембург были поглощены Францией. Большая часть Испанского полуострова оккупирована французскими легионами. Центральная Европа управлялась группой тихих ничтожеств, включавшей младшего брата императора. Маршалы с золотыми галунами, сыновья юристов, конских барышников, брадобреев и простые солдаты стояли там, чтобы убедиться, что марионетки останутся марионетками. Российский царь, единственный среди всех соперников Наполеона, кто обладал силой, чтобы бросить вызов его всемогуществу, был его другом и почитателем. Любому простительно было предположить, что наследники Карло Буонапарте, которому когда-то удалось получить бесплатные места в образовательных заведениях Бурбонов, столь же уверены в возможности наследственной передачи власти, как Романовы в Петербурге и Ганноверианцы в Виндзоре. Маленький отпрыск рода человеческого, за рождением которого в Тюильри наблюдало свыше сотни вельмож, это обеспечил, по крайней мере все так полагали.

Из всей семьи король Жозеф все еще путался в Испании, бывший король Луи пребывал в дурном настроении в Австрии, Люсьен был пленником в Англии, король Жером изыскивал средства для получения и траты денег в Вестфалии. Из девиц Бонапартов Элиза занималась строительством дорог и осмотром своей миниатюрной армии в Тоскане, Полина принимала ванны и выбирала платья в Риме, Каролина ссорилась со своим мужем в Неаполе. Одна лишь мадам матушка размышляла о будущем во французской столице, подкапливая деньги и задаваясь вопросом о том, когда все это закончится, а если так произойдет, то можно ли будет снова потребовать возвращения ее оливкового сада на Корсике.

Сообщение о рождении короля Рима дошло до Жозефа в Мадриде 29 марта, и оно мало чем ободрило его. Три года пребывания королем Испании отбили у него вкус к исполнению обязанностей монарха. Он и раньше в течение двух лет правил как король, еще до вступления на эту ужасную землю, но корону Неаполя было намного легче носить. Жозеф был подавлен и безнадежно жалок, так как обстановка, в которой он очутился, была не только унизительной, но и причиняла страдания этому по сути своей терпеливому человеку. Испания все еще оставалась расчлененной на военные регионы, и в каждом из них корыстолюбивые авантюристы, вроде маршала Сульта и маршала Виктора, или же хитрые солдаты-государственники, вроде маршала Массены и маршала Сюше, относились к королю с

меньшим уважением, чем к активным партизанам типа Мина и Эмпецидадо. Они правили эффективно и деспотично в соответствии со своими характерами, но все как один они взымали налоги, убивали или миловали повстанцев, грабили церкви, сжигали деревни, жаловали дворянство коллаборационистам и вообще вели себя так, будто не было такой личности, как король Жозеф, правивший в Испании.

Рассматривая такую ситуацию, Жозеф, человек честный, достойный, почти рыдал от отчаяния и посылал в Париж письмо за письмом с призывами что-либо сделать для выправления такого анархического положения дел. Курьеры из Парижа (те, которые действительно прибывали в Мадрид, а не оставались на дороге с перерезанным горлом) привозили ему мало утешительных сообщений. Наполеон, казалось бы, забыл об Испании, и когда он в общих чертах думал о ней, то проявлял больше доверия к профессиональным военным вроде Сюше, чем к своему брату Жозефу. Он лаконично обещал рассмотреть положение дел и, быть может, предпринять какие-то меры, когда это будет возможно, но его обещания никогда не подтверждались делами. В марте, когда Массена откатился от Торрес-Ведраса с армией полуумирающих от голода людей, Жозеф написал своему брату: «Я, должно быть, заслужил свою участь, если пытаюсь продлить ее», а далее он рассуждал о том, как ему, подражая Луи, отречься от престола в попытке устыдить человека, который вовлек его в столь ужасающие беспорядки. К июлю он передумал и выбрал другой путь, поспешив в Париж с намерением предъявить императору лично свою жалобу и либо получить удовлетворение, либо немедленно уйти в отставку. Но он не ушел в отставку и не получил ни малейшего удовлетворения, так как Наполеон больше не был динамичным властителем-правоведом времен итальянской и европейской кампаний. Он наслаждался в первый раз в жизни домашним покоем преуспевающего дельца, который решил после второго брака передать управление своими сложными делами хорошо оплачиваемым чиновникам.

Два брата встретились в Рамбуйе, и Наполеон продолжал разглагольствовать о своем сыне и о том, какая это была удача, что Жозеф прибыл во время его крестин. Жозеф был настолько возмущен, что отказался присутствовать на этом событии, если только его брат не пообещает отобрать произвольную власть у маршалов в Испании и восстановить для него какое-то подобие правления. Наполеон над ним подшучивал, пребывая в примирительном настроении. Англичане, говорил он, уже признали Жозефа в качестве полноправного короля Испании и выведут свои армии из Португалии, как только испанцы примут

его как суверенного владыку. Затем Франция признала бы независимость Португалии и борьба в Испании свелась бы к боям быков. Жозеф мало что воспринял из этих слов, доказывая, что, если бы всеобщее признание зависело от доброй воли испанцев, он был бы мертв задолго до того, как дом Бонапарта утвердился на троне. Сумрачным вернулся он на полуостров, где за время его отсутствия произошел поворот или целых два, как он и предполагал, к худшему. Веллингтон, получив подкрепление и хорошо снабжаемый с моря, а также поддерживаемый португальской армией, перешел через горы и внезапно набросился на две ключевые крепости Бадахос и Сиудад-Родриго. Сульт и Виктор продолжали осаду Кадиса без всякой надежды взять этот город. Сюше и Макдональд утвердились на востоке, и провинция Наварра полыхала. Маршал Мармон, старейший друг Наполеона, спустился на равнину, чтобы заменить Массену как высшего военного командующего на полуострове, но он так же мало обращал внимания на Жозефа, как и любой из его предшественников. Затем, еще больше ухудшая положение, Наполеон начал выводить части ветеранов из Испании, чтобы пополнить ими ряды огромной армии, которую он готовил для наступления на Россию. Маршалы и солдаты уходили счастливыми и были рады покинуть страну, где большие армии умирали с голоду, а мелкие подразделения оказывались растерзанными на куски. Их радость по поводу ухода из Испании могла бы быть более умеренной, если бы они знали, что уготовано им в России.

Летом 1812 года, когда Великая армия готовилась к российской авантюре, Веллингтон напал на Мармона под Саламанкой и нанес ему поражение. Король и его двор вновь были вынуждены эвакуировать столицу. К ноябрю они вернулись обратно, так как Веллингтон был азартным игроком, который всегда любил определенность. Еще до второго бегства и возвращения обратно Жозеф оставил надежду завоевать расположение своих подданных и в отсутствие жены, которая направилась на воды в Виши, позволил рычагам управления выскользнуть из его рук и утешился в объятиях любовниц. В марте следующего года он писал своему брату: «Сир, события обманули наши надежды. У меня не осталось шансов быть чем-либо полезным. Умоляю теперь ваше величество разрешить мне вернуть в ваши руки мои права на трон Испании, которые вы соизволили передать мне четыре года тому назад. Принимая эту корону, я не имел в виду никакой иной цели, кроме благополучия этой огромной монархии. Осуществить эту цель было не в моих силах. Умоляю ваше величество принять меня, как одного из

ваших подданных, и верить, что у вас никогда не будет более преданного слуги, чем друг, которого вам дала природа».

Его мольба была отклонена. Вместо этого Жозеф был удостоен звания главнокомандующего всеми силами, оставленными в Испании, частично для того, чтобы потешить его чувство собственного достоинства, частично для того, чтобы удерживать его в ситуации, из которой он не смог бы выбраться, не будучи обозван трусом. Такая честь принесла ему еще больше разочарований. Победа Веллингтона под Саламанкой стала лишь первым из них.

Из четырех братьев Люсьен, несомненно, был самым счастливым и удачливым. В 1811 году у него все складывалось наиболее благополучно. Лишенный возможности потерять какой-либо трон и располагавший немалыми личными средствами, он стал жить как английский провинциальный джентльмен и сделал свой дом местом встреч ученых, астрономов и местных эсквайров с литературными и артистическими вкусами. Люсьен больше не был заключенным в подлинном смысле этого слова, и захватившие его люди относились к нему с глубоким уважением. После гордого отказа быть причисленным к врагам его брата он был переведен в замок Ладлоу и отдан под ответственность главы судебной и исполнительной власти Сейлопа. Ему разрешили передвигаться в пределах двухмильной округи замка. И там, в Ладлоу, он оказывал всяческое сопротивление уговорам англичан, которые на основании его истории повстанца рассматривали Люсьена как возможного ценного союзника. Тем, кто пытался заручиться его поддержкой против Наполеона, Люсьен с предельной ясностью выразил свою позицию: он не был прислужником Наполеона и не имел никакого желания быть включенным в ряды врагов его родной страны. Люсьен просил лишь одного — оставить его в покое и позволить заниматься многочисленными культурными интересами. Его не угнетало содержание в средневековой крепости, которая когда-то была домом злополучных детей Эдуарда IV. Через некоторое время тюремщики смягчились, Люсьену было разрешено покинуть замок и купить себе поместье в Торнгрове по дороге в Ворчестер. Вот там-то он и превратил свой дом в салон и студию, которые стали местом паломничества мелкопоместных дворян со всей округи. Имение, купленное у французского эмигранта, обошлось ему в 18 000 гиней, но он мог с легкостью позволить себе это и начал украшать дом некоторыми из фамильных портретов и сокровищами этрусков, которые привез из Италии. Люсьен и его жена были совершенно счастливы, и у них регулярно рождались

дети, всего девять вместе с двумя дочерьми от первой жены Кристины. Всерьез заинтересовавшись астрономией, он купил себе огромный телескоп за 50 000 франков и установил его в своей личной обсерватории. Закончив работу над длинной эпической поэмой о Карле Великом, он написал драму, а потом и пару комедий, которые были поставлены в его частном театре перед аудиторией их двух сотен соседей. Его жена и старшие дети принимали участие в этих спектаклях, а Люсьен наблюдал за ними, отмечая, что, пожалуй, от этих скромных постановок можно было получить большее удовлетворение, чем от бал-маскарадов, устраиваемых его братом в Сен-Клу. Он проявлял большой интерес к образованию своих детей и при семейном таланте к администрированию каждым воскресным утром разрабатывал план их недельных занятий. Воскресные вечера посвящались концертам, исполнителями на которых выступали дети и гости. С учетом всего этого жизнь Люсьена представлялась вполне приятной, и среди его почитателей того времени был герцог Норфолкский и дочь Хершеля, знаменитого астронома. Насколько мог судить Люсьен, ему предстояло оставаться там на протяжении всей жизни. Война между Англией и Францией велась (с одним коротким перемирием) с 1793 года и, казалось, не было перспектив ее завершения. Он, должно быть, значительно смягчился со времени своей ссылки в Рим, так как заводил дружбу с мелкопоместными дворянами, которые бы пришли в ужас от его республиканских речей прошлого времени. Занимаясь сочинительством в Торнгрове, он вкладывал подобные речи в уста своих героев.

В Теплице, австрийском городе, куда приехал Луи после бегства из Голландии, он продолжал сопротивляться своему гонителю. Для наблюдателей теперь было очевидно, почему он столь поспешно покинул свой трон. Цель его заключалась в том, чтобы поставить Наполеона в затруднительное положение перед каждым из королевских дворов Европы, и в этом он достиг успеха, так как император был как громом поражен, получив сообщение, что Луи отказался от власти, которой ему было запрещено пользоваться. Для человека, ценившего свои политические суждения намного выше советов всех своих подчиненных, Наполеон проявлял странную слабость в одном отношении. Он не мог переносить критику его взаимоотношений с родственниками и теперь опасался того, что его враги по всей Европе усмотрят в отречении Луи акт отчаяния. Наполеон объяснил, что выход его брата из королевского круга был вызван умственным расстройством и вообще плохим здоровьем. Для подтверждения

этой выдумки он улучшил свое отношение к уклонявшемуся от обязанностей брату и даже предоставил ему пенсию в 2 миллиона франков, но в то же время стал усиливать давление на Гортензию в попытке вернуть Луи обратно во Францию.

Его требования поставили Гортензию в весьма затруднительное положение. Она ни при каких обстоятельствах не хотела возобновлять свою жизнь с Луи и рассматривала его пребывание за границей как благоприятное стечение обстоятельств. Вынужденная делать вид, будто она убеждает его вернуться, Гортензия предприняла несколько показных попыток, но, когда ее эмиссары вернулись обратно с сообщением об отказе мужа возвращаться, она пришла в восторг. Ее отречение как от суверенного правления, так и от мужа предоставило ей свободу действий во Франции, и она возобновила свою продолжительную связь с де Флаотом.

В своих тенденциозных мемуарах Гортензия всячески старается убедить читателей, что де Флаот был слишком настойчив и что она годами сопротивлялась его натиску, но не вызывает сомнений, что она поощряла ухаживания молодого человека, а после дезертирства Луи чувствовала себя свободной, чтобы принимать его как любовника.

Между тем Наполеон, не теряя времени, взял на себя заботу о шестилетнем сыне Луи, оставленном в Голландии, когда его отец бежал в Австрию. Приветствуя смущенного ребенка в Тюильри, он заявил: «Я буду твоим отцом, и ты ничего не потеряешь от такой перемены». Ребенок, несмотря на его малый возраст, получил титул герцога Берга и Клевеса в качестве преемника Мюрата, который отказался от этого титула, став в 1808 году королем Неаполя.

Гортензия оставалась любимицей своего отчима, и она была удостоена чести поддерживать маленького короля Рима при церемонии его крещения в соборе Парижской Богоматери. Это было исполнением долга, от которого она не получила удовольствия, поскольку ей не приходилось бывать в этом соборе с тех самых пор, как ее старший сын был похоронен там в 1807 году. Гортензия придавала большое значение своему патологическому страху и вызывала раздражение у Наполеона, отказываясь принять участие в церемонии крещения. В конце концов она дала себя убедить, вызвав при этом ревность Каролины, которая говорила, что как бы искусно она ни подражала Гортензии, ей не удавалось избежать неблагоприятных сравнений со стороны императора. Следует напомнить, что Жером временами испытывал сходную зависть в отношении брата Гортензии Эжена, с которым также делались неприятные для него

сопоставления. Наполеон же иногда бросал подобные замечания, чтобы подкрепить его ревность.

Луи, несмотря на настойчивые приглашения, не прибыл на крещение, и в его отсутствие Гортензии приходилось возмещать стоимость карет, заказанных от его имени. Она оплачивала такие счета с большим удовольствием, полагая, что отсутствие Луи стоит затрат на пару карет. Приблизительно в это время Луи написал душераздирающее письмо своему дядюшке Фешу, который действовал как третейский судья при стычках Бонапартов. «Скажи мне, думаешь ли ты, что мне будет разрешено жить в спокойствии и безвестности, так как это все, чего я желаю», — писал он. Но дядюшка Феш не мог дать ему подобных заверений, поскольку Наполеон продолжал распространяться на тему о том, что бедняга Луи потерял рассудок. Иногда это казалось правдой, ибо Луи запретил своей жене использовать увеличение имперских доходов от их загородного поместья в Сен-Льё, а разве кто-либо из Бонапартов в здравом уме отказывался от предлагаемых денег? Гортензия игнорировала этот запрет и приняла такой подарок, ведь ей нужно было расплатиться за кареты, нанятые при церемонии крещения.

Когда до Наполеона дошли слухи, что Луи попытался купить себе землю на Корсике и намеревался вернуться на родной остров как частное лицо, он очень растревожился и в очередной раз стал убеждать Гортензию использовать то влияние, которым она располагала, чтобы вернуть бывшего короля в Париж. Гортензия опять попыталась сделать это, но без особого успеха, и стало очевидным, что Луи подобно Люсьену своей ссылкой стремился вызвать замешательство у Наполеона. Именно в это время Наполеон заявлял, и не в первый раз, что измучен взаимоотношениями со своими родственниками, единственная цель которых заключалась в том, чтобы позорить и унижать его. «Я не верю, что какой-либо человек в мире более несчастлив в своей семье, чем я сам», — жаловался он, диктуя письмо своему тестю Францу Австрийскому с просьбой выслать Луи из страны, убедив его, что долг каждого члена императорской семьи повелевает ему жить во Франции. Франц, отдавший свою старшую дочь человеку, которого большинство австрийцев считало Вельзевулом, переправил это письмо в смягченной форме Луи, но добился не большего успеха, чем Гортензия. Луи поспешно покинул Теплиц и переехал в Грац, где, подобно всем Бонапартам, в отсутствие дел посвятил себя изучению литературы. Там он и оставался в течение нескольких последующих лет, окутанный пеленой негодования, глухой к

призывам и подачкам из Парижа.

Жером был теперь в Вестфалии, Жозеф в Испании, Люсьен в Англии, Луи в добровольной ссылке в Австрии — четыре брата Наполеона давали повод для разных новостей 1811 года, но это были не те же новости, которые глава семьи Бонапарт любил читать в газетах, просматриваемых им в Тюильри. Дела же его сестер шли значительно лучше. Время от времени до него, правда, доходили шокирующие слухи от шпионов, которых он содержал как внутри, так и вне дома каждой из сестер, но по крайней мере Элиза, Полина и Каролина ограничивались местными и домашними скандалами.

Меньше других беспокоила его Элиза, хотя он предпочел бы, чтобы она проявляла большее уважение к своему мужу и не распространялась бы на тему их семейных отношений. Полина продолжала давать поводы для разговоров о ней, и не было никакой надежды на ее исправление. К тому времени Наполеон простил ей недостойную выходку в Брюсселе и разрешил в случаях, когда ее присутствие могло быть полезным, принимать участие в организации балов и празднеств при императорском дворе. Как Полина, так и Каролина сыграли значительную роль в крупном светском событии февраля 1812 года, когда в театре Тюильри была поставлена последняя из знаменитых придворных кадрилей, на этот раз в форме аллегорического изображения аннексии Рима. Все места были заняты, когда две принцессы предстали перед публикой: Полина, олицетворявшая Рим, и Каролина, изображавшая Францию. У обеих на головах были небольшие серебряные шлемы, в руках они держали щиты, украшенные бриллиантами. Окружением каждой из высочеств была группа самых красивых женщин двора, одетых как Наяда или как Исида, сопровождаемых камергерами и конюшенными в костюмах зефиров и аполлонов. Когда представление было закончено, Гортензия и императрица открыли бал с французскими провинциальными танцами, а император прошествовал вокруг бальной залы, делая гостям свои обычные резкие замечания, но оставляя без комментариев поставленную аллегорию. Ему предстояло, однако, многое сказать о ней на следующий день, когда к нему зашли Гортензия и Каролина и застали его в раздраженном состоянии. Он заявил им, что тема, избранная ими для аллегории, была неудачной, и именно то, что должно было польстить ему, привело его в раздражение. «Хотя Рим и подчиняется Франции, — говорил он, — город недоволен этим, и идея представить его счастливым от такого подчинения — отвратительна!» Он добавил, что, по его мнению, эта глупая

шутка была подстроена, чтобы Полина и Каролина могли покрасоваться в великолепных театральных костюмах, и что лучше было бы им преследовать такую цель, не затрагивая политику. Доведя до бешенства Каролину, он повернулся к Гортензии и стал упрекать ее за то, что ее сын был одет наподобие польского улана. «Такой костюм мог бы возбудить слух, будто бы я намереваюсь сделать твоего малого королем Польши, — кричал он, — а это могло бы вовлечь меня в войну с Россией!» Каролина, затаив обиду, вернулась в Неаполь, где возобновила свою личную партизанскую войну с Мюратом. Антагонизм между ними продолжал нарастать с тех самых пор, как они прибыли в Неаполь. Говоря простым языком, они ссорились по поводу того, кому из них надлежит править королевством.

Мюрат направился в Неаполь с наилучшими намерениями. Ему не импонировали умеренное управление Жозефа, наигранная бедность Жерома, упрямая заносчивость Луи. В отличие от братьев Наполеона он выковал свою корону на поле боя, тысячу раз, по его оценке, рискуя своей жизнью, и сделал больше для превращения Наполеона во властителя Европы, чем любой другой человек в Великой армии. Наградой же ему, по его мнению, должна была стать полная независимость, пока он поддерживал бы союз с Францией, основанный на дружбе двух суверенов.

Теперь, имея опыт правления Неаполем на протяжении ряда лет, Мюрат начинал понимать, что недооценивал силу оппозиции дома и за границей. Он обнаружил, что был объектом того самого давления, которое вынудило Люсьена и Луи жить в изгнании, сделало Жерома безнадежным банкротом и превратило Жозефа в нервную развалину. Любая его попытка независимого правления пресекалась эдиктами из Парижа, указывающими ему, как набирать войско и добывать деньги, какие кампании проводить против неаполитанских Бурбонов и англичан на Сицилии, какие разрабатывать законы и как применять их после разработки. И когда бы он ни ставил под вопрос любую из подобных инструкций, рев ярости Наполеона достигал его через девятьсот миль, которые разделяли их столицы. В качестве новатора Мюрат мог бы вносить намного больше предложений, чем его предшественники, и он погрузился в работу по реорганизации королевства сверху донизу. Он отменил феодальную систему землепользования, разделил земли, стимулировал сельское хозяйство, построил отличные дороги вроде Страда-ди-Посилипо и Кампо-ди-Марте, осушал болотистую местность, открывал колледжи и пытался пробудить интерес своих подданных к астрономии. Неаполитанцы в изумлении взирали на его бурную

деятельность, поражаясь, что столь большая энергия исходит от человека, который когда-то беспечным пареньком красовался в небесно-голубой тунике, ярко-красных бриджах наездника и высокой шляпе, украшенной цветами и перьями цапли. И именно тогда, когда Мюрат пытался доказать своим подданным, что с этого времени они становятся независимыми от Парижа, он столкнулся с большими неприятностями. К примеру, он объявил, что каждый участник вооруженных сил должен быть урожденным или натурализованным неаполитанцем, носящим неаполитанскую форму, разработанную самим Мюратом. За таким декретом последовало разгневанное письмо из Парижа: «Все французы, так или иначе, являются гражданами Неаполя!» — ревел Наполеон, напоминая автору декрета, что он всем, чем обладал, обязан храбрости французских солдат, и если он когда-нибудь забудет это, то те же самые люди скоро покажут ему всю абсурдность его претензий, лишат его титула и эскортируют в казармы, из которых он и вышел.

Гнев Мюрата по получении такой отповеди был столь велик, что он сорвал с себя французские знаки отличия и бросил их на землю. Но ему пришлось подчиниться, несмотря на похвальбы, что он не намерен стать «вторым Баччиоки» или лакеем Франции. Лакеем Мюрат все же остался, ибо, когда он вознамерился изгнать англичан с Сицилии, его собственные генералы не стали ему подчиняться, действуя по секретным приказам из Парижа, и из экспедиции ничего не получилось. Мюрат проклинал Бонапарта в словах и выражениях, звучащих почти изменнически, и обвинял жену в том, что она приняла сторону брата ради его унижения. Он был и прав, и не прав: Каролина не была заинтересована в проведении политики брата, но она и не была такой женой, на которую можно было бы положиться. Пробным камнем ее характера был ее собственный интерес, преследуемый безжалостно и непреклонно, и у нее были собственные идеи о том, как гарантировать будущее ее неаполитанского трона. Единственная среди более молодых членов семьи Бонапарта, она подозревала, что с империей Наполеона может быть покончено и что в одни прекрасный день она может проснуться снова без гроша в кармане. Но Каролине не была присуща скаредность Летиции, и она пыталась использовать другие пути гарантирования своего будущего от различных напастей. И вот она принялась за работу, чтобы задобрить неаполитанцев и выправить отношения с Австрией на тот случай, что, если произойдет крах, она кажется единственной среди Бонапартов со страховкой в руках. Преследуя такую политику, она подкупала министров своего мужа ради получения секретной информации и

направляла своего посыльного в порт, чтобы условиться о свидании с подкупленными чиновниками. Она также содержала сеть личных соглядатаев внутри и вокруг королевских покоев, так что неаполитанский двор приобрел четырехъярусную структуру профессиональных информаторов. К 1811 году почти каждый государственный служащий в городе был чьим-либо наемником. В самом низу, можно сказать, сновали секретные агенты Наполеона, непосредственно над ними находились содержанцы Мюрата, а выше всех располагалась группа министров и ливрейных лакеев, оплачиваемых, в зависимости от результатов, королевой. В переплетении всех этих секций действовали международные агенты, оплачиваемые австрийским канцлером Меттернихом и британским кабинетом. Некоторые из этих наблюдательных господ были агентами-двойниками, так что человек с талантами Талейрана по процеживанию информации, наверное, оказался бы сбитым с толку, просматривая содержание ранцев курьеров Наполеона. Когда затаенная ссора Мюрата с Наполеоном в 1811 году вспыхнула с полной силой, Каролина посетила Париж якобы с намерением поправить отношения между мужем и братом, но, добившись приема у императора, она использовала такую возможность для расширения бреши между ними. По возвращении ее в Неаполь склоки в королевской паре возобновились, и Мюрат по возможности стал избегать встреч с женой. Его излюбленным времяпрепровождением в этот период стала охота на бандитов, которые наводнили королевство. Их число во много раз увеличилось после высадки там рекрутов британских военно-морских частей, всячески стремившихся умножить трудности Мюрата. Охота за разбойниками превратилась в национальный спорт, и шайки бандитов попадали в окружение королевских отрядов. Но невзирая на королевский статус, Мюрат никогда не утрачивал своего казарменного юмора. После одной из таких охот захваченный разбойник заявил Мюрату, что он мог бы еще накануне застрелить короля из засады, но не воспользовался своим преимуществом над ним, а теперь вот стал жертвой собственной сдержанности. Мюрат, проверив этот рассказ и обнаружив его правдивость, помиловал этого человека и предоставил ему возможность честно зарабатывать на жизнь.

Король Жером имел неприятности с бандитами иного рода. Территория его королевства была собрана из различных феодальных поместий, и исконные их владельцы ни в коей мере не отказывались от перспективы восстановления своей собственности с помощью силы. Одна из таких жертв, герцог

Брауншвейгский, воспользовался стремлением Австрии к свободе и возглавил отряд в 2000 человек, но был покинут своей союзницей. Наполеон не принимал его всерьез, пока тот не совершил налет на Брауншвейг и не захватил его. Горожане же не взялись за оружие, как рассчитывал герцог, и поэтому он, увернувшись от генерала Ребеля, подчинявшегося Жерому, проложил себе путь к побережью и достиг в конечном счете Англии через остров Гельголанд. Жером был в ярости на Ребеля за его неспособность захватить герцога, и когда тот запросил разрешение прочесать Брауншвейг, для того чтобы выловить всех повстанцев и получить компенсацию с виновных, Жером отстранил его от службы в Вестфалии. Ребель воспринял свою отставку философски, очевидно полагая, что ему ничего не светило на службе у короля, который не только не платил своим солдатам, но и не разрешал им компенсировать жалованье путем грабежа. Жером все еще был не в состоянии сводить концы с концами и в попытке добыть немного денег прибег к контрабанде. В нарушение имперских директив о запрете торговли с Англией он допустил заход в Вестфалию трех сотен телег с английскими грузами. Когда его брат узнал о такой сделке, он послал обычное гневное письмо, но Жером ответил, что, если он не получит финансовой помощи от Франции, его страна не сможет прожить и двух месяцев и что он вполне мог бы отречься от престола и покончить со всем этим. Угроза сработала, и императорское давление на время ослабло. Наполеон отнюдь не хотел заполучить в семье третьего повстанца.

Нехватка денег преследовала Жерома на протяжении всей его жизни, но никогда не мешала извлекать максимум из того, что он мог подзанять. Череда карнавалов, балов и королевских санных выездов продолжала отягощать далеко не богатый двор Касселя. При некоторых зимних пирушках король менял свои одеяния по нескольку раз за вечер и танцевал под звуки кастаньет. В то же время королева Екатерина, которая могла бы отказаться от всех этих забав после своей угрюмой жизни в Вюртемберге, появлялась в костюме то старой еврейки, то американской индианки или крестьянки из Черного леса в окружении красоток двора, одетых как сказочные ведьмы. Жером глубоко верил в значимость своего внешнего вида. Когда бы он и его свита ни отправлялись за границу или ни наносили государственный визит в Тюильри, вестфальцы всегда считались лучше всех одетыми в собравшейся компании. Вестфальские камергеры были в мантиях из ярко-красного бархата с воротничками из золотой ткани, белых атласных кушаках с золотыми кисточками и украшенных плюмажем шляпах, в то время как король носил костюм из

отороченного золотом белого атласа и помещал бриллиантовую застежку на свою кожаную шляпу. Сам Жером, будучи повесой, проявлял похвальную терпимость к слабостям других. Так, например, случилось, когда он узнал, что его любовница Бланка Каррега изменяла ему с кавалеристом по имени Марбрей. Впрочем, обстоятельства этого разоблачения должны были бы принести Жерому некоторое удовлетворение, так как Бланка, имевшая не одну любовную связь, была застигнута Марбреем в объятиях солдата из Военного управления. В порыве гневной ревности Марбрей обоих их отстегал кнутом, и крики пострадавшей Бланки дали возможность Жерому заметить ее недостойное поведение. Он утешил ее, отослал Марбрея в вестфальский легион в Испании и изгнал любовника-соперника из своих владений, но Бланке было позволено остаться при дворе. Прошло немного времени, как она снова проявила неверность, на этот раз с братом Екатерины, принцем Вюртембергским, но Жером опять простил ее, попросив изменить свое поведение. Между тем Марбрея вернулся раненым в звании капитана с орденом Почетного легиона, но служба в Испании не смогла усмирить его темперамент, и он устроил другую неистовую сцену на публике, за что и был выслан из страны. Ему удалось отомстить несколько лет спустя, когда империя уже рушилась под напором союзников. Демонстрируя свою симпатию к Бурбонам, он привязал изображение наполеоновского ордена Почетного легиона к хвосту своей лошади.

Скандалы Бланки Каррега вскоре приобрели такую известность, что даже Жером не мог допустить ее пребывания при дворе, и она была отправлена в Швейцарию, где продолжала жить на хорошем довольствии, оплачиваемом ей принцем Вюртембергским. Жером успокоился иначе, и его иногда можно было увидеть покидающим бал в полночь в компании одной из фрейлин его жены, а на следующий день он появлялся с правдоподобным объяснением своего отсутствия.

Дни маскарадов, санных прогулок и постоянных уловок для получения денег по оплате оккупационных войск проходили, однако не только для Жерома. За шесть лет он накопил национальный дефицит, превышавший 14 миллионов франков, и поставил Наполеону около полумиллиона рекрутов при общем населении страны в 2 миллиона. Россия попирала Тильзитское соглашение, открыто торгуя с Англией, были и другие причины для разрыва отношений между двумя деспотами, которые в 1807 году поделили между собой Европу. По всему континенту маршировали солдаты, и столкновение между Россией и Францией было не за горами. К маю 1812 года Наполеон собрал

огромную армию в районе Дрездена, и Жерому была предоставлена еще одна возможность добиться военной славы, когда он был назначен по совместительству командующим правого центра и армейской группой, насчитывавшей 600 тысяч человек. Это было намного более ответственное военное поручение, чем те, которые когда-либо выпадали на его долю, и единственное, что сдерживало его удовлетворение, было назначение лишенного юмора плешивого маршала Даву в качестве его партнера. Даву был известен как Железный маршал, и для этого имелись веские основания. Он был первоклассным, совершенно неподкупным солдатом, но Жером его не любил. Незадолго до этого Даву прибыл в Вестфалию, чтобы обеспечить вклад короля в содержание французской армии, и оказался глух к извинениям Жерома. Он, будучи человеком Наполеона, не допускал, чтобы что-либо возникало между ним и долгом. Он вынудил Жерома придерживаться соглашения по ремонту Магдебургской крепости за три миллиона франков, и во время своего пребывания показал себя как исключительно жесткий надсмотрщик. Трудно даже понять, почему Наполеон, величайший психолог, допустил, чтобы эти два человека разделили между собой командование, но он это сделал, и беды оставалось недолго ждать. Через два месяца после принятия командования Жером вновь очутился в немилости и оставался в опале вплоть до «Ста дней».

Книга четвертая
Выжившие

Глава 11

Господа, я ясно вижу, что у вас нет склонности к этой войне…

Замечание Наполеона на военном совете, 1812 год

В свете того, что произошло в западном мире после 1945 года и продолжительной «холодной войны» между двумя блоками с обеих сторон «железного занавеса», интересно бросить взгляд в прошлое, через более чем сто с половиной лет, на взаимоотношения России с остальной Европой и посмотреть, что пришлось говорить Наполеону по поводу кампании, которая предшествовала его падению.

«Та война, — сказал он, и на этот раз он говорил с полной откровенностью, — должна была быть самой популярной в нынешние времена. Это была война здравого смысла и подлинных интересов, война ради безопасности и передышки для всех. Она была миротворческой и предохранительной, действительно европейской и Континентальной. Ее успех мог бы установить баланс сил и создать новые комбинации, с помощью которых за опасностями нынешнего времени последовало бы спокойствие будущего. В этом случае, по моему мнению, для амбиций не было места. Подняв Польшу, которая была краеугольным камнем всей арки, я позволил бы королю Пруссии и эрцгерцогу Австрии или кому-нибудь еще занять трон. У меня не было желания заполучить что-то новое, и я оставлял бы себе всего лишь славу хороших свершений и благословение потомства». В окружении Наполеона имелись люди, составлявшие большинство, которые были более заинтересованы в семейной жизни, чем в хорошем мнении потомства. Боевые маршалы подустали. Они находились на войне уже довольно долго, со времени своей молодости, и в отличие от Жерома им не нужно было добиваться военной репутации. На военном совете в присутствии Мюрата, начальника штаба Бертье и генерала Раппа незадолго до того, как началась кампания, Наполеон заметил нежелание этих людей рисковать в новой авантюре всем, что они завоевали. И он заявил: «Я ясно вижу, что у вас нет склонности к этой войне. Король Неаполя с неохотой покинул свой прекрасный климат, Бертье не желает ничего большего, чем охотиться в своем поместье в Гросбуа, а Рапп преисполнен желания поселиться в своем доме в Париже». Из этих троих больше всех высказывался

Рапп. Он бодро отметил, что Наполеон говорил правду.

Мюрат с неохотой воспринял свой вызов. Он наслаждался жизнью в Неаполе, и ему не хотелось оставлять дома Каролину и возлагать на нее ответственность за управление королевством. Перспективы обретения новой славы в удобных для кавалерии местностях между Варшавой и Москвой были ободряющими, но Мюрату теперь уже было свыше сорока лет, и он пресытился военной службой. Из родственников Наполеона лишь Мюрат и Жером сопровождали те полмиллиона людей, которые вечером 22 июня 1812 года вступили в Россию. Мюрат, командовавший двенадцатым корпусом, возглавлял наступление. Его надменная, выразительная фигура в торжественной форме, золотой скипетр, которым он размахивал, производили большое впечатление на казаков, и Мюрат превратился среди них в легендарную личность еще до того, как длинные колонны продвинулись вплоть до Смоленска. Даву с восьмым корпусом Жерома на своем правом крыле командовал первым корпусом, а среди других ветеранов были Ней, Макдональд и Виктор, все неудачники из Испании, галантный Ожеро, которому предстояло получить еще несколько ран, чтобы завершить свой финальный счет из тридцати четырех ранений в войнах империи, и такие опытные бойцы из гвардии, как Лефевр, Мортье и Бессьер. Это были наиболее впечатляющие боевые порядки из тех, которые видела Европа с тех пор, как в античные времена по Греции прошлись персы.

Вначале дела шли довольно хорошо, хотя вскоре стало недоставать кормов и погибли тысячи лошадей, поглощавших незрелую рожь. Великой армии удалось расчленить защитников России, и генерал Багратион, отступавший на восток, оказался в большой опасности быть окруженным и разгромленным в клещах между Даву и Жеромом, преследовавшими его с севера и юга. Так и могло бы случиться, если бы Жером не занимался кутежами, потеряв почти неделю под Гродно и дав русским время, для того чтобы выскользнуть из клещей. Наполеон, узнав, почему противник смог улизнуть, разгневался на своего брата, но, как оказалось, не просто просчет привел к катастрофе короля Вестфалии, так стремившегося к славе. Когда он решил привести свои части в движение (а, как представляется, были и некоторые оправдания для проволочки, вызванной изнеможденным состоянием его людей), он обратился как равный к раздражительному Даву, предлагая некоторое взаимодействие между их корпусами. В ответ Даву заявил, что он мог бы отдать любые необходимые приказы и что Жерому следовало бы рассматривать себя как подчиненного ему командующего. Трудно теперь выяснить, направлял ли Наполеон конфиденциальные

инструкции на этот счет. Возможно, он так и сделал, припоминая слабую исполнительность Жерома как военного в Саксонии за шесть лет до этого или его безответственную карьеру как моряка. Во всяком случае, Жером затаил обиду и, что еще хуже, высказал свое недовольство в письме, послав его императору, после чего уехал в Варшаву ждать высочайшего решения. Этот чудовищный жест походил на отказ от командования перед лицом противника, и все раздражение, которое испытывал Наполеон в отношении своего брата, показалось мелочью в сравнении с яростью, вызванной таким нелепым поведением. Он произнес громкую клятву никогда больше не поручать своему жалкому брату командование любого рода, и Даву, мрачно улыбаясь, продолжал наступать, чтобы встретиться с Мюратом, который истощал свою кавалерию и изводил пехоту в погоне за отступавшими русскими, будто проводил парад мирного времени.

Жером, теперь уже официально отстраненный от командования, вернулся в Кассель. Если бы он мог предвидеть это, то, возможно, решился бы сразу покинуть кампанию, которая не принесла заслуг никому, кроме Нея, руководившего осколками арьергарда. Шел июль, когда Жером лишился командования, а через пять месяцев только небольшая часть Великой армии смогла вернуться на поля Центральной Европы. Все остальные, более чем 400 тысяч человек, были мертвы или оказались захваченными в плен.

В задачу настоящего исследования не входит изложение хорошо известной катастрофической кампании Наполеона в России. Семь основных действующих лиц этой хроники не принимали в ней участия, если исключить короткое и бесславное пребывание Жерома как одного из руководителей правого центра. На протяжении тех пяти месяцев, когда Великая армия пробивалась к Москве, рыскала в поисках поживы среди ее дымящихся руин, а затем тащилась в грязи обратно в Восточную Пруссию, четыре брата Наполеона и три его сестры были далеки от места военных операций. Элиза, Полина и Каролина проводили время в Италии, где Полина, как обычно, предавалась наслаждениям, а Элиза и Каролина учились управлять своими королевствами. Жером погрузился в вихрь публичных и личных развлечений в Вестфалии, а Люсьен и Луи продолжали свои литературные занятия: один из них в окружении почитателей в Торнгрове, другой — в одиночестве ссылки в Граце. Только усилия Жозефа были в некоторой мере сопоставимы с усилиями человека, находившегося перед лицом катастрофы на востоке, но Жозеф уже примирился с безнадежностью своей задачи. В

отличие от своего брата он мог с удовольствием ожидать отхода от требований государства.

Сообщения о катастрофе французов в России медленно доходили до горных убежищ испанских партизан, разбросанных гарнизонов британских и португальских войск в восточной части Испанского полуострова. Здешних мест время от времени достигали слухи о жестоком отпоре французскому наступлению под Бородином и огромных потерях армии, удалившейся от источников снабжения и пополнения. Распространялся особенно настойчивый слух, будто Москва уничтожена поджигателями, и, наконец, шепотом стали передаваться известия о полном разгроме знаменитой армии и о ее преследовании на равнинах царскими казаками. Никаких подлинных новостей, однако, из России не приходило, пока Наполеон не издал свой знаменитый бюллетень, в котором откровенно признавал огромные размеры катастрофы. Это не было придано огласке во Франции до декабря, а потому тягостное известие достигло Жозефа в Мадриде только около трех недель спустя.

В противоположном направлении новости поступали гораздо быстрее: стремительно скакавший курьер доставлял Наполеону испанские депеши всего лишь через двадцать шесть дней после того, как они были написаны в Мадриде. Депеши содержали запрос о смещении маршала Сульта из-за его упорного нежелания сотрудничать с королем и двором. Наполеон, столь же знакомый со стремлением Сульта к трону, как и с неспособностью Жозефа управлять чем-либо более крупным, чем провинциальное поместье, не отвечал; ему приходилось решать другие, куда более неотложные проблемы.

Наполеон, которому предшествовал разодетый король Неаполя, вошел в Москву 15 сентября. Покинул он ее с 115 000 солдат и бесчисленными сопровождавшими 19 октября. За сорок шесть дней между его уходом из Москвы и отъездом из армии его войско сократилось до нескольких тысяч полуинвалидов, которые держались вместе благодаря единственному непобежденному маршалу Мишелю Нею, бывшему подмастерью бочара, потом кавалеристу в гусарском полку, а еще позднее князю Московскому. Совсем мало славы за эти сорок шесть дней досталось величайшему полководцу века и уж совсем ничего его расцвеченному зятю, королю Неаполя. Единственный среди высших офицеров армии, которая в течение восемнадцати лет добивалась сказочных успехов, Ней покинул русскую землю непобежденным и неустрашенным. К тому времени как Ней пересек мост через Неман, Наполеон уже отправился в свое рекордное путешествие из Сморгони в Париж. Этот рейд на санях

и в карете был осуществлен по зимним дорогам за двенадцать дней. За ним почти немедленно последовал Мюрат, которому он передал верховное командование. С меньшими угрызениями совести, чем последний из его умирающих от голода солдат, король Неаполя повернулся спиной к этой толпе и направился на юг, чтобы там правильно поставить паруса перед надвигавшимся штормом. Королевский дезертир покрыл расстояние между Неманом и Неаполем почти столь же быстро, как его господин совершил путешествие из Сморгони в Париж. Позади, для того чтобы как-то помочь измученным голодом, обмороженным уцелевшим солдатам, был оставлен Эжен Богарне, вице-король Италии и сын выброшенной за ненадобностью Жозефины. Эжен не сбежал в Италию. Вместо этого он остался на своем посту и во всех отношениях вел себя как ответственный командир. Следовательно, Наполеон был прав, когда рекомендовал Эжена беспомощному Жерому как «превосходный образчик того, чем должен быть молодой человек».

Ничего особенно катастрофического не происходило при крушении империи Наполеона. Как это уже отмечалось, все случилось не за две недели. Процесс распада со дней великого отступления до последнего акта, когда маршалы собрались перед своим господином в Фонтенбло, занял около восемнадцати месяцев. Но вероятно, самым ужасным аспектом этого падения была неизбежность, с которой завершающий акт обрушился на имперских назначенцев, на всех, кроме самого императора. Между декабрем 1812-го и апрелем 1814 года каждый офицер Великой армии и каждый солдат в гарнизонах между Эльбой и Дору не мог не заметить приближение гибели. Это могло бы занять год, или два, или пять лет, но это все равно случилось бы, и ничто не могло предотвратить распад. Мадам матушка достаточно давно предвидела его, и Каролина, самая политически грамотная из членов семьи, подозревала, что это могло произойти еще при ее жизни. Но теперь каждый знал об этом, и имел место своего рода фатализм отчаяния, который помог семье сплотиться, демонстрируя лояльность, которая отсутствовала в более счастливые дни. Только Каролина продолжала проводить свою уклончивую дипломатию, проталкивая вперед себя мужа, проявляющего к этому полужелание-полусопротивление. Среди других членов семьи не было и признаков предательства, а скорее некое подобие паники, случившейся в семье, которую быстро разбудили и сказали, что дом в огне. Их покровитель и кормилец мог взирать на них с симпатией, но больше ему ничего не оставалось.

Жером, танцевавший, блудивший, игравший на сцене и делавший долги в своей показной столице Касселе, был первым из Бонапартов, который узнал полную правду о российской катастрофе. Находясь ближе к главному потоку беженцев, чем его братья или сестры, он был осведомлен о происшедшем вскоре после того, как Наполеон проехал через Варшаву по пути домой. Сразу же раскрылись лучшие черты характера Жерома. Каролина могла бы использовать такую возможность, чтобы изводить своего ненадежного мужа разнообразными придирками, но Жером, почти во всех отношениях никудышный, эгоистичный, самодовольный глупец, вышел из этого длительного кризиса как человек, более достойный короны, чем кто-либо из его братьев и сестер. Как только он услышал, что Наполеон покинул армию под Сморгонью, он послал курьеров, чтобы перехватить его, но Наполеон отказался прервать свою поездку. У него не было времени для получения советов от младшего брата или для проявления симпатий к нему. Ему было важно добраться до Парижа, прежде чем подлинные размеры катастрофы станут достоянием публики. Вестфалия, как союзник, исчерпала свои возможности.

С тех самых пор, как Жером сложил с себя обязанности командира и вернулся в свою столицу, он вел себя как опозоренный сын, скрывающий свой стыд в вихре удовольствий. Он перенес свое внимание на множество новых любовниц, втянул свою страну в новую задолженность, стал продвигать план строительства оперного театра в Касселе и запустил руку в сундук местной армии, чтобы нанять дорогостоящую труппу певцов, которые должны были появиться на сцене в вечер открытия нового театра. Теперь эта затея закончилась или почти закончилась. Новый год в Касселе всегда был периодом развлечений с целым раундом маскарадов, банкетов, спектаклей и карнавалов, в которых король, королева и придворные играли ведущие роли. Но во время карнавального сезона 1813 года в Касселе было очень немного приемов, так как каждый человек там знал, что если даже Франция и выживет, то с Вестфалией будет покончено. Казаки, а за ними и царские армии двигались в западном направлении, а Кассель лежал у них на пути. Наполеон, работавший в Тюильри по восемнадцать часов в сутки, прилагал титанические усилия, чтобы создать и оснастить новую армию, заменив сотни тысяч потерянных в России. Он срочно рекомендовал Жерому поспешить с фортификацией Магдебурга, а затем любой ценой удерживать его. В первый и единственный раз за время их взаимоотношений император послал Жерому

большую сумму денег еще до того, как она была востребована, не забивая голову заботой о безопасности ее передачи. Но он опоздал со своей импровизацией. Вестфалия была полностью очищена от мужчин, и в стране едва ли хватило бы денег, чтобы заложить фундамент для бруствера или для навесной стены в Магдебурге. 4 марта, менее чем через три месяца после того, как остатки Старой гвардии втащились в зимние квартиры, казаки въехали в Берлин, и Пруссия уже была готова сбросить маску нейтралитета. Шесть дней спустя Жером ради безопасности отослал королеву в Париж.

Пока что времена были опасными, но не безнадежными. Жером, отправивший жену в безопасное место, недооценивал способности брата к восстановлению своих сил, а этим же занимались и его противники, собравшиеся теперь на равнинах Саксонии. Они были многочисленны, и их силы нарастали с каждым днем. Царские армии пришли с барабанным боем из России и Польши, а Пруссия Фридриха Великого, загнанная в неистовый национализм многими годами унижений, начала подминать под себя князьков, чьи земли были переданы Франции. В Италии Мюрат и его жена сговаривались и интриговали с колебавшимся императором Австрии, чья дочь обеспечила Наполеону династию, Англия все еще доминировала на море и осуществляла постоянную блокаду Франции. А во Франции, оставшейся без молодых мужчин, буржуа начали с ностальгией поговаривать об исчезнувших Бурбонах. В Испании же, как обычно, царил беспорядок. Осторожный Веллингтон медленно пробирался через полуостров, а Жозеф, придерживаясь инструкций из Парижа, отказывался отступать из Мадрида на линию Дару. Но далеко не все было потеряно. Канонир, который годами манипулировал королями и принцами, сохранил свои силы, чтобы пугать и поражать своей армией из мальчишек, руководимой людьми вроде Нея, Удино, Мортье и Мармона. Он набрасывался на союзников под Баутценом и Лютценом, столь жестоко избивая их, что на первый взгляд всю работу по его сокрушению пришлось бы начинать сызнова. Имелись, впрочем, и серьезные проблемы в кажущемся восстановлении. Французам отчаянно не хватало кавалерии, и они были лишены возможности преследовать противника после нанесения ему поражения. Остро вставала и проблема возмещения потерь, понесенных в сражениях, утрат, которые союзники могли возмещать день за днем, а Наполеон не мог этого делать, несмотря на свои запросы к истощенной армии в Испании и к гарнизонам в германских городах. Наконец, и это особенно важно, наблюдалось стремление высших офицеров к миру, стремление, выраженное еще до того,

как Великая армия совершила свой бросок на Москву, а теперь подчеркивавшееся в циничных замечаниях, подобных словам Ожеро, который в разгар сражения говорил, что отказывается умирать в германском пригороде и спокойно уступил бы свое место.

На протяжении мая 1813 года Великая армия, казалось, была уже в своей обычной форме. Все боевые маршалы находились на полях сражений, включая и Мюрата, вынужденного теперь рисковать всем и зависеть от результатов новой кампании. Во второй раз за двенадцать месяцев ему пришлось оставить Неаполь и прибыть в армию с большой неохотой. У него теперь были новые поводы для недовольства Наполеоном, который опубликовал в газете «Монитор» бюллетень с критикой трусливого бегства Мюрата, бросившего выживших после Москвы солдат, и с выражением горячей похвалы человеку, который тогда занял его место. В январе 1813 года он писал Мюрату: «Не стану говорить тебе, насколько я недоволен твоим поведением, которое диаметрально противоположно твоему долгу. Это, как обычно, произошло из-за твоей слабохарактерности. Ты хороший солдат на поле боя, но за его пределами у тебя нет ни энергии, ни характера. Учти предостережение по поводу этого предательства, которое я отношу на счет страха, и сделай все, что в твоих силах, на моей службе.

Я рассчитываю на тебя… Титул короля вскружил тебе голову, и если ты хочешь держать ее в порядке, веди себя лучше и думай о том, что говоришь».

Мюрат пришел в такую ярость, получив этот укор, что чуть было не последовал совету Каролины открыто выступить против своего благодетеля. А далеко на севере бывший маршал Бернадотт, теперь уже кронпринц, объявил войну Франции, а ведь Бернадотт был свояком Жозефа. Но что-то все же мешало Мюрату принять окончательное решение. Возможно, это было связано со слабостью характера, которую подметил Наполеон, но, может быть, это было нечто большее — остатки преданности к своему товарищу, которого пыталась предать его собственная сестра. Мюрат колебался между различными курсами, проводя переговоры с Австрией и пробираясь на север, чтобы взять на себя командование истощенной кавалерией Великой армии. По дороге он встретил курьера, спешившего с депешами из Вены в Неаполь, но они были зашифрованы, и ему пришлось отослать их домой для расшифровки. Это решение приняло иронический характер: в депешах выражалось согласие Австрии принять его собственное и Каролины предложение покинуть Наполеона, если им будет гарантировано сохранение власти короля и королевы Обеих

Сицилий. К ранней осени того же года Австрия присоединилась к русским, пруссакам и шведам в военных действиях против Наполеона, а Мюрат, который при большей удаче и чуть большем нытье мог бы присоединиться к ним, теперь вот оказался руководителем блестящих кавалерийских наскоков на своих возможных покровителей. «Видишь ли тех людей с гладкими сверху киверами? — спрашивал сержант пехоты семнадцатилетнего новобранца при начале военных действий против Австрии. — Они пятьдесят раз убегали от нас в 1794 году». И они снова разбегались, когда Мюрат в пылу боя моментально забывал о своем предательстве и возглавлял один из своих поразительных кавалерийских налетов, которые помогли выиграть битву под Дрезденом.

Но именно в Дрездене Наполеон получил сообщение о новой катастрофе в Испании. Следуя инструкции отойти к Вальядолиду, Жозеф с редким для себя оптимизмом решил остановиться и вовлечь Веллингтона в заранее подготовленное сражение под Виторией, которое и состоялось 21 июня 1813 года. Это было совершенно неразумное решение, так как англичане обладали преимуществом и в количестве солдат, и в их расположении на местности, и все это привело к самому тяжелому поражению, которое терпели французы на полуострове. Маршал Журдан, занимавший положение главного военного советника Жозефа, предупреждал его о возможных последствиях еще до того, как был сделан первый выстрел, но Жозеф продолжал настаивать на своем. Через пару часов французы были разгромлены, а Жозеф скакал по направлению к границе. Журдан, который приучился в Испании мыслить философски, заявил: «Ну что ж, вы получили свою битву, и она, как представляется, оказалась проигранной!» Но не только битва была проиграна. Вдобавок к этому бегство Жозефа было столь поспешно, что ему пришлось оставить столовое серебро, ценную коллекцию испанской живописи и ящик для расчетов с военными, содержавший 27 миллионов франков. К счастью для него, англичане оказались опытными грабителями и, внимательно осматривая королевскую карету, дали ему время улизнуть, в чем он очень нуждался, так как был плохим наездником. За несколько лет до этого, когда непобедимые французские армии ожидали сигнала для вторжения в Англию и разбили лагерь в Булони, Наполеон решил, что Жозеф в качестве подготовки к военной карьере должен пройти обучение солдатом и брать уроки верховой езды. Оправляясь от тяжелого падения с лошади при бегстве из Витории, он мог бы подумать, что его обучение в школе верховой езды было недостаточным.

Две тысячи испанских семей, которые приняли суверенитет

Жозефа, опередили его на пути через Пиренеи. Эти «жозефинос», как их презрительно называли соотечественники, не стали ждать, одержит ли король победу в этой битве. Как эквиваленту XIX века квислингам времен Второй мировой войны, им оторвали бы головы, если бы они были пойманы партизанами. После их отъезда лишь одна часть испанской нации признавала французское владычество, и это происходило на юго-востоке, где водворился маршал Сюше. Безудержное бегство Жозефа сделало неизбежным и отъезд Сюше. К октябрю англичане уже находились у французской границы, и власть Жозефа, короля всех испанцев, отошла в историю.

Один человек в Европе отказывался признать этот факт, и он был вдохновителем всего этого смятения, которое царило на полуострове со времен байоннского трюка в 1808 году. Читая депеши с информацией о поражении в Витории, Наполеон послал за маршалом Сультом, который так долго и так безуспешно мечтал о троне Испании или Португалии. Сульту было приказано выехать на юг и удерживать линию по Пиренеям так долго, как это было возможно. Он уехал в тот же день и сразу же блестяще показал себя в продолжительных арьергардных боях, которые велись и в последующую весну. Англичане в конце концов нанесли ему поражение, но до этого он заслужил у них репутацию, которая оказалась ему полезной в его преклонные годы.

Ранние победы Наполеона в Германии привели к перемирию, которое оказалось фатальным для дела империи. В октябре того же года, когда англичане уже вламывались через юго-западную границу во Францию, а коалиция численно превосходила Великую армию более чем в три раза, французам снова пришлось вступить в сражение. 16–19 октября шла четырехдневная битва за Лейпциг, известная как Битва народов. Это было самое крупное и самое кровопролитное столкновение войны, закончившееся катастрофой, которая смела французские победы, одержанные ранее в том же году. Узнав об этом, Луи, который провел лето за сочинением эпических стихов в Граце, уехал из Австрии в Швейцарию и написал своему брату примирительное письмо, предполагая, что для него наступило подходящее время вернуться в Голландию в качестве короля и помогать восстановить успехи Бонапарта с помощью сохранения лояльности голландцев к империи. Выступая с таким предложением, Луи делал два просчета. Он недооценивал веру брата в свою непобедимость и не принимал во внимание ту рану, которую он нанес гордости Наполеона, убравшись из Гааги в 1810 году. «Я скорее верну Голландию принцу Оранскому, чем пошлю туда обратно Луи», —

сказал Наполеон своей матери, изучив предложения брата, когда та попыталась вмешаться от имени своего сосланного сына. Он написал длинное письмо, выразив на бумаге свои чувства к молодому человеку, который разделял с ним скромное жилище задолго до того, как они мечтали стать королями. Подчеркивая свою решимость удерживать Голландию как часть Французской империи, Наполеон горько жаловался на поведение Луи в прошлом, напоминая мадам матушке, что в бытность ребенком он превосходил Луи по доброте, а получил в уплату за это неблагодарность и неверность своего брата. Однако, говорил он, Луи будет прощен, «если он выступит в момент опасности как французский принц в поддержку трона». Он рекомендовал Луи, если тот вернется на родину, держаться подальше от Парижа. «Пусть он живет спокойно и ненавязчиво в каком-либо отдаленном месте, — писал Наполеон. — Ему обычно нравилась Швейцария. Почему же он покинул ее?» Это было бесцельное вскрытие застарелых ран, ибо голландцы, несмотря на некоторые заслуги Луи в прошлом, уже решили, что для них было бы спокойнее пригласить принца Оранского занять пустовавший трон.

Вскоре после поражения под Лейпцигом Мюрат, извинившись перед Великой армией и раскланявшись с ней, вернулся в Неаполь посмотреть, что могло бы быть спасено из руин и действительно ли императору Австрии понравилась та деликатная ситуация, в которой оказался его зять Наполеон во время недавней кампании. По пути домой он проезжал через Швейцарию, где ему удалось встретиться с Луи, которому он дал свой братский совет порвать с Наполеоном, пока для этого еще оставалось время. Луи был угрюмым, упрямым человеком. Он снова и снова заявлял о своей ненависти к Наполеону, но одно дело сердитые слова, а совсем другое — предательство. Подобно Жерому в Вестфалии и Люсьену в Англии, Луи сохранял преданность своему клану и с возмущением отверг совет Мюрата. Гортензия была извещена о возможности возвращения Луи во Францию своей матерью. Жозефина написала ей предостерегающее письмо из Мальмезона. Всегда тактичная и сдержанная, она с похвалой отозвалась о попытке Луи загладить ссору с Наполеоном, но намекала, что такое возвращение могло бы привести к новым неприятностям для Гортензии. Свое письмо она заканчивала на любопытной ноте: «Смелее, моя дочь, чистый рассудок, подобный твоему, всегда заканчивает дело триумфом». Странно, что Жозефина, столь мудрая в делах светского общества, могла дойти до того, чтобы писать это дочери, которая рассматривала отсутствие своего мужа как благословение.

Жозеф и Жюли теперь снова вернулись в дом, который им никогда не следовало бы покидать, в Мортфонтен, замок, купленный Жозефом в дни ранних успехов его брата. Жозеф как бы проделал полный жизненный круг, и, хотя гордость его и пострадала и он не был уверен в будущем, сожаления об отъезде из Испании не удручали его. Его красивый дом стал местом встреч членов королевских семей и представителей знати, потерявших почву под ногами. Екатерина, до последнего времени царствовавшая королева Вестфалии, также пребывала там, вопреки тому факту, что отец ее был готов одолжить значительную сумму из своих средств наступавшим союзникам. Был там и великий инквизитор Испании, надеявшийся на лучшие времена и готовый предать забвению тот факт, что Жозеф запрещал инквизицию. Там же, и это весьма странно, проживала и сестра Жюли, Дезире, которая могла бы выйти замуж за Наполеона, но вышла за маршала Бернадотта, теперь кронпринца Швеции и командующего одной из четырех армий, готовившихся вступить во Францию. Дезире была единственной из них, способной выхватить корону из окружающего хаоса, так как шли разговоры о замене Наполеона ее крючконосым мужем, после того как союзники промаршируют по Елисейским полям.

1 января Луи предпринял решительный шаг и приехал во Францию без согласия императора. Он находился в тесном контакте со своей матерью, и ее слова «лишь бы только это продолжалось» не казались уже безосновательными. Мадам матушка поддерживала также переписку с Элизой в Италии и с Каролиной, теперь уже потенциальным недругом.

Фуше, бывший одно время главой наполеоновской полиции, оставался с Элизой и всячески старался убедить ее и Баччиоки придерживаться курса, который уже проводили Каролина и Мюрат. «Единственно, что спасло бы всех нас, была бы смерть императора», — говорил он ей. Но Элиза, к ее чести, не проявляла склонности подражать своей сестре в Неаполе. Вместо этого она писала матери непринужденные письма, спрашивая ее о светских новостях в Париже, письма, которые вполне могли бы быть написаны и Полиной, но казались несколько фривольными для Элизы. В те дни немного было слышно о Полине, но ей еще предстояло появиться на горизонте, когда ее брат более всего нуждался в утешении.

Наполеон, наблюдая, как подобно раскачиваемому апельсиновому дереву распадалась империя, пришел к новому выводу в отношении своей семьи. Он считал их никчемными, особенно Жозефа, своего старшего брата. И он говорил Редереру: «Я воображал, что нуждаюсь в своих братьях для создания

династии, но она в безопасности и без них. Она создавалась в центре шторма самими природными явлениями. Жозеф не может забыть, что был рожден первым. Нет ничего более абсурдного. Если бы речь шла о винограднике нашего отца, был бы другой разговор. Его интересы прикованы к женщинам, домам, обстановке. Он любит охотиться на кроликов и играть с девчонками в жмурки». Недоверие Наполеона к Жозефу еще больше возросло, когда он прочитал, какого рода компанию содержал его брат в Мортфонтене и о разговорах, которые велись там в зимние вечера. Он знал, что Жозеф не был способен на интриги, но теперь, когда дела оборачивались от плохого к худшему, Жозеф начал досаждать ему братскими советами, подобными тем, которые в прошлом давали ему Луи и Жером и которые могли бы еще поступать от них, до того как часы пробьют полночь. Жозеф, подобно маршалам, вполне насытился войной и видел, или думал, что видит, некоторые перспективы спасения империи путем принятия условий союзников. Бесполезно, однако, было настаивать, что вскоре ничего не останется для торгов с ними.

Наполеон слишком много видел проигранных и выигранных сражений, чтобы полагать, будто не было никаких шансов на поворот судьбы в его пользу. Это сам император теперь играл в жмурки, так как находился перед лицом пяти армий, ведомых двумя императорами, королем, кронпринцем и высокомерным ирландцем, который думал о своих несравненных пехотинцах как о соли земли. Людские ресурсы России, Австрии, Пруссии и Швеции находились уже на Рейне, а на юго-западе Сульт вел битву за свою жизнь с англичанами, португальцами и испанцами, уже вступившими на французскую землю. Францию же обороняли семнадцатилетние французские мальчишки, большинство из которых никогда не обучалось, как заряжать мушкет.

В декабре и начале января 1814 года Наполеон ненадолго вспомнил о семье. Луи было разрешено приехать в Париж при условии, что он прибудет как французский принц, а не как сосланный король. Количество изгнанных коронованных особ в Париже возрастало, и создатель королей находил их присутствие стеснительным, особенно когда они обращались к нему с чудовищными для Франции предложениями — провести ее границы по Рейну, Альпам и Пиренеям. Посоветовав Луи заниматься своими собственными делами и размышлять о собственных многочисленных провалах, Наполеон принялся распутывать испанский клубок. Здесь, используя то преимущество, что Фердинанд, который когда-то был избран королем самими испанцами, все еще находился под арестом в

Валенсии, Наполеон предложил, что ему следует вернуться в Испанию в качестве короля с одобрения Франции и что дружбу между двумя странами нужно укрепить браком между Фердинандом и тринадцатилетней дочерью Жозефа. Это примечательное предложение сопровождалось только одним условием — амнистией для всех испанцев, которые поддерживали Жозефа во время его пятилетнего правления.

Жозеф не был привлечен для консультаций при обсуждении этих предложений. Наполеон все меньше и меньше склонялся к тому, чтобы принимать во внимание своих братьев и сестер. Во всяком случае, Жозеф находился теперь как бы под домашним арестом, и ему было запрещено посещать Париж без особого разрешения. Уязвленный такими ограничениями, Жозеф послал свою привлекательную жену Жюли, чтобы она попыталась переубедить ее деверя. Но Жюли потерпела неудачу, и в конце концов любовнику Гортензии де Флаоту было поручено привезти Жозефа в Тюильри, где ему было сказано о восстановлении на троне Фердинанда. Либо тлевшие искры амбиций, либо желание расплатиться за недавнее унижение побудили Жозефа выдвинуть яростные возражения против такого урегулирования дел. Возникла необходимость заполучить его формальное отречение от трона, чтобы продвигать этот проект, но Жозеф начал излагать разного рода возражения против него, доказывая, что формально, во всяком случае, он все еще оставался королем Испании и мог не желать отречения. Со стороны человека, который не правил ни единым клочком испанской территории и совсем недавно был изгнан из удерживаемых лишь вооруженными силами провинций, было странно слышать такую речь, но он это утверждал, и Наполеон столкнулся с величайшими затруднениями в попытках переубедить его. 7 января 1814 года, незадолго до своего отъезда на фронт, Наполеон послал ему раздраженное письмо, объясняя различные причины восстановления Фердинанда на троне, а когда Жозеф противопоставил этому новые аргументы, император в ответном письме потребовал от своего брата на сей раз публичной клятвы в верности Марии Луизе, как регенту. «Возможно, что ты не сможешь этого сделать, — ехидничал он, — возможно, у тебя недостаточно здравого смысла! В этом случае вернись в провинции так незаметно, как только сможешь. Если мне суждено еще прожить, ты можешь быть спокоен. Если же я умру, ты будешь арестован и, возможно, приговорен к смерти. Ты станешь бесполезным для меня, для моей семьи, для своих дочерей и для Франции, и ты уберешься с моего пути. Выбирай побыстрее и решай, что ты станешь делать».

В конце концов Жозеф уступил, но, чтобы убедить его в

необходимости такого шага, потребовалось совместное давление со стороны его матери, жены и на последнем этапе — Луи. Тогда он дал согласие на сотрудничество, но лишь при условии, что сохранит свой королевский титул и всегда будет известен как король Жозеф.

Между тем свояк Жозефа, ренегат Бернадотт, освободил Голландию. Бывший король Луи, который еще недавно любил всем давать советы, начал пересматривать собственную позицию и также решил сохранить свой титул вопреки тому факту, что Голландия не хотела иметь с ним ничего общего.

Из Кельна пришло сообщение от Жерома, обещавшего вернуться во Францию и пополнить ряды лишившихся тронов Бонапартов, которые обосновались в Париже и около него. В Вестфалии все было потеряно, и карета гессенского выборщика была с триумфом протащена по улицам Касселя уже через неделю после отъезда Жерома. Бегство Жерома не было столь же недостойным, как исчезновение Жозефа, так как по крайней мере некоторые из его подданных пытались защитить столицу. Казаки появились под Касселем 27 сентября 1813 года, а Жером выскользнул из города ранним утром следующего дня в сопровождении своих телохранителей. Там не было никакого восстания (несомненно, вестфальцы полагали, что они столь же успешно могут быть ограбленными казаками, как и Жеромом), но 13 октября, вскоре после великой битвы под Лейпцигом, один из генералов Жерома вновь захватил город. В качестве награды он был произведен в графы с пенсией в 6 тысяч франков в год, хотя его шансы на ее получение были столь же сомнительны, как и возможность его суверена одолжить достаточно средств, чтобы выплачивать ее. Когда новости о катастрофе под Лейпцигом достигли Касселя, все возможности удерживать Вестфалию для Франции были потеряны, и Жером вместе со своими сторонниками, которых теперь насчитывалось около сотни, перебрался через границы Берга, последнего германского государства, где еще развевался французский флаг.

В заключительном номере «Монитор Вестфалиен» Жером объявил, что его отсутствие в Касселе будет временным и что он «уверен в поведении своих подданных, всегда отличавшихся преданностью и спокойствием». Никто не поверил в эту чепуху, и те, кто предпочитал иметь дело с Францией, отправились следом за двором в Кельн, где Жером, как обычно, оказался в денежных затруднениях и был вынужден продать свое столовое серебро и форменные одежды. Это касалось, однако, не всех его одеяний, так как, несмотря на бегство из страны, которая его отвергла, Жером цеплялся за внешние признаки своего королевского

достоинства. Вокруг частного дома, который он использовал как штаб, были расставлены вестфальские охранники в своих театральных, обрамленных золотым шитьем, туниках. Один из свидетелей, которому довелось повстречать в то время обращенный в бегство двор, рассказывал, что он напоминал ему труппу провинциальных актеров, игравших трагедию перед безразличной аудиторией.

Жерому делались предложения о сговоре с коалицией противников его брата, но он отверг их в напрасной надежде, что сам Наполеон в конечном счете прислушается к голосу разума и примет великодушные предложения мира, с которыми обращались к нему союзники еще до вторжения во Францию. Прошло еще какое-то время, прежде чем он смог заставить себя покинуть Германию, полагая, что, пока Бонапарт находится к востоку от границы Франции, не все еще потеряно, но в итоге Жером все же вынужден был уехать, написав письмо Наполеону с предложением о встрече в Майнце.

Письмо Жерома оказалось для Наполеона как бы последней каплей. Из Испании во Францию прибыл Жозеф, а за ним тянулось 100 тысяч вооруженных людей. Луи, который отказывался прибыть в Париж и получить прощение за свое отречение от трона в 1810 году, теперь приехал туда из Австрии, считая себя достаточно компетентным, чтобы давать советы о разумности достижения договоренности с противниками. Теперь там был и Жером, третий из утративших корону королей. Он предлагал встретиться, для того чтобы рассмотреть способы восстановления королевства, которое будет перераспределено между первоначальными владельцами его земель, как только союзникам хватит времени для новой перекройки карты. Наполеон одного за другим проклинал членов своей семьи и написал письмо младшему брату, запрещая ему приближаться к столице и отказываясь от встречи в Майнце.

Большинство людей, оказавшись в положении Жерома, были бы повергнуты в отчаяние этим отказом, но немногие из них располагали жизнеспособностью младшего Бонапарта. Будучи отвергнутым императором и не предвидя перспективы своего восстановления на троне в Вестфалии, Жером решил вернуться во Францию и обосноваться там в качестве мелкопоместного дворянина, подобно своему брату Жозефу. Имея в виду такую цель, он отправил письмо Екатерине с просьбой купить и обставить красивый дворец под Стайнсом и приготовиться немедленно занять его.

Известие о решении Жерома еще больше разгневало Наполеона. На протяжении всей его жизни, жаловался он, ему

мешали родственники, которые отказывались считаться с реальностью. И забывая, что сам он продолжал действовать как победитель мира, будучи всего лишь побежденным авантюристом, он продиктовал яростное письмо Камбасересу, герцогу Пармскому, выражая изумление, что «в то время, как все простые граждане жертвуют собой, защищая свою страну, король, который утрачивает трон, может быть настолько бестактным, что выбирает такой момент, чтобы создать впечатление, будто он думает лишь о своих личных интересах!». Затем он запретил Жерому приближаться хотя бы на несколько миль к этому дворцу и сказал Екатерине, чтобы она не тратила ни одного су на приведение его в порядок. Жерому же было приказано продолжать путь в Аикс-лё-Шапель, где ему и предстояло расквартироваться, если он все еще желал жить во Франции.

Жером теперь проявлял то же спокойное упорство, что и Жозеф и Луи в неблагоприятной обстановке. Он не направится в Аикс-лё-Шапель, заявил Жером, а будет заниматься обновлением своего дворца, и, как бы демонстрируя семье, что с властью Наполеона покончено, он поехал к своей матери в Париж, после чего на время ремонта замка устроил себе резиденцию в Компьене.

Наполеон смирился с такой ситуацией. А что еще ему оставалось делать? Он готовился к защите северо-восточной Франции от нападения четырех хорошо оснащенных армий, а для противостояния им имел в своем распоряжении около 60 тысяч солдат, причем половина из них состояла из новобранцев, не имевших опыта на поле боя. В первый день нового 1814 года союзники перешли Рейн и начали продвижение к Парижу.

Больше не оставалось никаких сомнений в отношении политики Каролины и Мюрата, но переговоры с союзниками в течение нескольких недель настолько занимали их сознание, что последние события потрясли их нервную систему. Австрия совершенно не желала того, чтобы дом Бурбонов был восстановлен на неаполитанском троне, но англичане выдвигали всякого рода возражения против союза с зятем и сестрой Наполеона. Тайные обсуждения все продолжались, и Мюрат чувствовал себя виновным, а Каролина разрывалась между опасениями, что муж отвернется от нее, и тревогой, что Англии удастся убедить Австрию сорвать переговоры. В конечном счете ее старания и настойчивость были вознаграждены, и 11 января, через десять дней после того, как союзники вошли во Францию, британское правительство одобрило договор, признававший союз между тестем и зятем императора. Для Каролины это был

триумф, последовавший за месяцами интриг, но Мюрат все еще приходил в ужас при мысли о возможности победы Наполеона над союзниками на севере и его вступления в Италию, с тем чтобы потребовать от него отчета. Отдавая ему должное, следует отметить, что Мюрата не столько пугала смерть как предателя, сколько публичное разоблачение его неблагодарности человеку, которому он был всем обязан. Мадам Рекамье, которая приблизительно в это время посетила неаполитанский двор, описывает любопытную сцену между Каролиной и Мюратом, свидетельницей которой она была, где живо и детально отображались дурные предчувствия сестры Наполеона. Каролина высказывала опасение, что Мюрату не хватит решимости пройти через все это, и утверждала, будто люди в Неаполе тоскуют по миру, как и каждый человек в Европе, и поддерживают ее в том, что она отворачивается от императора. Визит мадам Рекамье имел место 16 января, менее чем через неделю после ратификации договора англичанами, а на следующий день после ее возвращения во дворец она обнаружила, что королевская чета снова была вовлечена в одну из своих домашних ссор. «Волосы Мюрата были растрепаны, глаза выпучены, как у человека в нервном припадке, — повествует она, — в то время как Каролина была бледна и крайне взбудоражена. Когда я вошла в комнату, королева крутилась вокруг своего мужа и причитала: „Во имя Неба и ради своей собственной славы оставайся здесь! Не показывайся в таком состоянии!“ А затем она мне сказала: „Пойду отдать несколько распоряжений и немедленно вернусь“. Как только его жена покинула комнату, человек, который вел под Эйлау девяносто эскадронов кавалерии против русских, бросился в ноги мадам Рекамье и, схватив ее за руку, закричал: „Скажите мне, скажите мне правду! Вы, наверное, должны думать, что я вел себя бесчестно. Но ведь это не так, не правда ли?“» И он продолжал обвинять себя как Мюрата-ренегата, а в конце концов разразился слезами и закрыл лицо руками.

Мадам Рекамье, которая не испытывала любви к Наполеону, была глубоко потрясена этой сценой, но когда Мюрат опять просил ее оправдать свои поступки, она резко сказала ему, что, по ее мнению, не время покидать человека, которому он столь многим обязан. Мюрат вместо ответа показал ей на знаменитый залив, где посетительница увидела стоявшую на якоре эскадру британских судов. Но дальнейшие причитания кающегося короля были прерваны возвращением королевы, которая презрительно посмотрела на своего мужа и фыркнула: «Во имя Неба, Мюрат, помолчи или по крайней мере говори тише! В соседней комнате сотня ушей прислушивается к тебе. Не потерял ли ты способность

владеть собой?» Затем тихим голосом она снова принялась накачивать его очередной порцией самоуверенности, убеждая, что, если необходима встреча с Наполеоном, она одна и встретится с ним и сумеет защитить свое право сохранить корону, которую тот предоставил ей. К удивлению мадам Рекамье, такой подход оказал почти магическое влияние на этого преисполненного сожалений человека, который собрался с силами и поспешил выйти из комнаты. Позднее в тот же день она видела его гарцевавшим на лошади среди толпы, и выглядел он превосходно, получая шумное одобрение со стороны неаполитанских рыбаков.

Последние слова Каролины, обращенные к ее подруге, проливают подлинный свет на взаимоотношения мужа и жены. Расставаясь с мадам Рекамье, она сказала, пожав плечами: «Видишь ли? Я вынуждена быть мужественной и за него, и за себя!»

Глава 12

Я везде буду господином Франции так долго, как сохраню дыхание в моем теле.

Наполеон Жозефу, март 1814 года

Прошел двадцать один год с того времени, как Парижу в последний раз угрожало вторжение. В те дни Дантона и сентябрьской бойни почти каждый крепкий мужчина во Франции устремлялся в ополчение и маршировал на северо-восток, неся с собой оружие, выкованное в импровизированных кузницах, возникших прямо на улицах. Какой-нибудь оратор из толпы, подражавший живой республиканской риторике, мог за десять минут собрать вокруг себя целую компанию наблюдателей. Люди проходили в гражданской одежде, распевая «Марсельезу», и армии королей были в полном смятении отброшены за границы. И так могло бы произойти снова, если бы те самые волонтеры были живы, чтобы встретить вторжение 1814 года. Прибавка к их возрасту двадцати лет не составила бы большой разницы для рядовых бойцов при руководстве человека, который выиграл пятьдесят сражений, и ни одна нация в любой период своей истории не располагала более одаренными кадрами высших офицеров. Но в том-то и заключалась беда. Почти каждый выживший из республиканской армии был уже полковником, генералом или маршалом, а подавляющее большинство людей, с которыми они маршировали в прошлые времена, было мертво. Их тела покоились в столь широко разбросанных местах, как Севилья, Москва, Гамбург, и меньших городках вдоль реки Нил. Выжившие, подобно Нею, Удино, Мортье и Мармону, все еще были способны вдохновлять рядовых солдат на подвиги мужества и чудеса импровизаций, но даже в рядах высших офицеров были серьезные пробелы, так как Ланн, Дюрок, Бессьер и Понятовский были мертвы. Бернадотт присоединился к союзникам, Мюрат стал предателем, а под Лионом в резервной армии мастер дуэлей и танцев Ожеро задерживал приказы выступать с потоком извинений. Группа, окружавшая самого Наполеона, продолжала бороться, отчаянно и преданно, но не питая иллюзий в отношении неизбежного исхода, так как мужчины, которых они теперь вели за собой, были мальчишками, пребывавшими еще в колыбелях, когда Наполеон устремился в Милан в 1796 году и

одержал победу менее чем за сорок дней. Наполеон мог писать колебавшемуся Ожеро: «Я уничтожил 80 000 солдат противника с батальонами новобранцев, которые не имели патронташей, носили деревянные башмаки, и их форма была в лохмотьях… Если ты все еще являешься Ожеро Кастильонским, то можешь сохранить командование, но если на тебя тяжким бременем давят твои шестьдесят лет, откажись от него…» Но Ожеро смог прореагировать на это с не нуждавшейся в ответе логикой: «А где же теперь мужчины Кастильоне?» Занавес давно уже опустился, и, если бы кто-либо, помимо Наполеона, играл бы руководящую роль, пьеса давно бы уже закончилась и каждый пошел бы домой спать.

В конечном итоге Наполеон вынужден был верить Жозефу, так как, кроме тех, кто нужен был ему на поле боя, не имелось никого с соизмеримым положением, кому бы он мог доверять. Жозеф, как генерал-лейтенант Франции и губернатор Парижа, теперь оказался перед ситуацией более отчаянной, чем любая из тех, которые выпадали на его долю в Испании. Там ставки были относительно небольшими, но здесь они касались каждого титула, каждой почести, каждого су и каждого предмета обстановки, на которые могла бы претендовать семья, — короче говоря, самой империи или того, что от нее осталось.

Но даже теперь в столь крайнем положении Жозеф продолжал получать от своего брата письма с советами, как это было в Неаполе и Мадриде. Должно быть, Жозефу мерещилось, что его брат пребывает в каком-то гипнотическом трансе, ибо тональность его писем напоминала настроение человека, находящегося на пороге грандиозных триумфов, и он с удовольствием описывал сломленное, истощенное состояние своих противников. И более того, он требовал, чтобы Жозеф передавал подобные фантазии в форме официально инспирированных слухов. «Передавай, что противник находится в затруднительном положении и запрашивает перемирия, — приказывал он, — и растолкуй, что это абсурдно, так как при подобном обороте дел я лишился бы отвоеванных преимуществ». Жозеф, у которого было даже меньше, чем у маршалов, иллюзий по поводу безнадежности ситуации, ничего не печатал и ничего не говорил относительно последних писем своего брата. Он просто сидел, уставившись в них, как банкрот на пачку неоплаченных векселей. Затем к нему поступило последнее письмо брата, в котором тот, сравнивая свою собственную уверенность с уверенностью людей из своего окружения, добавлял в качестве приписки: «Сегодня я господин в такой же степени, что и при Аустерлице! Не позволяй никому в Париже

преувеличивать достоинства Национальной гвардии!» Никто этого и не делал. Парижане, которые уже готовили белые кокарды для прихода Бурбонов, молились за то, чтобы ничего не вышло из похвальбы Жозефа по организации обороны города, так как в противном случае русские могли бы обойтись с Парижем подобно тому, как восемнадцать месяцев назад французы обошлись с Москвой.

Но им не следовало бы тревожиться. Жозеф никогда не был претендентом на военную славу, и, приказав Жюли бежать на запад, забрав с собой детей, он вскоре последовал за ней, направившись в Рамбуйе, а затем в Шартр. Приблизительно через день у него возникли слабые угрызения совести из-за своего отъезда, и он сделал вялую попытку воссоединиться с императором в Фонтенбло, но дорога между братьями теперь была забита вражескими колоннами, которые 1 августа вступили в Париж, и Жозеф изменил свое намерение, удалившись с императрицей в Блуа на Луаре.

Маршалы приняли решение перестать притворяться, будто поток может быть перехвачен и повернут вспять. После короткого совещания делегация, состоявшая из прежних республиканцев Лефевра и Нея, вошла к Наполеону и начальнику штаба Бертье и заявила, что император должен принять те условия, которые сможет, и что разрушительной войне должен быть положен конец. Когда Наполеон ответил, что сам возьмет на себя командование войсками, Ней грубо заявил ему, что солдаты будут подчиняться своим руководителям, а Бертье, который в течение восемнадцати лет работал рядом с Наполеоном, не обмолвился при этом разговоре ни словом. Наполеону пришлось воспринять неизбежное, и двое из маршалов были посланы в Париж объявить, что он готов отречься от престола в пользу своего сына. Но для такого решения уже было слишком поздно. Мармон, старейший друг Наполеона, уже проводил свои части через линии союзников в Версаль, и всем было ясно, что даже рядовые солдаты Великой армии были готовы обменять Наполеона на мир.

Сообщения о сдаче Парижа и о предательстве Мармона подтолкнули императора к подписанию почти безоговорочного отречения от власти. В ту самую ночь он проглотил яд, но лишь вызвал у себя рвоту. Это не была серьезная попытка совершить самоубийство. Он отказался от трона и воспринял поражение потому, что у него не было альтернативы, но в глубине своего сердца он все еще верил, что какой-нибудь сверхъестественный поворот судьбы вскоре снова превратит его в повелителя Европы. Зачем же еще нужно было ему сопровождать свой акт отречения от престола условием, что каждый из его братьев и сестер должен

получать ежегодную пенсию, эквивалентную 20 тысячам фунтов стерлингов?

В Блуа все были в смятении. Ничего, кроме слухов, туда не поступало, и Жозеф, к которому теперь присоединился и Жером, предпринял сознательную попытку взять письмо с последними инструкциями из Фонтенбло и убедить императрицу и ее ребенка бежать к югу по Луаре. Она отклонила эту идею, предпочитая устремиться под покровительство своего отца, так что все они выехали в Орлеан, где и были встречены представителями провинциальных властей с достоверными сведениями об отречении. Посыльный интересовался не столько семьей Наполеона, сколько судьбой наличности и бриллиантов, которые бежавший двор сохранял при себе. Они сдали все вместе со знаменитым Регентским бриллиантом и маленьким королем Рима, и им больше ничего не оставалось делать, так как поступили сообщения, что Наполеон направляется в ссылку и что Франц, император Австрии, собирается взять свою дочь и ее трехлетнего сына под свою защиту. Итак, мрачные прогнозы мадам матушки наконец сбылись, и империя, титулы, троны и богатства исчезли подобно орудийному дыму.

Император, освободившись от своей охраны, 20 апреля направился в крохотное королевство на острове Эльба. К этому времени семья рассыпалась, бывшие короли или принцессы удалились в места, которые сулили им максимальную безопасность и комфорт, и, хотя они более двадцати лет зависели от щедрости своего брата и были обязаны ему всем, что имели, каждый из них втайне решил извлечь максимум возможного из ситуации.

Оглядываясь на падение французского правительства в 1814 году, трудно не сравнить его с тем, что случилось при почти подобных обстоятельствах в 1870-м и 1940 году. Самодержцы Европы вступили в Париж в 1814 году как победители страны, которая доминировала над ними со времен французских триумфов 1793-го и 1794 года. В последующие два десятилетия возвышения Наполеона народы Испании, Голландии, Италии и Германии стали объектом безжалостных поборов французских сборщиков налогов, опиравшихся на штыки армии. А Россия, хотя и не бывшая под оккупацией, ужасно пострадала от вторжения на ее территорию и разрушения Москвы. Принимая все это во внимание, не стоило бы удивляться, если бы вступившая во Францию коалиция была преисполнена решимости заставить ее дорого заплатить за целое поколение угнетенных и обратить против семьи Бонапарта ту мстительность, которую проявил Бисмарк в 1871 году, когда он похвалялся, что не оставит

французам ничего, кроме глаз для пролития слез. Ничего подобного не произошло. К самому Наполеону относились с уважением, а его братья и сестры ни в коей мере не были наказаны за участие в двадцатилетних кутежах за счет Европы. Все, что требовалось от них, это оставаться во Франции и воздерживаться от вмешательства в политическую жизнь.

Подобная снисходительность не проявлялась некоторыми из прежних подданных императора, и события, связанные с его переездом в свое островное королевство, являются наглядным уроком непостоянства народной любви. В рядах армии все еще были люди, готовые умереть за него, но гражданские лица, особенно на юге, придерживались иных взглядов. В некоторых случаях во время переезда Наполеона его чуть не линчевали родители и жены, которые потеряли своих сыновей, мужей, отцов и братьев, и, если бы не бдительность сопровождавших его русских, британских и австрийских офицеров, он вряд ли бы достиг Средиземноморья живым. В одном из городков Наполеон увидел свое изображение повешенным, а в другом, переодевшись в австрийского офицера, он обсуждал возможность своего убийства с девицей, служившей в придорожной гостинице.

Никто никогда не ставил под сомнение мужество Наполеона Бонапарта на поле боя, но на протяжении всей своей жизни он испытывал ужас перед толпой. И когда после нескольких бессонных ночей в дороге 26 апреля Наполеон прибыл в окрестности Ниццы, это был глубоко потрясенный человек. Там его уже ожидала одна из сестер, для того чтобы приветить и успокоить. Полина провела зиму у побережья, где она арендовала небольшой загородный дом с минимумом прислуги. Новости о том, как встречали Наполеона в пути, опережали его, и недоброжелательность населения нарастала. С балкона Полины можно было наблюдать, как люди обсуждали перспективы бурной встречи тирана. Когда он прибыл и Полина выбежала навстречу, чтобы приветствовать бледного тучного человека, выходившего из кареты, она вдруг отпрянула в изумлении, разглядев австрийскую форму, которую он носил на последнем отрезке пути. На какое-то время корсиканская гордость, характерная для всех Бонапартов, помешала ей броситься к нему на шею, и она резко сказала: «Надень французскую форму, прежде чем я тебя поцелую!» Он сразу же понял ее колебания и пошел переодеться, вновь появившись в форме Старой гвардии. Она заключила его в объятия, и этот знак привязанности, которая всегда существовала между ними, доставил ему больше удовольствия и уверенности в себе, чем любые другие личные встречи за несколько предыдущих недель. Он оставался у нее полтора дня, а в компании Полины

никто не мог пребывать долго в подавленном настроении: к нему даже возвратилась некоторая беспечность, и он прохаживался среди дворовых, вызывая тревогу за его безопасность у офицеров-союзников. У них не было причин опасаться террористического акта. Канонир, который приводил в трепет бесчисленных дипломатов, утратил свои характерные черты, и вскоре люди перестали его бояться. Затем, отдохнувший и посвежевший, с высоко поднятой головой, Наполеон погрузился на судно, направлявшееся к Эльбе, оставив Францию на расстоянии менее чем однодневной поездки от того места, где он высадился в лохмотьях и обратился к государству с просьбой о выплате субсидии беженцам.

Когда известие о поездке Наполеона на юг дошло до Жозефа, они с Жюли тотчас же уехали в Швейцарию. Швейцария и Флоренция были двумя излюбленными убежищами для Бонапартов, и Жозеф, который, по всей видимости, никогда не страдал подобно Жерому от финансовых затруднений, купил поместье под Прангинсом, вблизи Лозанны. Там при своей способности расслабляться, которая была присуща лишь старшему Бонапарту, он и обустроился, чтобы наслаждаться прекрасными видами Альп и писать доброжелательные письма с советами своим братьям и сестрам. Было что-то весьма забавное в том, что Жозеф внезапно взял на себя обязанность советника семьи. Многие годы он тонул в потоке советов и порицаний. Каждый курьер, скакавший в Италию и Испанию, привозил ему многие страницы мелко исписанных инструкций о том, что делать и чего не делать и как вести себя в качестве посла или короля. Даже когда он был молодым человеком, замышлявшим переход из Церкви в армию, над ним довлел его надоедливый брат, и, когда Наполеон стал главой государства, потоки советов и критики не прекращались. Теперь все изменилось. Жозеф снова стал провинциальным господином, хорошо устроившимся для того, чтобы поддерживать личный контакт с каждым лояльным бонапартистом, в то время как его брат был заточен на острове в окружении шпионов пяти стран. Наполеон не замедлил увидеть преимущества такой ситуации и во время своего десятимесячного пребывания на острове Эльба в полной мере использовал Жозефа как парламентера, причем тот вступал в переговоры с исключительным усердием. Он писал Наполеону обо всем, что происходило или могло произойти на материке, а Наполеон относился к его информации с серьезностью, которая должна была вызвать благодарность. В письме, написанном в июле, изгнанник обсуждал поведение своего зятя Мюрата, все еще

торжественно восседавшего на самом краю неаполитанского трона. «Пошли кого-нибудь к нему со всей поспешностью, — писал он, — и откровенно опиши ему порочность его поведения. Напиши также королеве о ее неблагодарности, которую ничто не может оправдать и которая возмущает даже союзников». Жозеф повиновался, и сочинение подобных писем, очевидно, приносило ему удовлетворение. Другая тема, по которой Жозеф писал длинные письма, касалась различных заговоров против жизни императора, и это вовсе не были выдумки, так как за кулисами политической сцены были люди, которые многое бы отдали, чтобы увидеть императора мертвым. Существовало также немало авантюристов, готовых поработать для заговорщиков, если бы те стали платить наличными и гарантировали бы, что их не арестуют. Одним из таких людей был наш старый знакомый Марбрей, который за несколько лет до этого использовал кнут против своей любовницы и ее возлюбленного. Марбрей снова приобрел известность в первые дни реставрации, привязав значок ордена Почетного легиона к хвосту своей лошади. Он также получил печальную известность трусливым нападением на жену Жерома, Екатерину, когда с бандой головорезов скрылся с ее наличностью и драгоценными камнями. По-видимому, он пользовался протекцией в высших сферах, ибо, когда Екатерина пожаловалась Людовику XVIII, ее драгоценные камни и часть денег были ей возвращены, но Марбрей остался ненаказанным. Можно почти с определенностью сказать, что этот человек был нанят для такого дела и что он участвовал в заговоре с целью убийства Наполеона во время его поездки к побережью. В двух случаях Жозеф смог предостеречь Наполеона о планах предполагаемых убийств. В результате все подозрительные личности на Эльбе были арестованы до того, как попытка убийства могла быть совершена. Весьма вероятно, что за этими заговорами стояли члены «Туте ндбунда», германского националистического движения, и что ни одна из великих держав не была в них вовлечена.

Единственные среди членов семьи Бонапарта, которые продолжали удерживать власть, Мюрат и его жена, обнаружили, что роль ренегатов имеет свои недостатки. Никто не доверял им, включая, конечно, и их австрийских друзей, и их предательство послужило поводом для ненависти со стороны всех бонапартистов. Оно также стоило Каролине хорошего мнения ее матери, так как мадам матушке было трудно простить такую неверность по отношению к семье. По прибытии в Рим вскоре после отречения Наполеона от трона пожилая женщина получила в подарок восемь прекрасных лошадей из королевской конюшни

Неаполя. Она вернула их со словами: «Я прихожу в ужас от предателей и предательств». Но Каролина была исключительно толстокожей женщиной и возобновила попытки к примирению, заявляя, что происшедшее не ее вина, что она не имела никакого отношения к дезертирству Мюрата и что «она была не способна командовать своим мужем». Мадам матушка редко смеялась, но, должно быть, она заулыбалась от подобных извинений, и, если верить корреспонденции Наполеона по этому вопросу, она ответила: «Только через твой труп смог бы твой муж порвать с твоим братом, твоим благодетелем и твоим господином».

В области политики не все шло хорошо для короля и королевы Неаполя. Их договор с Австрией не был утвержден, и их положение было крайне неопределенным, в то время как Папа продолжал настаивать на возвращении неаполитанских Бурбонов. Зловещая прокламация, которую выпустил Мюрат, когда покинул императора, возмутила даже тех, кто желал распада империи ради спасения Франции от гражданской войны. В этом листке Мюрат заявлял, что он «вынужден был выбирать между преступлением и добродетелью». Наполеон, который установил действительную предательницу, исходя из этого извинял Мюрата за участие в такой афере. На острове Святой Елены он несколько лет спустя писал: «Я всегда знал, что у Мюрата дурная голова, — и добавлял: — Но я думал, что он предан мне. Это Каролина оказалась у основания предательства».

Жером, успокоенный по условиям отречения перспективой получения регулярных доходов, последовал в Швейцарию за Жозефом, когда в Париж вернулись Бурбоны. Не возникло бы большого шума, если бы Екатерина использовала эту возможность, чтобы расстаться с ним, так как его репутация распутника стала притчей во языцех в Европе. Но Екатерина была такой женой, впрочем, вполне обычной, которая легко относилась к отдельным случаям неверности со стороны своего добродетельного мужа. Когда ее отец приказал ей покинуть Жерома и вернуться в Вюртемберг, она отказалась, изложив причины этого в письме, которое в какой-то мере объясняет, почему мадам матушка считала Екатерину своей любимой снохой. «Выйдя замуж за короля, не зная его, под влиянием эпохи крупных политических интересов, я привязалась к нему, — писала она своему отцу. — Я ношу теперь в своем чреве его ребенка. В течение семи лет он делал меня счастливой самым любезным и добрым поведением, но даже если бы он был наихудшим из мужей и сделал бы меня несчастной, я не стала бы покидать его в беде. Я никогда не буду отделять свои интересы от его. Моя решимость на такой случай крепка: она вызывается как

привязанностью, так и честью». Письмо это воздает должное Екатерине и помогает понять, почему Жером вопреки своему распутному образу жизни, своей безумной экстравагантности и чувственности пережил все взлеты и падения, не приобретя врагов.

Семья Екатерины, особенно ее брат, которого всегда радушно принимали в Вестфалии, прилагала все силы, чтобы заставить ее передумать, но она не сделала этого, и, когда давление на нее стало невыносимым, Екатерина обратилась к царю с просьбой предоставить паспорта для поездки в Швейцарию. Александр, всегда проявлявший благосклонность к дамам в беде, предоставил их. Но Екатерине пришлось прервать поездку, так как она была ограблена Марбреем. Екатерина сидела во дворе гостиницы и наблюдала, как распаковывали ее дорожный багаж, а когда воры ускакали вместе с ее деньгами и драгоценностями, она написала разгневанное, полное достоинства письмо царю. Александр, разъяренный тем, что к женщине с его паспортом могли отнестись подобным образом, велел арестовать Марбрея и его соучастников и возвратить драгоценности и деньги. К счастью для бандитов, они были освобождены из-под стражи до того, как группировка Бонапарта снова захватила контроль над страной.

Между тем Екатерина продолжила свою поездку в Швейцарию, и на своем пути она встретила императора, отправлявшегося в ссылку. Они нежно обнялись, и Екатерина была глубоко растрогана этой встречей. После непродолжительного пребывания в Швейцарии Жером и Екатерина перебрались в Триест и жили там, когда новости о побеге императора стали распространяться на улицах.

Луи не последовал совету своего брата удалиться в Швейцарию и направился в Рим, а затем во Флоренцию, где и устроил себе дом. Свое время он занимал пересмотром поэм и романов, которые написал во время ссылки в Австрию, но в то время его внимание занимала и более важная задача: склочное судебное дело, возбужденное против его отдалившейся жены Гортензии относительно местопребывания двух их сыновей, все еще продолжавших жить со своей матерью во Франции. У Гортензии не было желания расставаться со своими сыновьями и еще менее воссоединиться со своим мужем, к которому она питала отвращение. Поэтому судебное дело продолжало тянуться, пока суд не принял решения в пользу отца, которое, однако, не было проведено в жизнь, так как с возвращением Наполеона все мысли об отъезде мальчиков из Франции были забыты, и Луи, размышляя о своих ошибках, оставался в одиночестве во Флоренции.

Лето 1814 года было печальным для Гортензии. Незадолго до отъезда Наполеона в ссылку в Мальмезоне совершенно неожиданно умерла Жозефина. Брошенная за ненадобностью женщина наслаждалась коротким бабьим летом популярности после отречения Наполеона и в своей роли отверженной жены получала покровительство всех властвующих особ и высокопоставленных офицеров, которые прибывали в Париж как победители. Сам царь посетил ее, а также король Пруссии, и постепенно замок Жозефины стал местом встреч для всех примечательных лиц столицы. Затем 29 мая она заболела дифтеритом и через четыре дня умерла. Царь вел себя в отношении ее горевавших сына и дочери настолько хорошо, что Наполеон по возвращении стал рассматривать пребывание Гортензии во Франции как акт личной нелояльности к нему.

Со смертью Жозефины длительная ссора между семействами Богарне и Бонапарт могла бы и завершиться, если бы не подобие затяжной войны, которая велась между Гортензией и Луи за обладание детьми. И ссора продолжалась в минорном ключе. В своих мемуарах Гортензия несколько раз весьма нелестно отозвалась о мужчинах и женщинах, которые так долго и так упорно пытались сокрушить ее мать. Финальные почести в этой грязной склоке отдавались Жозефине, поскольку в день начала болезни она должна была быть принята царем, который в большей мере, чем другие, понизил Бонапартов с уровня правящих суверенов до уровня государственных пенсионеров.

Никто так сердечно не приветствовал завершение войны, как Люсьен. На протяжении более чем трех лет он был светским львом сельского Ворчестершира и Шропшира. Он писал и ставил пьесы, отшлифовывал стихи своих эпических поэм, разрабатывал схемы образования для членов семьи, извлекая все лучшее из своего комфортабельного задержания в Англии. Тем не менее ему действительно наскучила жизнь, и он начал уставать от пытливых провинциалов, которые посещали его, и тосковал по утонченному обществу Рима и по солнечному свету Италии. Через день после того, как его достигло известие об отречении Наполеона, он написал письмо Пию с просьбой о присвоении ему папского титула, и его святейшество сделал ему такое одолжение, превратив Люсьена в князя Канинского и отметив, что он сможет, если захочет, с почетом возвратиться в Италию. Люсьен был преисполнен радости. Он упаковался, подготовил к отъезду домочадцев и незамедлительно отправился в Рим. И там, впервые за многие годы, он смог обнять различных членов семьи, включая свою мать, Луи и Каролину. Все они были рады приветствовать

его возвращение в семейный круг. Он располагал большим состоянием, чем любой из них, исключая Жозефа, и вскоре после приезда посвятил часть своей неуемной энергии выплавке железа. Именно этот его интерес оказался способен сократить разрыв между двумя братьями, так как Эльба была богата залежами железной руды, и Люсьен писал новому властелину этого острова о поставках руды для использования в его печах. Обмен деловыми письмами заложил основу для примирения, и прежняя ссора, погребенная под тяжестью катастроф, которые обрушились на семью, была предана забвению. С тех пор только Луи, как прообраз семейного повстанца, оставался на определенной дистанции от Наполеона.

Элиза в очередной раз вынашивала новую обиду по отношению к своей сестре Каролине. Когда Мюрат заявил о своем переходе к союзникам, его войска вступили во владения его свояченицы, и Элиза была вынуждена искать убежища в Болонье, где была захвачена австрийцами. Присутствие мадам матушки, поддержанной извечным приспешником семьи дядюшкой Фешем, привело всех к примирению на время нелегкого периода, который последовал за отречением, и личные ссоры были забыты при столь значительном ухудшении семейной судьбы. Впрочем, вопреки общей амнистии Элиза с трудом восприняла выживание Каролины как королевы ввиду своих собственных утрат в титуле и доходах.

В октябре, когда Европа начала успокаиваться и великие державы были заняты разматыванием клубка, в котором запутались европейские дела после первых триумфов французов в Италии, приблизительно за двадцать лет до этого, Полина сдержала свое обещание разделить ссылку с Наполеоном и присоединилась к своему брату и мадам матушке на Эльбе. У нее, вероятно, было меньше оснований благодарить его, чем у любого из ее братьев и сестер, но у Полины было самое горячее сердце в семье, и она искренне жалела Наполеона. Ее прибытие на Эльбу стало сенсацией, и вскоре маленький остров был окутан вихрем балов и карнавалов, которые приводили в ярость простых островитян, уже разоренных реформами нового правителя. Наполеон был в восторге от компании своей сестры, и на основании перехваченного с Эльбы письма клеветники доказывали, будто между братом и сестрой существовала кровосмесительная связь. Полина, как отмечалось, ссылалась на усталость от жизни на острове и жаловалась на нехватку любовников, заявляя: «С тех пор как я пребываю здесь, у меня был только этот испорченный старый мужчина». Группировка Бурбонов всячески раздувала это замечание, но те, кто принимал

его за чистую монету, были, вероятно, не знакомы с редким чувством юмора Полины. Во всяком случае, эти слова дошли до нас через Мунье, бывшего секретаря, который заполучил их от Бужно, агента полиции. Из-за таких сомнительных источников подобная клевета отвергалась большинством историков.

Бурбоны славились своей глупостью еще до Революции, но по возвращении во Францию их бестактность и высокомерие превзошли все ожидания. За двадцать с лишним лет их отсутствия страна взрастила поколение героев, многие из которых были еще живы. По условиям перемирия во Францию вернулись триста тысяч военнопленных, среди них были и ветераны, внесшие свой вклад в триумфы Аустерлица, Йены и Ваграма. И эти люди, которые имели почет и уважение империи, теперь превратились в изгоев, радующихся тому, что им удавалось освободиться от надзора полиции и заработать на кусок хлеба. Маршалы империи, чьи имена стали легендарными еще при их жизни, подвергались оскорблениям со стороны эмигрантов и вынуждены были терпеть унижения и видеть слезы своих жен из-за презрения аристократов, отсидевшихся за границей во времена Террора. Обескураженные и рассерженные рядовые армии вскоре разочаровались в законности власти и собирались в кафе, чтобы поговорить о великих днях, вспомнить русскую кампанию, катастрофы в Испании и Германии. И все это время человек на Эльбе и сотни его агентов, разбросанных по Франции и Италии, наблюдали и прислушивались, ожидая шанса для превращения народного недовольства в восстание против королевской семьи, восстановленной на троне при помощи иностранных штыков. От Люсьена в Италии пришло известие, что итальянцы на севере относятся недоброжелательно к восстановленным Габсбургам, а Мюрат, опасаясь, что его договор с Австрией не будет утвержден, задавался вопросом, что ему и Каролине предстоит делать, если в один прекрасный день Франция пригласит Наполеона обратно в Париж. Жозеф, спокойно проживавший в Швейцарии, подтверждал такие сообщения, а Жером в Триесте продолжал пользоваться услугами трех камергеров, несмотря на то что остался почти без средств. Луи жил по-прежнему, бормоча угрозы в адрес женщины, лишившей его детей.

Каролина и Мюрат делали все возможное, чтобы вновь обрести доверие бонапартистов, в который раз объясняя, что они были вынуждены присоединиться к врагам Франции. Полина, которую никогда не интересовала политическая жизнь, развлекала Эльбу своим умом и салонной грацией. В Вене

державы-победительницы спорили и пререкались, будто не сознавая, что они восстанавливали старые порядки на вершине действующего вулкана. Затем к испугу парламентариев, восторгу ветеранов и удовольствию всех незаинтересованных это случилось. В ночь на 26 февраля несколько сот человек, вся армия Эльбы, были тайно погружены на небольшие суда, и к 1 марта, менее чем через одиннадцать месяцев после своего выдворения из Франции, Наполеон высадился близ Канн и начал продвижение к Парижу. Полина все же оказалась вовлеченной в политику. В ту ночь, когда Наполеон и его гвардия выскользнули с острова, она дала великолепный бал, который ввел в заблуждение каждого вражеского агента на острове.

Никогда еще не было более дерзкой авантюры. Даже нападение на Египет или переход через Альпы не сравнимы с ней, азартной игрой, в которой ставки означали все или ничего. Возможно, лучшая иллюстрация продвижения Наполеона на север может быть обнаружена во французской газете, которая суммировала реакцию французской прессы. Вот календарь событий, как он публиковался в то время.

25 февраля: Искоренитель подписал наступательный и оборонительный договор, но неизвестно с кем.

26 февраля: Корсиканец покинул остров Эльба.

1 марта: Бонапарт высадился в Канне с одиннадцатью сотнями человек.

7 марта: Генерал Бонапарт занял Гренобль.

10 марта: Наполеон вступил в Лион.

19 марта: Император сегодня достиг Фонтенбло.

19 марта: Его императорское величество завтра ожидается в Тюильри.

Повсеместно разные люди окружали его, но немногие делали это столь быстро и безоговорочно, как его семья, это сборище бывших королей и имперских принцесс, которые во время его отсутствия уже начали скатываться в безвестность.

Жозеф, Люсьен, Каролина и Мюрат, несомненно, сознавали намерение Наполеона при первой же возможности выступить с претензией на трон Бурбонов, но у них не было предварительных

сведений о времени и месте такого мероприятия. Первые надежные известия о происходящем достигли их, когда Наполеон вошел в Гренобль и покатилась волна восторгов. Жозеф тотчас же начал действовать. Он написал письмо Мюрату, убеждая его объявить войну своим новым австрийским друзьям, а затем направился в Париж, чтобы прибыть туда всего через два дня после вступления в город Наполеона. Жюли, его жена, была уже в столице. Она приехала незадолго до отбытия Наполеона с Эльбы, чтобы восстановить собственность на их замок Мортфонтен, поэтому оказалась на месте, чтобы приветствовать императора, когда тот прокладывал себе путь через восторженные толпы к Тюильри в ночь на 20 марта, в четвертую годовщину рождения короля Рима. Люсьен прибыл вскоре после этого, и, как представляется, мало что было сказано о продолжительной ссоре между братьями. Жозеф снова занял свое место в палате пэров, и Люсьен мог бы присоединиться к нему, если бы какой-то педант не отметил, что Люсьен никогда не был действующим имперским принцем и поэтому-де не обладал достаточной квалификацией, чтобы заседать среди избранных. Эта увертка могла бы прежде вызвать гнев семьи, но теперь она прошла незамеченной. Люсьен довольствовался тем, что возобновил свою деятельность в палате депутатов, где и взял на себя работу по укреплению интересов Бонапарта. На протяжении нескольких последующих недель и он и Жозеф подобно скалам противостояли сталкивающимся течениям общественного мнения.

Бросок Жерома в Париж был отмечен некоторыми происшествиями. Услышав знаменательные новости в своем пристанище в Триесте, он попрощался с верной Екатериной (которая только что после семи лет супружеской жизни подарила ему наследника) и направился в Неаполь, где встретил свою мать и сестер. Затем он по какой-то необъяснимой причине поехал во Флоренцию и там с трудом избежал австрийского плена. Уклонившись от австрийцев, он опять проехал в Неаполь, и после совещания с матерью и дядюшкой, кардиналом Фешем, все трое решили рискнуть вернуться во Францию морем, используя наименее опасный вариант. Они проехали через Корсику, увернувшись от британских патрульных судов, и высадились в том самом месте, где 1 марта ступил на берег Наполеон.

Поездка Жерома на север стала повторением триумфального шествия его брата. Вокруг него толпились люди, а в Лионе он натолкнулся на Барраса, человека, который возглавлял Директорию в дни, предшествовавшие перевороту 1799 года. Старый интриган был раздосадован тем королевским достоинством, с которым держался Жером, проходя сквозь

волнующиеся толпы и восклицая: «Ага, мы, Бонапарты, снова идем на поправку!» Достигнув Парижа в сопровождении матери и дядюшки, бывший король Вестфалии с большой сердечностью был принят своим братом. Все прежние разногласия были забыты при драматических обстоятельствах объединения семьи, и на встрече в Шамп-де-Мей трое братьев поддерживали императора. Жозеф и Жером как короли сидели справа от него, а Люсьен, старый республиканец, — слева. Три сестры остались в Италии. Каролина безуспешно пыталась поднять воинственный дух у неаполитанцев. Можно лишь догадываться, что думала об этой последней авантюре мадам матушка и согревал ли ее сердце вид ее детей, снова трудившихся в гармонии. До того как Наполеон покинул Эльбу, он спросил у нее совета, и она загадочно ответила: «Следуй своему предназначению, мой сын». Из всех ее детей только Луи оставался в стороне во Флоренции, непреклонный в своем отказе вернуться. Но даже он написал Наполеону длинное, помпезное письмо, которое ссыльному на острове Святой Елены приходилось вспоминать с саркастическим удовольствием. «Это был почти ультиматум, — размышлял там Наполеон, — излагавший условия, при которых он мог бы вернуться!» И подобно ультиматуму эти условия были отклонены, ибо Луи требовал, чтобы ему было разрешено развестись с Гортензией, а Наполеон и слышать об этом не хотел. Он предпочел примириться с утратой дружбы с Луи и объявил, что поведение его брата «было вызвано хроническим состоянием его здоровья, которое деформировало его внешность и вызвало у него односторонний паралич».

Луи мог бы быть сброшен со счетов как мизантроп, а хорошие советы по поводу сложившейся ситуации с готовностью предлагались Жозефом и Люсьеном, причем оба они убеждали Наполеона упредить реакцию великих держав путем нового отречения от престола в пользу его четырехлетнего сына. Вначале Наполеон был склонен согласиться с ними, отмечая, что он возвратился во Францию не как завоеватель, который хочет вновь поставить Европу вверх ногами, а в качестве гаранта завоеваний революции. Возникали, однако, значительные трудности на пути принятия советов его братьев. Король Рима был теперь тщательно охраняемым узником в руках своего австрийского деда, и поступило известие, что Мария Луиза не желает возвращаться к мужу, так как ему неверна и утешилась с человеком, специально приставленным к ее домашнему хозяйству. Этим человеком был одноглазый австрийский кавалерист по имени Нейперг, а лицом, которое дало ему поручение соблазнить Марию Луизу, был Франц, отец его жертвы, самодержец, который однажды описывал

Наполеона как «бестию Апокалипсиса». В таких условиях у Наполеона не было иного выхода, кроме как уступить настойчивому требованию большинства своих сторонников и отказаться от плана своего отречения в пользу сына. Он вынужден был также защищаться, потому что Англия и Пруссия оставались его непримиримыми противниками и их армии уже были на марше.

И Наполеон принялся за реорганизацию армии с привычной энергией бывшего военнопленного, который потерпел неудачу с английскими судами и германскими крепостями, противостоявшими его орлам во всем своем множестве. Во главе одной из дивизий ветеранов он поставил Жерома, предоставив ему третий шанс завоевать славу на поле брани.

Это было довольно второстепенное назначение дивизионным генералом под руководством командующего корпусом Релье, но Жером не жаловался. Подобно Люсьену, он понимал чрезвычайность момента и поэтому смог проглотить свою обиду ради общего дела.

Прежде чем уехать из Парижа для пробы сил к югу от Брюсселя, Наполеон, простивший Гортензии ее флирт с царем, отвел в сторону свою падчерицу и предложил ей предпринять прощальную поездку в Мальмезон, где за десять месяцев до этого умерла Жозефина. Вместе вошли они в замок, но у двери в комнату, где скончалась его жена, Наполеон попросил Гортензию подождать и вошел туда в одиночестве. Когда он выходил, она заметила, что его глаза были красными от слез.

И снова он был в пути, на дороге в Шарлеруа, чтобы вбить мощный клин между Веллингтоном и Блюхером. За ними, главными его противниками, располагались армии царя и австрийцев, а к северу находилась шведская пехота ренегата Бернадотта, свояка Жозефа. Толпы приветствовали Наполеона, когда он покидал Париж, но в городе было много сомневающихся и немало потенциальных предателей. Об этом ему было известно, и он, как только мог, проявлял бдительность в отношении реакционеров. Жозеф и Люсьен остались в Париже, чтобы поддерживать сплоченность тонкого слоя политических соратников императора. Военное министерство возглавлял один из имперских маршалов, чья деятельность доказывала, что ему можно доверять вне зависимости от того, какое на него оказывалось давление. Там, удерживая Париж под своим бдительным оком, находился Железный маршал Даву, твердолобый сторонник жесткой дисциплины, который вынуждал Жерома передавать весь свой доход для оплаты французских

гарнизонов в Вестфалии, а позднее сопротивлялся всем уговорам Бурбонов покинуть человека, которому он служил верой и правдой с того времени, как французы гнали мамелюков вверх по Нилу в 1798 году.

Среди руководителей наиболее оснащенной армии, когда-либо направляемой в бой Францией, оставалось немного командиров, которым можно было доверять. Сульт, упрямый защитник Пиренеев, служил в качестве начальника штаба, и Ней, герой отступления от Москвы, командовал крылом армии. Сюше был на юге, Мортье оставался верен, но лежал с ишиасом, остальные же занимали нейтральную позицию или находились в оппозиции к Бонапарту, а многих маршалов уже не было в живых. Из членов семьи Наполеона только Жером скакал рядом с ним, и он продвигался к тому времени и месту, где бой одного дня приведет к длительному пути реабилитации его как мужчины, солдата и брата.

14 июня крыло армии Наполеона разгромило пруссаков под Линьи, в то время как группировка Нея остановила англичан под Катр-Бра, в нескольких милях оттуда. Корпус генерала Релье активно участвовал в этом сражении, а во главе дивизии, находившейся под обстрелом британских мушкетеров, действовал Жером, который вел себя в этот день как солдат передовой линии. Снова и снова дивизия Жерома атаковала расположение британских частей, нанося и неся жестокие потери. Среди убитых во вражеских рядах оказался герцог Брауншвейгский, чье наследственное владение было отобрано у него для образования Вестфальского королевства. В 1809 году этот герцог вел свой Легион мести в эпическом марше через Германию к морю и улизнул в Англию в ожидании лучших времен. Итак, Жерому в конце концов удалось свершить отмщение, ибо именно успех герцога Брауншвейгского когда-то столь разгневал Наполеона, что надолго разрушил дружбу между братьями. Но все же успех под Катр-Бра, несмотря на огромные потери, понесенные англичанами, не означал победы над ними, и смешанная армия Веллингтона отступила на плато Мон-Сен-Жан. Жером после перевязки раны удалился с поля боя и поужинал в расположенной поблизости гостинице «Король Испании».

Именно там к Жерому подошел какой-то официант, передавший ему обрывок случайной информации, которая при продуманном использовании могла бы изменить ход истории. Накануне в той же самой гостинице обедал Веллингтон, и официант слышал, как английский камергер упоминал, что британские части надеялись соединиться с пруссаками в лесу Суажне. На следующий день, когда Наполеон завтракал в Лё-

Кельу, Жером явился к нему с таким сообщением, но Наполеон, убежденный, что нанес тяжелое поражение прусской армии под Линьи и разбросал ее, отверг эту информацию как недостоверную. Два крыла французской армии соединились, и был отдан приказ наступать на Брюссель.

Поведение Жерома на поле боя под Ватерлоо характеризовалось бы как исключительно мужественное, будь он младшим офицером, но как генерал дивизии он был уж слишком преисполнен энтузиазма. Корпусу Релье, которому он подчинялся, была поставлена задача демонстрационных действий против замка и передового поста на правом крыле британских позиций, но этой атаке никогда не придавалось большее значение, чем отвлечение внимания противника, в то время как основной удар французов планировалось нанести против центра позиций Веллингтона. Замок оборонял сильный гарнизон, и, когда стала наступать 6-я дивизия, руководимая лично Жеромом, она была встречена шквальным огнем. Бодуин, командовавший 1-й бригадой, был сразу же убит, но Жером продолжал продвигаться, пока его солдаты не захватили Угумонский лес и фруктовый сад, который был очищен от противника после часового боя. В час дня, через два часа после начала основного сражения, французская пехота была уже в тридцати шагах от стен замка, и Жером достиг поставленной перед ним цели. Все, что нужно было ему теперь делать, сводилось к укреплению своих позиций при сохранении вовлеченности в бой правого крыла англичан. Но слава избегала его слишком много лет, и необузданный оптимизм одержал верх. Вопреки совету начальника штаба он бросил своих людей в новую яростную атаку, подтянув 2-ю бригаду и направив оставшихся из 1-й бригады налево для флангового боя. Рукопашная борьба в воротах замка Угумон и вокруг них стала самой бешеной схваткой в тот день. Несмотря на большие потери, французы продвигались к стенам и фактически отвоевали ворота, но, вступив во внутренний двор, были почти полностью перебиты. А когда две роты колдстримских гвардейцев поспешили на помощь подвергавшемуся натиску гарнизону, французам пришлось отступить в лес, оставив под стенами замка половину своих солдат.

Сосредоточив внимание на нанесении основного удара, Наполеон не вызывал к себе Жерома до тех пор, пока почти весь корпус Релье не оказался втянутым в битву и начавшаяся как ложный маневр атака на Угумон не превратилась в основное сражение. Ярость атаки продолжала нарастать всю вторую половину дня, и сам замок и большинство прилегавших к нему

фермерских зданий уже были сожжены, а гарнизон загнан в часовню и коттедж садовника. Цена, уплаченная атакующими за этот частичный успех, обернулась потерей жизненно важных французских резервов и вытекавшей из этого неспособностью Нея прорвать центр позиций Веллингтона. Неистово напирая на плато к вечеру того же дня, герой отступления из России посылал срочные запросы о выделении ему подкреплений, но Наполеон, поглядывая через плечо на горевший Угумон, бросил: «Резервы? Где же он думает их найти?» Провал этого натиска и катастрофические последствия всего дня для исхода битвы в целом не были, однако вызваны исключительно некомпетентным командованием Жерома. Часть вины падает на Релье, ибо, как командир корпуса, он должен был избегать излишних потерь. И вне зависимости от опрометчивости рядовых, отмеченных многочисленными старыми шрамами и жаждавших расплаты, возникает и другой фактор, который следует принять во внимание. Как бы то ни было, поведение Жерома в тот день во многом способствовало раскрытию его характера, и история о его отваге при Ватерлоо превратилась в легенду.

В длинном письме своей жене вскоре после битвы Жером излагает реакцию Наполеона на его поведение и отмечает, что император воскликнул: «Невозможно было сражаться лучше! Теперь, когда твоя дивизия сократилась до двух батальонов, оставайся в ожидании приказа направиться туда, где может возникнуть опасность!» Это было яркое замечание человека, втянутого в борьбу не на жизнь, а на смерть, но Наполеон, несомненно, был в восторге от того, что в последние минуты Жером проявил себя как герой.

Требовалось, однако, нечто большее, чем героизм одного человека, чтобы спасти этот день для Наполеона. К сумеркам великолепная кавалерия имперской армии была смята в бесполезных атаках на британские части, а оставшиеся резервы были отброшены при попытках приостановить наступление Блюхера на правое крыло французов. Заключительный бросок Старой гвардии закончился провалом, и к десяти часам начался разгром. Победители под Аустерлицем, Йеной, Фридландом и Ваграмом устремились по дороге в Шарлеруа с криками. «Спасайся кто может!»

В заключение, для красочного описания той панической ночи, обратимся снова к письму Жерома Екатерине, написанному во время отступления. Там говорится: «Императора увезли, и не было никого, способного отдавать приказы. На следующий день я достиг Авеснеса, находясь в арьергарде с одним батальоном и одной ротой. Не обнаружив там ни императора, ни маршалов,

которые уехали до этого, я предпринимал неслыханные усилия для восстановления остатков армии и в конце концов преуспел в том, чтобы вновь собрать 18 000 пехоты и 3000 кавалерии с двадцатью орудиями, с которыми 21-го я и прибыл в Лион». Там командование принял на себя Сульт, и Жером направился в Суассон, а затем в Париж, где уже распространялись новости о втором отречении Наполеона в пользу его сына. По пути измученный и почти бездыханный бывший король Вестфалии получил письмо с похвалой в отношении его поведения на поле боя. Его автором был маршал Даву, который когда-то досаждал ему, отбирая доходы с его сказочного королевства.

Глава 13

Я вижу одного человека между нами и миром, позвольте ему говорить, и страна будет спасена!

Из обращения Лакоста к палате депутатов, июнь 1815 года

21 июня, через три дня после битвы, в Париж вернулся трясущийся, истощенный, в полуистерическом состоянии человек без армии и, если не считать нескольких перепачканных офицеров и немногих престарелых генералов, даже без охраны. Он уже поговаривал об отречении, и это происходило в третий раз на протяжении пятнадцати месяцев. На утро после катастрофы Наполеон писал Жозефу из Филипвилля со свойственным ему налетом фантазии: «Не все еще потеряно… Когда я соберу свои силы, у меня будет 250 000 человек, я использую ломовых лошадей для переброски орудий… завербую 100 000 человек с помощью воинской повинности и вооружу их мушкетами, отобранными у роялистов». Но вот теперь у него наступила реакция, и он видел будущее таким, каким оно было, омраченным распадом и поражением. В тот момент ему не нужен был совет, как лучше встретить новое вторжение, он мечтал о ванне, причем о горячей ванне, которая так часто восстанавливала его силы в прошлом. Наполеон направился в дом Каленкура, человека, который был его компаньоном при фантастическом санном броске через Европу в 1812 году, и, пока он купался, Каленкур собрал имперский совет, чтобы обсудить, что следовало бы и можно было бы сделать.

Жозеф и Люсьен прибыли незамедлительно, первый безоговорочно преданный, а второй в состоянии подавленного волнения, которое напоминало окружавшим Люсьена, сумевшего в 1799 году прорвать напряжение брюмера. Жозеф говорил очень мало, но Люсьен горячо разубеждал своего брата в целесообразности отречения, советуя ему распустить обе палаты и назначить себя верховным диктатором с прямым доступом к нации. Было довольно странно, что Люсьен, твердолобый республиканец, мог давать такой совет, но еще более странным выглядело то, что Карно, бывший заговорщик против Робеспьера, мог поддерживать это предложение. Наполеон выслушивал все это, отклонив предложение лично появиться перед палатой

депутатов и почти склоняясь к идее покончить со всем этим путем отречения в пользу своего четырехлетнего сына, пленника Вены. Палаты, говорили ему, были в состоянии хаоса, причем депутаты останавливали каждого беженца с Ватерлоо, пытаясь понять размеры катастрофы. Некоторые говорили, что уже все потеряно и никаких французских войск не оставалось между Парижем и англо-прусской армией. Другие доказывали, что маршал Груши все еще командует шестьюдесятью тысячами солдат и что Сульт и Жером с каждым часом собирают их во все большем количестве. Но какова бы ни была правда в отношении военной ситуации, в палате депутатов определились четыре четкие направления размежевания мнений. Часть депутатов выступала за торг с союзниками на основе отречения Наполеона в пользу короля Рима, поскольку это-де, по крайней мере, удержит Бурбонов за пределами Франции. Другие высказывались в пользу Орлеанской ветви королевского дома, тогда как третья группировка присоединялась к Люсьену и поддерживала идею круговой обороны Парижа. Была и четвертая группировка, состоявшая из людей, которые помогали осуществить революцию, когда Наполеон был еще лейтенантом артиллерии, и она советовала установить федеральную республику. Люсьен был послан туда, чтобы попытаться как-то ослабить волнение, и вскоре оказалось, что за годы отхода от политической жизни его искусство риторики не пострадало. План, или подобие плана, который возник из обсуждений имперских советников, сводился к тому, чтобы передать окончательное решение на усмотрение Комитета десяти депутатов, пять из которых должны были быть выбраны в каждой палате. Но когда депутат Лакост стал открыто нападать на Наполеона, настаивая на его немедленном удалении из страны, Люсьен прекратил жонглировать предложениями и поправками и бросился на защиту своего брата. В ответ на обвинение в том, что Франция теперь находится в распоряжении союзников, он закричал: «Что? Будем ли мы и дальше проявлять слабость, полагаясь на слова наших противников? Когда победа в первый раз была ненадежной, не клялись ли они в присутствии Бога и человека, что будут уважать нашу независимость и наши законы? Давайте же не попадаться во второй раз в ловушку из-за наших надежд и нашей доверчивости. Цель их при попытке разделить нацию и императора заключается в подрыве нашего общества, с тем чтобы покорить нас и с большей легкостью втянуть Францию в деградацию и рабство, от которых нас избавило его возвращение!» Это были веские слова, и в 1799 году они могли бы сделать погоду. Но теперь, однако, от ораторства Люсьена требовалось нечто большее, чтобы убедить депутатов,

что имя «Наполеон» не обязательно означает новый призыв на военную службу, новые захватнические войны, новые требования крови и поборы с нации. Слишком много молодых людей промаршировало, чтобы умереть в чужих землях, и многие из слушавших страстную речь Люсьена могли вспомнить, как коронованные особы Европы ссорились между собой, вместо того чтобы образовать союз против общего врага, генерала Бонапарта. Один такой человек, знаменитый Лафайет, который много лет назад боролся на стороне американских колонистов, напомнил своим коллегам о чрезмерных жертвах, которые понесла Франция ради удовлетворения амбиций человека, ожидавшего исхода этого обсуждения. «Вы обвиняете нас в невыполнении нашего долга перед Наполеоном, — спокойно говорил он. — А не забыли ли вы, что мы для него сделали? Не забыли ли вы, что мы следовали за ним по пескам Африки и по пустыням России, в то время как кости наших сыновей и братьев повсеместно подтверждают нашу верность?»

При этих словах все депутаты вскочили на ноги, и в возникшем вновь шуме никому не предоставлялась возможность склонить ассамблею в ту или другую сторону. Предложение утвердить Комитет десяти прошло, но вскоре стало очевидно, что большинство в палате потребует смещения Наполеона, если он не отречется от власти добровольно. Решимость Наполеона остаться у власти и нанести поражение союзникам была поколеблена, а когда палата сделала перерыв на час, чтобы дать ему время на размышление, Люсьен, будто внезапно поняв, что правит мертвой лошадью, признал, что дальнейшее сопротивление всеобщему возмущению бесполезно. Поддержанный Жозефом, он посоветовал принять отречение, и Наполеон, чьи нервы были уже на пределе, дал свое согласие. «Напишите этим господам, чтобы они успокоились, — заявил он. — Скоро они будут удовлетворены».

Итак, Люсьен начал писать. За годы, которые истекли с тех пор, как он отправился в ссылку в Рим, вместо того чтобы пожертвовать своей женой ради амбиций Наполеона, он приобрел большой опыт в литературном самовыражении. Теперь без какой-либо помощи или совета со стороны он сочинил акт об отречении, названный «Декларацией к французскому народу», и ни один документ, составленный под столь тяжелым эмоциональным стрессом, не мог быть более ясным и выразительным. Он был краток, но содержал все то, что нужно было упомянуть. Король Рима назначался преемником Наполеона, и предполагалось, что во время его несовершеннолетия будет править Совет регентства.

Заканчивался документ призывом ко всем работать ради безопасности и сохранения независимости Франции. Наполеон внимательно прочитал его и подписал безо всяких замечаний. Шел 22-й день июня. Прошло всего четыре дня с того времени, как под Ватерлоо началась канонада.

Но в итоге формальное самоотречение не было воспринято всерьез. Депутаты продолжали бесноваться, и никто не знал, что случится, когда Веллингтон и Блюхер появятся у ворот Парижа. Лишь некоторые решительные люди проявляли твердость профессиональных игроков, и одним из них был Фуше. Когда-то глава полиции Наполеона и бывший террорист Фуше уже давно забросил террористические убеждения и теперь был верным сторонником брата того человека, которого помог послать на гильотину. Обладая большим опытом искусства выживания, он видел, что ничто не может быть урегулировано, пока Наполеон остается в Париже. Его поддержал Талейран, еще один человек, обладавший искусством оставаться на плаву, когда другие тонули. Обменявшись мнениями, Фуше и Талейран убедили семью Бонапарта уехать в Мальмезон.

Наполеон не выдвигал никаких возражений. Он предложил свои услуги по командованию вооруженными силами временному правительству (пообещав уйти в отставку, как только они принесут победу), но когда его предложение было отвергнуто, он и несколько его приближенных уехали туда, где Жозефина принимала победителей 1814 года. Неотложная проблема сводилась к тому, куда же следует теперь отправляться императору. Блюхер клялся убить его, и даже наиболее смелые оптимисты из его окружения понимали, что король Рима никогда не будет править как Наполеон II. Но все же сохранились свидетельства преданности и неэгоистичности среди беженцев, которые собрались вокруг него в Мальмезоне. Были там Жозеф и Люсьен, а также мадам матушка и Гортензия, которая предложила зашить в свой пояс бриллиантовое ожерелье, и любовник Гортензии, теперь уже генерал де Флаот. Планы выдвигались, рассматривались и отвергались. Мистер Уиллинг, один из тех любопытных американцев, которые шныряли по сцене каждой европейской трагедии, предложил Наполеону паспорт камергера и специально построил большую бочку, где тот мог бы прятаться, пока американский корабль не пройдет опасную зону, но он не мог ничего предложить для близких Наполеона, и на этом основании его идея была отклонена. Она была бы отвергнута в любом случае. Трудно было ожидать от человека, которому льстили короли и императоры, что он облачится в костюм камергера и спрячется в бочке, наполовину заполненной

водой. Карл II весело осуществил такую шутку после Ворчестера, но Карл обладал большим чувством юмора.

Когда союзники уже стояли у ворот Парижа, не было смысла обсуждать различные возможности на могиле Жозефины в Мальмезоне. В замок уже прибывали депутаты с инструкцией держать Наполеона под неусыпным наблюдением, а Гортензия, на которую можно было положиться в деле исправления любой драматической ситуации, восклицала: «Боже мой! Неужели Наполеону предстоит стать пленником в Мальмезоне!» 29 июня, через четыре дня после прибытия императора в Мальмезон, он снова устремился в дорогу, на этот раз в Рошфор через Туре, Лимож, Коньяк и Сент. Путешествие это было небезопасным, хотя повторений буйства толпы, подобных тем, что он наблюдал во время поездки на юг в предыдущем году, не возникало, и провинциалы с уважением относились к нему. Люсьен не сопровождал его, так как он и мадам матушка решили возвратиться в Рим. До того как Наполеон сел в карету, которой предстояло везти его в последний раз через Францию, мать и сын с достоинством распрощались друг с другом. Они больше никогда не встречались, и в Сенте, у конца пути, Наполеон сказал «прощай» последнему члену своей семьи, Жозефу, который следовал за ним и был арестован и затем отпущен по дороге.

Если Ватерлоо было звездным часом Жерома, то это был час Жозефа. Старший Бонапарт уже начал разделять сомнения мадам матушки в отношении будущего и предпринимал собственные усилия для отъезда в Америку. Теперь же, когда Наполеон мучился сомнениями, что делать дальше и куда ему ехать, Жозеф выступил с предложением, которое показывает его, несмотря на его многие вопиющие провалы, как человека с характером. Указывая на сходство многих внешних черт между ним и Наполеоном, он предложил поменяться местами с братом: чтобы Наполеон взошел на американский бриг, зарезервированный для Жозефа, а сам он, переодетый в одежды сбежавшего императора, попытался бы пробиться через британскую блокаду в Атлантике. Наполеон был растроган, но он категорически отказался от этого предложения, и Жозеф уехал от него, но не в порт погрузки, а для того, чтобы оставаться поблизости, ожидая определенных новостей о судьбе своего брата. Только тогда, когда ему сказали, что Наполеон сдался капитану Мейтлэнду с корабля «Бельрофон», он покинул Бордо и взошел на борт своего брига, чтобы плыть в Чарлстон в Южной Каролине. Он пересек Атлантику в одиночестве. Никто никогда не смог убедить Жюли отправиться в подобное путешествие и присоединиться к своему мужу в изгнании.

Два французских крейсера ожидали Наполеона за пределами Ла-Рошели, и, если бы он мог получить охранное свидетельство, он смог бы немедленно выплыть, но в этом ему было отказано, а побережье кишело британскими военными судами, каждое из которых поджидало самый большой приз. Обсуждались различные планы, некоторые даже имели шансы на успех, но каждый из них подразумевал принесение в жертву его достоинства, а достоинство было всем, что теперь у него оставалось. Датский капитан предлагал ему проезд с группой морских кадетов, оборудовав небольшое судно с укрытой полостью, где можно было спрятаться в то время, как команда стала бы пробираться через строй кораблей противника. В конце концов он решил сдаться англичанам и послал своего камергера к принцу-регенту с письмом, обязуясь удалиться в провинциальное поместье на манер Люсьена после его захвата в 1811 году.

Камергеру даже не было разрешено сойти на берег, и капитан Мейтлэнд, хотя и проявлявший любезность, не мог дать ему иного обещания, кроме как сопровождать императора как пленника в Англию. Прошел уже месяц после Ватерлоо, и Бурбоны вместе со своими сторонниками нахлынули в Париж. Семья была снова разбросана. Жозеф находился на пути в Чарлстон с грузом бренди, Люсьен с мадам матушкой просили защиты у Папы, Жером, как беженец, в отчаянии метался по Франции, все три сестры и Луи находились в Италии, Гортензия размышляла о крушении своей судьбы и встречала пренебрежительное отношение со стороны своего бывшего покровителя, российского царя. 15 июля Наполеон с небольшой свитой ступил на борт «Бельрофона», и на следующий день этот корабль направился в Лизард. В Плимуте люди, которые почти двадцать лет считали себя в состоянии войны с ним, мальчишки и девчонки, которых учили относиться к нему как дьяволу, отправились на нескольких небольших лодках к стоявшему на якоре кораблю, чтобы поглазеть на корсиканского людоеда, чьим именем пугали их в детских. Он стоял на верхней палубе, размахивая своей шляпой, а они махали ему в ответ с возбужденными криками.

К тому времени Жозеф уже переплыл Атлантику, достигнув не Чарлстона, а Нью-Йорка, где, после того как его по ошибке приняли за Карно, был встречен с большой любезностью, и ему отвели лучший номер в городском отеле. Люсьену, мадам матушке, Элизе и Полине была предоставлена протекция дружелюбного Пия VII, который не пожелал выразить недовольство семье и оказал теплый прием всем ее членам. Луи

все еще был во Флоренции и не нуждался в защите, так как не играл никакой роли в последней авантюре. Жером же, который сражался под Ватерлоо и поэтому относился к другой категории, просил, пока что напрасно, пропустить его жену и сына в Вюртемберг. В период, непосредственно последовавший за Ватерлоо, именно будущее Каролины, королевы Неаполя, было более неопределенным, чем у остальных членов семьи, исключая узника «Бельрофона», так как Мюрат тоже стал беженцем, и королева в одиночестве готовилась приветствовать наследных правителей города.

Импульсивные нападки Мюрата на его новых австрийских друзей обернулись катастрофой. Если бы даже Ватерлоо закончилось победой для французов, сомнительно, чтобы гасконский король Неаполя смог избежать наказания за свое второе предательство. Как только Жозеф услышал о побеге Наполеона с Эльбы, он стал убеждать Мюрата связать свою судьбу с соотечественниками, но Наполеон проявил больший реализм, чем его брат. Он написал письмо Мюрату, предлагая гарантировать ему королевство в обмен на восстановление его лояльности к Франции при проявлении крайней осторожности в отношениях с Австрией. Мюрат же, как этого и следовало ожидать, предпринял драматический шаг, и 16 марта, всего лишь через две недели после высадки Наполеона во Франции, марионеточный король атаковал австрийцев и загнал их обратно за реку По. Уже на Святой Елене, размышляя о стремительных действиях Мюрата, Наполеон отмечал: «Сначала он сокрушил нас, покинув нас, а затем слишком тепло поддержал наше дело!» Это было верным заключением. Атака Мюрата разрушила любой шанс на то, что державы приняли бы возвращение Наполеона без возобновления войны, и вопреки блестящей тактике Мюрата его стратегические таланты походили на таланты возбужденного барабанщика. Оправившись от первоначального изумления, австрийцы перешли в контратаку, и вскоре неаполитанская армия Мюрата была рассеяна. Когда же ее руководитель галопом направился во Францию, ему следовало бы припомнить мнение Наполеона о неаполитанской армии: «Ты можешь одеть их в зеленое, красное или голубое, но они все равно разбегутся!» Мюрат достиг Франции и ожидал в Тулоне вызова в Париж, но туда пришло не обещание примирения, а сообщение о Ватерлоо. Почти в полном одиночестве он подыскивал себе убежище на Корсике, а в то же время Каролина делала все возможное, чтобы остановить прилив реакции в Неаполе, выезжая при парадах на лошади и одеваясь в форму Национальной гвардии. Ватерлоо, однако, лишило ее надежд на успех, и, когда гарнизон Неаполя

дезертировал, она последовала примеру своего брата и сдалась англичанам, ступив на борт «Тремендуса» и отправившись как пленница в Триест. По пути туда они поравнялись с судном, которому был отдан королевский салют. Оно везло короля Фердинанда, полоумного самодержца, чей трон занимали Каролина и Мюрат с того времени, как стали преемниками Жозефа в 1808 году. Каролина не осталась в Триесте, а была переведена в Вену, где получила титул герцогини Липонской. (Название Липона произошло от простой перестановки букв в слове Неаполь.) И там в конце октября она прочитала в газете историю последнего акта глупости Мюрата. Для нее это означало, что она стала вдовой.

Еще с того времени, как Мюрат бросился через Париж, чтобы заряжать орудия, необходимые Наполеону для разгона парижских толп в 1795 году, сын гасконского содержателя гостиницы считал себя дублером своего патрона. Путем женитьбы на Каролине он заручился преимуществом над другими маршалами, а когда стал королем, ничто не могло его переубедить в том, что он ровня Наполеону в искусстве управлять государством и в личном магнетизме. Такое заблуждение стоило ему жизни. Скрываясь на Корсике, он позволил своей фантазии задержаться на внезапном возвращении императора во Францию, и его рассудок стал заигрывать с драматической возможностью подражания отношению императора к тем войскам, которые были посланы, чтобы остановить его. Ему казалось, что это могло быть идеальной возможностью и для восстановления его трона, и он начал собирать отряд из местных бонапартистов для высадки в Италии. Как раз накануне его отплытия туда ему было передано письмо австрийского канцлера Меттерниха. Это был весьма покровительственный документ. В нем выдвигался ряд условий, при которых благожелательный император Австрии был бы готов принять его, но не в качестве короля, а как частное лицо, готовое оставаться на австрийской земле, не принимая участия в политической жизни. В виде подачки Франц добавлял, что, если Мюрат согласится с такими условиями, он может именовать себя герцогом Липонским.

Обездоленный, почти без средств, имея под своим командованием менее трех сотен бойцов, Мюрат все же оставался тем человеком, который когда-то водил в бой кавалерию Великой армии и въезжал как победитель в добрую половину европейских столиц. «Тюрьма, следовательно, будет моим приютом? — сказал он австрийскому эмиссару. — Тогда, кажется, мне не остается ничего, как умереть солдатом!» Он погрузился на лодки со своей

несчастной экспедицией и сошел с двадцатью восемью соучастниками на уединенный берег Калабрии, но его никто не встречал как местного Наполеона. Вместо этого гражданская охрана обрушилась на крохотный отряд, застрелив несколько человек, а остальных загнав в их лодки, и посадила бывшего командира кавалерии Великой армии под замок. Корсиканцы, которым удалось избежать первой стычки, умчались прочь, предоставив Мюрата его судьбе. С него сорвали все драгоценности, ранили в лицо, всячески оскорбляли и затолкали в замок Пиззо, закрыв там. Через четыре дня Мюрат предстал перед военным судом и был обвинен в измене. Вердикт был заранее предрешен. Вскоре после приговора он был поставлен лицом к стенке и расстрелян.

Самообладание не было присуще Иоахиму Мюрату на протяжении всей его жизни, но перед лицом смерти он проявил достоинство. Для его защиты был подобран капитан, но бывший король отказался помогать своим обвинителям в попытке придать процессу законный характер. Отказываясь от услуг офицера защиты, он говорил: «Это не процесс, а осуждение. Мои обвинители являются моими палачами. Я запрещаю вам говорить в мою защиту». А судье, который спросил его имя, он ответил: «Я Иоахим Мюрат, король Обеих Сицилий и ваш король!» В заключительном письме к своим четверым детям он заявлял: «Помните, кто вы есть, а не кем были». Это был лучший совет из тех, которые он им когда-либо давал. Мюрат оставался гасконцем вплоть до самого последнего момента. Когда мушкеты были подняты, он сказал: «Цельтесь в сердце, пожалейте лицо!» Похоронен он был в часовне, которую приказал построить еще в бытность королем. Так неаполитанские Бурбоны отделались от мужественного, импульсивного, добродушного глупца, человека, лишенного и суждений, и злых умыслов. Два месяца спустя в саду Люксембургского дворца был расстрелян другой знаменитый сорвиголова, маршал Мишель Ней, а когда приблизительно через год был опубликован отчет о поведении Нея во время русской кампании, дочь Людовика XVI воскликнула: «О, если бы только мы это знали!» Им следовало бы это знать. Они должны были обратить такие знания в свою пользу.

15 октября, примерно в тот же час, когда залп завершил жизнь короля Иоахима Неаполитанского, человек, во имя которого пали эти двое солдат, ступил на скалистый берег в Южной Атлантике, чтобы начать изгнание, которое длилось пять лет и восемь месяцев и закончилось его смертью в возрасте пятидесяти одного года. Из родни, которую он оставил за собой,

только Жером столкнулся с трудностями по выходу из последнего наполеоновского шторма.

После Ватерлоо Бурбоны не проявляли никакого снисхождения к человеку, который во время «Ста дней» присоединился к Наполеону. Жена Жерома Екатерина была фактически похищена секретной полицией, после того как ее муж покинул Триест, чтобы примкнуть к своему брату. А когда он попытался установить контакт с женой, положение его стало опасным, и велись разговоры, что он будет пристрелен подобно Мюрату и Нею. Покинул Париж он открыто, а вернулся туда тайно, укрывшись в доме корсиканского сапожника. В конечном счете благодаря услугам Фуше Жером обрел безопасность в Швейцарии и после некоторых проволочек получил разрешение на возвращение в Вюртемберг. Там король, позабывший благодеяния, которые он получал от Наполеона во времена, когда Франция была непобедима, обращался с Жеромом довольно грубо. Перед ним выдвигались условия, которые он должен был выполнять, если хотел жить с женой и сыном. Жером принял эти условия и после разлуки, продолжавшейся пять месяцев, воссоединился с женой в Эльгангене. Он получил титул графа Монтфортского и оставался в гостеприимном «плену», пока ограничения со стороны его тестя не стали столь невыносимыми, что он предпочел убраться из Вюртемберга и жить в Австрии. Несмотря на конфискацию имущества Бонапарта, у Жерома было теперь больше средств, чем когда он был королем Вестфалии, и поэтому он купил себе замок близ Вены и дом в Триесте, где обычно и проживал. Его доходы в период после Ватерлоо поступали из двух источников. После дней страха и ненависти Бонапарты стали получать некоторые субсидии от государства, а Екатерине удалось уговорить своего отца предоставить ей небольшое содержание. Потом ей посчастливилось приобрести дополнительную пенсию от своего кузена царя. Используя такие доходы, Жером вел вполне комфортный образ жизни, а Екатерина держалась от кредиторов на расстоянии. И она на дух не переносила даже слова критики в адрес своего мужа. Екатерина была счастлива, пока он оставался с ней. В Триесте у них иногда собирались компании. Элиза, в прошлом великая герцогиня Тосканская, а теперь графиня Компиньянская, в конце концов оставила своего мужа Фелиса и спасла свою личную собственность от полного краха. Будучи всегда практичной женщиной и располагая расчетливыми способностями своей матери, она жила теперь в богатстве и роскоши, и вполне вероятно, что Жером (который продолжал жить не по средствам) одалживал у нее деньги, когда не мог занять их у матери.

Преклонный возраст не ослабил ремешки на кошельке мадам матушки. На очередную просьбу своего беспокойного сына одолжить денег она ответила: «Нет! Делай как я! Экономь!» Такой совет Жером получал часто, но никогда не придерживался его. Вне зависимости от подобных долгов отношения между старшими и младшими членами семьи Бонапарт сохраняли нежность, и, когда Элиза лежала умирающей, именно Жером сидел у ее постели, поддерживая ее руку.

Жозеф, известный теперь как граф Сурвейлерский, был хорошо принят в Америке. Вскоре после прибытия он купил большое загородное поместье на берегах Делавэра близ Бордентауна в Нью-Джерси и начал интересоваться фермерством. Он также располагал большим состоянием, итогом расчетливых капиталовложений в Неаполе и Мадриде, и каким-то образом смог перевезти значительную часть своих капиталов в Штаты, где и вложил их в ценные бумаги и недвижимость. На недвижимости Жозеф потерял некоторые средства, но в целом процветал и смог купить в дополнение к своему поместью десять ферм, которые превратились в хранилище бюстов, статуй, картин и разного рода антиквариата. Всегда отличаясь хорошим вкусом, он мог полностью его удовлетворить, и вскоре предстал как наиболее процветающий и выдающийся гражданин Америки.

Люсьен нисколько не был наказан за свою донкихотскую поддержку Наполеона во время «Ста дней». Его тесная дружба с Папой оказалась весьма полезной, и он жил преимущественно в Риме, как и прежде, занимаясь литературой и археологией. К тому времени у него образовалась большая семья — две дочки от первой жены, пять сыновей и четыре дочери от второй. Оба брака были вполне счастливыми, так что в этом отношении он оказался самым удачливым из семьи, несмотря на длительную отчужденность, которая удерживала его вдали от шатавшихся тронов. Как писатель, он не создал ничего примечательного, но как археолог, сделал несколько ценных вкладов в исследование Тосканы.

Луи также проживал в Риме, где тратил все свое время на написание романов и исторических исследований, причем последние в основном касались голландцев. Он также написал оперу, трагедию, роман и книгу поэм, но не принимал участия в политической и общественной жизни и оставался в разлуке с Гортензией. В конце концов он заполучил своего старшего сына, Наполеона Луи, который прибыл к нему совершенно чужим мальчиком, и уделял много времени его образованию, женив в конечном счете на кузине Шарлотте, дочери Жозефа. Полина после «Ста дней» оставалась в Италии, а Каролина приводила в

порядок свою вынужденную резиденцию в Австрии. И вот к 1820 году представлялось, что семья Бонапарт проведет остаток своей жизни в приятной отставке. Так это и произошло с шестью ее членами. Только седьмой, Жером, продолжал жить и занял место среди седеющих ветеранов и вельмож, с помощью которых Наполеон III поддерживал империю, возведенную на героической памяти.

Вдали от всех, на Святой Елене, кадет-канонир, который когда-то вел детей революции от Лиссабона до Кремля и обратно, проводил свою заключительную и самую блестящую кампанию. Его наследник был узником, семья — группой пенсионеров, жена — любовницей одноглазого кавалериста, а его самого неустанно преследовали во время прогулок недреманное око караульных и злоба английских тюремщиков. Но он не впадал в отчаяние. Боролся с помощью слов, намеков, жалоб и показной продажи столового серебра для получения денег, в которых он не нуждался, а также упреков в адрес прекрасного климата, который, как он предполагал, сведет его в могилу. Некоторые полагали, что это была грязная и недостойная кампания такого выдающегося генерала, но для него она была единственным средством при жизни поддерживать интерес к своему имени, и она оказалась исключительно эффективной. Люсьен писал ему, передавая те новости, которые ему было разрешено слышать, и таким путем или по другим каналам он узнал о смерти своей сестры Элизы, первой смерти в семье.

Элиза серьезно заболела и умерла в Триесте 9 августа 1820 года в возрасте сорока трех лет. Жером, как рассказывают, ухаживал за ней и находился у ее постели четырнадцать дней и ночей. Она была наименее примечательной из семьи и самой близкой по характеру к своей дисциплинированной, скаредной матери. Узнав об этом печальном событии, Наполеон заметил: «Я думал, что смерть забыла нашу семью, но, поскольку она забрала Элизу, скоро и я последую за ней». У него всегда была склонность к фантастическим заявлениям, но эти слова оказались пророческими. Он последовал за ней в могилу через девять месяцев.

Постепенно Наполеон становился значительно толще, но его тучность не была вызвана внезапным прекращением исключительно активной жизни, которую он вел в прошлом. Он страдал от заболевания, которое лишило жизни его отца и которому предстояло свести в могилу других членов его семьи, — от рака желудка, и время от времени он испытывал сильные боли. К началу весны 1821 года Наполеон осознал приближение смерти и полностью примирился с этим. Он написал свое завещание,

огромный документ о распределении значительных сумм денег, которыми он не обладал, и к концу апреля его рассудок начал затуманиваться, периоды ясности перемежались с наплывом фантазий, и он отдавал приказы погибшим друзьям атаковать призрачные армии. У его постели за ним наблюдали врачи, сиделки, а также люди из прислуги, которые составляли его маленький двор, но хотя известие об ухудшении его здоровья и достигло континента, ни один из членов семьи не присутствовал при его кончине. Это случилось не из-за отсутствия желаний с их стороны. Полина, которая особенно любила его, умоляла английские власти разрешить ей приехать на остров Святой Елены и ухаживать за ним, как она это делала в 1814 году. И хотя ее собственное здоровье оставляло желать лучшего, она написала премьер-министру Англии, упрашивая его предоставить ей паспорт для незамедлительного присоединения к Наполеону. Екатерина, жена Жерома, тоже сделала такую попытку, но столь же безуспешно. Только в последний момент лорд Ливерпуль поддался на уговоры, и Полина получила разрешение отправиться в плавание, но к этому времени было уже слишком поздно. Еще до того, как были достигнуты соответствующие договоренности, пришло сообщение, что Наполеон мертв.

Такая весть потрясла всех: семью, маршалов, прежних подданных и его «тюремщиков». На протяжении целого поколения слово «Наполеон» вызывало призрак Апокалипсиса, солдатских колонн, пересекавших границы, скроенных и перекроенных карт, великолепия и нищеты, триумфов и смерти. И бюллетень с острова Святой Елены принес тем, кто родился до 1789 года, ощущение спокойствия, подобное внезапному прекращению рева бурного потока. Из всех тех, кто вздрагивал при воздействии гигантской личности, возможно, его братья и сестры были в числе первых, кто извлек выгоду из такой перемены. Напряжение, которое окружало их, почти сразу же ослабло, и ограничения, наложенные на них нервозными правительствами, были вскоре смягчены, так что они смогли передвигаться, более свободно принимать гостей и излагать на бумаге свои воспоминания за последние тридцать лет. И с этой новой свободой поднялся такой накал отраженной славы, что последний из них обрел новый вид популярности — прямой результат их взаимоотношений с титаном.

Жозеф в Нью-Джерси уже собрал вокруг себя миниатюрный двор из прежних камергеров и слуг, и там он мог бы и оставаться, если бы его обычные неудачи не преследовали бы его и через Атлантику. 4 января 1820 года большой дом, в который Жозеф вложил так много денег и вкуса, был уничтожен пожаром.

Американские соседи его владельца ухитрились спасти большую часть содержимого. За эти усилия они получили письмо с благодарностью, адресованное местному судье, Уильяму Сноудену. Жозеф был приятно удивлен быстрым возвращением вещей, спасенных от огня. Король Испании был близко знаком с такими опытными грабителями, как маршалы Сульт, Ожеро и Массена. Никто из них не упустил бы такую прекрасную возможность поживиться за чужой счет.

Через некоторое время после смерти своего знаменитого брата Жозеф принимал депутацию, предлагавшую ему корону Мексики. Ответ его привел в восхищение американцев. Он многозначительно заявил: «Я носил две короны и не сделал бы ни шага, чтобы носить третью! Каждый день, который я провожу в этой гостеприимной стране, доказывает мне со все большей ясностью прелесть республиканских институтов Америки. Сохраняйте же их как ценнейший подарок Неба!» Следовательно, он опять проделал полный круг, вернувшись назад, в тот день, когда разгневал Наполеона, прогуливаясь по улицам Парижа «в круглой шляпе, коричневом сюртуке и превознося достоинства республиканизма». Но он был немного разочарован, когда после парижской революции 1830 года французский парламент заменил Карла X членом Орлеанской ветви семьи, а не обратился к дому Бонапартов. Семье все еще было запрещено возвращаться во Францию, и после смерти от чахотки в 1832 году сына Наполеона Жозеф посетил Англию, где к нему присоединились Люсьен, Жером и его племянник Луи Наполеон. Теперь он уже стал реальным, так же как и титулованным главой семейства, и трое братьев обсуждали будущее и вопросы дня, причем Жозеф сопротивлялся попытке изгнать орлеанцев. К тому времени число членов семьи сократилось с восьми до пяти. В 1825 году в доме своего мужа Камилла Боргезе умерла Полина. На ложе смерти она примирилась со своим мужем, который разделял ее безрассудства, когда они подобно принцам Ренессанса жили в Турине и растрачивали свой большой куш на праздники, маски и всяческие развлечения. Когда ее неистовые попытки получить разрешение присоединиться к Наполеону на острове Святой Елены закончились в связи с его смертью, Полине было сорок лет, но она все еще оставалась красивейшей женщиной своего времени. И она вернулась к своим развлечениям и удовольствиям, заполнявшим ее жизнь с тех пор, как ей удалось бежать от ужасов кампании в Санто-Доминго. С Камиллом она в конце концов разошлась. Он удалился в свой прекрасный дворец во Флоренции, она — в столь же прекрасный дом в Риме, где и развлекалась сверх меры. Ее вилла стала местом отдыха каждого

расточительного человека в городе. У нее было два дома в Риме — дворец Боргезе и вилла поменьше, названная Виллой Полины, и оба они были знамениты своей элегантной и дорогой обстановкой. Каждую неделю без исключений Полина выступала хозяйкой впечатляющего бала, концерта, вечеринки или пьесы, и ее экстравагантность, должно быть, пугала мадам матушку, которая проживала поблизости и все еще призывала своих детей проявлять экономию. Одним из наиболее частых гостей Полины в то время был престарелый кардинал Феш, сводный брат Летиции, который всегда тянулся к своим племянникам и племянницам и поддерживал их интерес к играм. У кардинала был талант выживания, такой же как у Талейрана, и он невозмутимо преодолевал любой кризис. Очень немногие могли бы противостоять кардиналу Фешу, который был вкрадчивым, радушным и исключительно терпимым в отношении слабейших из его паствы, но в своем возрасте проявлял упорство, которое привело бы в замешательство противников бонапартистов. К примеру, он категорически отказался после падения Наполеона возглавить архиепископство Лионское, и Бурбоны были вынуждены через его голову назначить на этот пост эмигранта, аббата де Роана. Папа тогда запретил Фешу осуществлять духовную юрисдикцию в его бывшей епархии, но пожилой человек никогда особенно не интересовался духовными ошибками, своими собственными или чьими-либо еще. Он продолжал считать себя подлинным архиепископом Лионским и пополнял свою замечательную коллекцию картин, пока она не заняла три этажа его дворца в Риме. Вкус его был безупречен, он охватывал работы итальянских, голландских и фламандских мастеров. Располневший, либеральный и совершенно лишенный затаенной вражды, он обретал популярность везде, куда бы ни поехал, и после приемов у Полины на его компанию возник большой спрос.

В начале 1825 года Полина, которой уже минуло сорок пять лет, серьезно заболела и была отвезена в Пизу для принятия ванн. Воды не смогли восстановить ее здоровье, и по мере того как оно ухудшалось, у нее развилось чувство вины по отношению к Камиллу. Полина стала упрашивать, чтобы ее отвезли к нему. Боргезе, должно быть, был смущен ее предсмертной жалостью, но он удовлетворил ее просьбу, и она была перевезена в его дворец во Флоренцию умирать (как тогда говорили) в объятиях человека, чей характер был столь схож с ее собственным.

Двое из сестер умерли, а Каролина продолжала жить изгнанницей в Австрии, и ей было строго запрещено ступать на французскую или итальянскую землю. Наполеон смог в своей

душе простить Мюрату его предательство, но мадам матушке было трудно проявить такой же дух прощения в отношении ее младшей дочери. Когда после второй реставрации семья воссоединилась в Риме, она отказалась принять бывшую королеву Неаполя и не смягчилась даже по истечении некоторого времени. В последние годы ссылки Наполеона на Святой Елене Каролина писала матери из Вены, запрашивая у нее заем. Ей было отказано со следующим замечанием: «Все деньги, которые у меня есть, предназначаются для Наполеона! Ведь это от него я их получила!» Частичное примирение произошло только через несколько лет, когда казалось, что мадам матушка умирает. Каролина получила разрешение нанести ей визит, продолжавшийся около месяца. Когда этот месяц прошел, она вернулась в Австрию, где и продолжала жить в стесненных условиях. Бурбоны конфисковали всю ее французскую собственность, и Фердинанд Неаполитанский захватил все оставленное ею в Италии как награбленное на войне, так что Каролина оказалась без постоянного дохода. Она, однако, не могла смириться с нищетой. Когда королем Франции стал Луи Филипп, проявлявший большее снисхождение к бонапартистам и разрешивший вновь воздвигнуть статую Наполеона на Вандомской площади, Каролина воспользовалась таким его настроением и поспешила в Париж, где, как сестра бывшего императора, предъявила претензии на государственную пенсию. Ко всеобщему удивлению, она получила ее. Палата депутатов проголосовала за предоставление ей суммы, эквивалентной 4000 фунтам стерлингов в год. Она с триумфом вернулась в Италию если не как королева, то как женщина, которая могла себе позволить хорошо одеваться и снова появляться в благородном обществе. Но ей не пришлось долго радоваться своей удаче. 18 марта 1839 года Каролина умерла во Флоренции в возрасте пятидесяти семи лет, погоревав за всех Бонапартов. Вероятно, ее мать в конце концов простила ей предательство 1814 года. Но бонапартисты, припоминая ее огромное влияние на мужа, продолжали взирать на нее как на предательницу, вина которой была намного большей, чем вина человека, который погиб в Пизе с ее портретом на шее.

Когда умерла последняя из дочерей Летиции, их матери уже три года как не было в живых. Со времени своего отъезда в Рим после Ватерлоо пожилая женщина разделяла жилье с кардиналом Фешем в палаццо Фальконьери. Она не участвовала в общественной жизни и никого не принимала, кроме членов своей семьи и немногих старых друзей. В любое время она могла бы

вернуться во Францию, но отказывалась принимать такое милосердие, пока хотя бы одному из ее детей запрещалось приближаться к Парижу. Все уважали ее, и, хотя Летиция все еще была предрасположена к скупости, она была хорошим другом для местных бедняков. Пережила она своего мужа Карло более чем на пятьдесят лет, а своего знаменитого сына — на пятнадцать. Антоммарчи, хирург, который присутствовал при кончине Наполеона, по возвращении в Европу нанес ей визит, и она заставила во всех деталях описать последние часы ее сына. К концу жизни зрение ее стало слабеть, но она оставалась стройной, живой и преисполненной достоинства женщиной, которое не унаследовал никто из ее сыновей или дочерей. В восьмидесятилетием возрасте в ней сохранились следы ее необыкновенной красоты, а лицо никогда не теряло тех строгих черт, которые были ей присущи на протяжении всей жизни. 22 февраля 1836 года она умерла, как и жила, спокойно, без суеты. Это произошло на восемьдесят шестом году ее жизни.

Через год после смерти матери Жозеф, которому теперь было почти семьдесят, вернулся в Америку, но по мере старения он начал тосковать по родине и после краткого пребывания в своем перестроенном доме в Бордентауне благополучно вернулся в Европу, где посетил Англию и Германию, пытаясь укрепить здоровье и изучая со своим племянником, младшим ребенком Гортензии, возможность возрождения интересов Бонапартов. На следующий, 1840 год он перенес паралич и, испробовав несколько лекарственных средств, отправился на юг Италии, чтобы возобновить там прерванную уединенную жизнь с Жюли и своими братьями. Затем он получил разрешение устроиться во Флоренции, где принялся было поправлять здоровье, но потерпел неудачу и пал духом. Время от времени в нем поднималось возмущение несправедливостью Бурбонов, сохранявших приговор об изгнании братьев Бонапарта, и он, вероятно, счел бы за приятный сюрприз, если бы ему было разрешено вернуться умирать во Францию. Люсьен и Жером часто виделись с ним, но Люсьен раньше него сошел в могилу, встретив смерть в Витербо в 1840 году.

Последние годы Люсьена были приятными и лишенными событий. Пламя революции давно уже выгорело в нем, и в свои последние годы он посвящал время раскопкам этрусского города Ветулонии, который случайно был обнаружен на территории его поместья. Он держался в стороне от политики, и его краткое выступление в 1815 году оказалось для него последним опытом ораторского искусства. В 1831 года в папских государствах произошел мятеж, но Люсьен всячески старался держаться в

стороне от него и призывал свою семью поступать таким же образом. Он пережил достаточно всяких революций и восстаний и, преодолев столь много взлетов и падений, не был расположен в преклонном возрасте бросать вызов судьбе. Умер он 29 июля 1840 года уважаемым, вызывающим зависть и в какой-то мере почитаемым своими коллегами человеком. За исключением Наполеона он был самым талантливым из братьев и сестер. Но любовь со стороны близких вызывалась не его способностью произносить страстные речи или его несомненным даром в области литературы и государственного управления, а тем фактом, что он однажды принес в жертву свое материальное продвижение, чтобы остаться верным второй жене. Возможно, что его брат Жером размышлял об этом на похоронах Люсьена.

Жозеф, доживший до возраста семидесяти шести лет, умер во Флоренции 28 июля 1844 года, через четыре года после возвращения в семью. Его тоже оплакивали друзья, большинство из которых забыло о его деятельности как короля всех испанцев. Не может быть никакого сомнения, что, если бы Наполеон не был его братом, Жозеф вел бы спокойную, организованную и ничем не примечательную жизнь и в XIX веке никто бы о нем ничего не услышал. В течение двадцати девяти лет ему был запрещен въезд во Францию, и он никогда не прекращал жаловаться, что злоба Бурбонов принудила многих патриотов умирать в ссылке. Единственная из всей семьи мадам матушка получила разрешение вернуться. «Я с готовностью сделаю это, когда такое же разрешение будет предоставлено моим детям!» — говорила она неоднократно после смерти Наполеона в 1821 году.

Обе дочери Жозефа вышли замуж за своих кузенов, одна — за старшего сына Люсьена, другая — за старшего сына Луи, который мог бы стать Наполеоном III, если бы не умер в 1830 году. Приятно отметить, что Жюли, верная, хотя и неприметная жена, была его компаньонкой в годы его упадка. Пять десятилетий прошло с тех пор, как приданое Жюли Клари спасло Бонапартов от нищеты, а теперь деньги, которые помогали Элизе и Полине не умереть с голоду, вернулись к ней, так как Жозеф оставил все, чем располагал, Жюли и ее дочерям.

Оставалось только двое из первоначальной семьи, но вскоре, 25 июня, менее чем через год после кончины Жозефа в Легхорне, на шестьдесят шестом году жизни умер непримиримый инвалид Луи. Года спада Луи не были свободны от домашних раздоров, которые мучили его со времен юности, но хотя его рассматривали как последнего повстанца в семействе, он пережил всех, за исключением Жерома. Неприятности Луи под конец жизни были вызваны беспорядочным поведением его младшего сына, Луи

Бонапарта, который после смерти отца стал главой семейства и в конце концов преуспел в восстановлении состояния Бонапартов и в основании Второй империи. Любимец Луи, его второй сын, которого он оставил в Голландии, когда в 1810 году отказался от голландского трона, умер в Форли в тридцатых годах, и смерть этого молодого человека послужила причиной глубокого горя для его отца, который рассматривал его в качестве принца, наиболее подходящего для восстановления прежней славы фамилии Бонапарт. Третий сын, появившийся в результате последнего усилия Наполеона примирить Луи и Гортензию, уже предпринял две неудачные попытки обрести императорскую корону, причем последняя из них закончилась его арестом и заточением в тюрьму в Хаме. Луи с присущим ему пессимизмом рассматривал обе эти попытки как смехотворные эпизоды, но был глубоко расстроен отказом английского и французского правительств позволить сыну посетить отца в его предсмертный час. Согласно завещанию тело его должно было быть перевезено во Францию и погребено в его поместье в Сен-Льё, и разрешение на это было получено, причем большой группе бонапартистов позволили присутствовать на похоронах. Прошло так много лет с тех пор, как Наполеон наводил ужас на коронованных особ Европы, что ограничения для семьи были достаточно смягчены, чтобы позволить большому числу потомков второго поколения посмотреть на погребение Луи. Другим признаком новых времен стало присутствие на похоронах ветеранов Старой гвардии, причем очень немногие из них, вероятно, были для Луи собратьями по оружию, когда он кинулся через мост Арколы, чтобы спасти человека, который завоевывал Италию.

Из всех членов семьи Бонапарта Луи был единственным, чьи ранние посулы осуществились в наименьшей мере. Как одинокий мальчик, разделявший со своим братом жилище в казармах, а потом, уже взрослым, бок о бок сражавшийся с ним в Италии и Египте, Луи мог бы стать любимцем своего брата, если бы по природе своей он не был столь подозрительным с заметным налетом упрямства. Именно по этой причине Наполеон принял сторону Гортензии в унылой семейной склоке, которая, так или иначе, продолжалась на протяжении всей их жизни. Защитники Луи оправдывают его неловкость и пессимизм плохим состоянием здоровья, и для этого могут быть основания, поскольку, по всей вероятности, еще в юности он подхватил сифилис и всю жизнь страдал от последствий этого заболевания. Озлобленность Луи в отношении его друзей и врагов отдалила его от братьев и сестер. Даже Каролина, наиболее схожая с Луи, ссорилась со многими из-за денег, но Луи, казалось, выходил из себя исключительно затем,

чтобы приобретать врагов.

Гортензия умерла более чем за восемь лет до Луи на своей вилле в Аренембурге на берегу озера Констанце. Она была замешана в участии ее сыновей в мятеже в папских государствах (мятеже, который Луи старательно игнорировал), и, когда старший из двух мальчиков умер, выживший был выдворен в Америку. К тому времени Гортензия написала свои мемуары, и чувства, выраженные там, вряд ли могли понравиться Бурбонам. Она всегда была фанатичной бонапартисткой и оставалась ею, превознося славу империи на каждой странице, которую она не посвящала осуждению Луи как мужа или оправданию себя как израненной жены. К этому времени она подарила сына своему любовнику де Флаоту, хотя подлинный родитель мальчика никогда не был открыто признан. Этот ребенок, родившийся вскоре после отречения Луи, вырос, чтобы стать герцогом де Морни и сыграть заметную роль в образовании Второй империи. Он был талантливым молодым человеком, и это неудивительно, так как его предполагаемый отец де Флаот определенно был незаконным сыном Талейрана, да и сам он происходил из рода Богарне и располагал действительно примечательной родословной. Во время своего уединения Гортензия занималась живописью и музыкой, а когда она умирала, ее сыну было разрешено приехать с визитом в Европу. Он прибыл как раз накануне ее смерти и устроил так, чтобы Гортензия была похоронена рядом со своей матерью, которую она обожала, в часовне близ Мальмезона.

Теперь Жером оказался в одиночестве, последний оставшийся в живых из беженцев, которые летом 1793 года высадились в Тулоне. Он был тучным человеком шестидесяти двух лет, причем сардоническое выражение его лица указывало на распутный образ жизни. Случайная встреча в картинной галерее Флоренции на один-единственный момент подняла завесу, которая опустилась на молодость Жерома в 1803 году. Используя преимущества относительной свободы передвижения после смерти Наполеона в 1821 году, Жером со своей женой Екатериной вернулся в Италию. Они созерцали картины во дворце Питти, когда мимо прошла нарядная женщина, поглощенная таким же занятием. Жером внимательно посмотрел на нее, но незнакомка прошла мимо, не бросив на него взгляда и не промолвив ни слова. Это была Елизавета Патерсон, балтиморская девица, на которой женился после вихря бурных ухаживаний молодой лейтенант Бонапарт, когда им обоим было по двадцать лет. Некоторые были бы ошеломлены этой случайной встречей, но Жерому приходилось переживать и худшие удары судьбы. С улыбкой он показал на

удалявшуюся женщину и заметил: «Видишь ту женщину, дорогая. Это Елизавета, моя американская жена!» Никто не записал, что сказала ему в ответ его верная Екатерина.

С течением времени и общей разрядкой политической напряженности в Европе Жерому и Екатерине было разрешено с большей свободой разъезжать по Италии и проводить там больше времени. Жером никогда не терял надежды получить опеку или контроль над своим сыном от Елизаветы Патерсон. Попытки установить опекунство над мальчиком провалились еще в его бытность королем Вестфалии, и обиженная мать ребенка продолжала ревностно удерживать его, будто он служил доказательством того, насколько близко она подошла к положению имперской принцессы. Время от времени Елизавета посещала Европу. В свою третью поездку она взяла с собой молодого Жерома Наполеона и направила его в школу в Женеве. Елизавета продолжала некоторое время оставаться в Италии, и на каникулы он приехал к ней. Теперь ему было шестнадцать лет. Большая часть семьи Бонапарт еще жила в Риме, и, когда возникла идея, чтобы он нанес им визит, никто не возражал. Юноша заходил к мадам матушке, своей бабушке, к своим дядям, Люсьену и Луи, и даже посетил печально известную тетю Полину. Они тепло принимали его и отзывались с похвалой о его поведении, внешнем виде и приятных манерах. Мадам матушка признала его как старшего сына Жерома, и даже пошли разговоры о его женитьбе на Шарлотте, старшей дочери Жозефа, которая позднее вышла замуж за другого своего кузена. Осведомленная о неблагоразумии его отца, Летиция упорно настаивала, чтобы мальчику была подобрана невеста с большим приданым. И когда такой проект подвергся обсуждению, Камилл Боргезе (который все еще выплачивал Полине значительное содержание) обещал выделить ему по своему завещанию 300 000 франков. Из этого плана, однако, ничего не вышло, и в конце концов Бо, так стал известен этот мальчик, покинул Европу, чтобы на протяжении трех лет учиться в Гарварде. Только в 1826 году, когда Жерому было уже свыше сорока лет, он повстречался со своим американским сыном. И когда эта встреча, организованная по желанию Жерома, состоялась в Риме, Елизавета оставалась во Флоренции. Бо написал домой своему брюзгливому дедушке: «Отец мой принял меня с большой сердечностью и относился ко мне с предельной добротой и любовью…» Но несмотря на такой прием, молодой человек ощущал тоску по дому в Штатах и говорил, что не хотел бы остаться в Европе. Должно быть, он был наблюдательным юношей, так как к своему письму домой он добавил приписку, которая вызвала немалое удовлетворение у

его деда. «Каждый из Бонапартов, — проницательно отмечал он, — живет не по средствам, за единственным исключением бабушки!» Три года спустя он женился в Америке, но Бонапарты видели его тогда не в последний раз. В 1854 году, когда Наполеон III занял императорский трон, он вернулся опять, на это раз с подросшим собственным сыном, также названным Жеромом. Сводный брат Бо, старший сын Жерома от второго брака, проявил такую ревность к благоприятному впечатлению, произведенному американцами на императора, что постарался добиться их высылки из Франции, и законнорожденность Бо никогда не была признана при французском дворе.

В годы, непосредственно следовавшие за утверждением Второй империи, когда Жером смог опять вернуться к своему миропониманию, ему удалось убедить итальянское общество, что он все еще король, хотя и лишенный королевства. Вестфалия рассыпалась, но Жером представлял себя как жертву временных изменений, и в основном его блеф имел успех вопреки замечанию одного из наблюдателей того времени, что он был не более как уволенным по старости сердцеедом.

Старший сын Жерома от Екатерины, родившийся в печальные дни 1814 года, получил образование в Сиене, и отец поощрял его носить вместо пуговицы значок с изображением короны Вестфалии. Он так же свободно, как и прежде, расточал деньги, закладывая две пенсии своей жены, и легко занимал деньги у любого, кто не мог противостоять его лести. Для него была построена дорогостоящая вилла на берегу Адриатики, где он продолжал развлекаться с многочисленными любовницами, хотя это и не вызывало у Екатерины особого беспокойства. В 1835 году удача вновь покинула его. Добрая Екатерина умерла, до последнего момента сохраняя свою любовь к нему. «Больше всего в этом мире я любила тебя, Жером», — будто бы сказала она ему перед смертью. Жером никогда столь же не любил ее, но впал в отчаяние от ее смерти, ибо в дополнение к утрате верной подруги, которая поддерживала его при всех неприятностях, он также потерял свои пенсии и вскоре оказался в стесненном положении. Он продал виллу на Адриатике, когда его враги вынудили его уехать на север во время папского мятежа, а его хозяйство во Флоренции также было выставлено на продажу для уплаты некоторых из его долгов. Когда умерла мадам матушка, она оставила ему значительную часть своих накоплений. Но хотя ее завещание включало и долю в золотом обеденном сервизе, этого было недостаточно, чтобы дать возможность Жерому сделать хотя бы один шаг вперед для упреждения своих кредиторов. На следующий год, однако, следуя образцу, который

часто мелькает в жизни неисправимых растратчиков, кривая его судьбы снова взлетела вверх, подталкиваемая браком его дочери Матильды с богатым русским вельможей, а потом и его собственной третьей женитьбой на столь же богатой флорентийской вдове Марчезе Бартолини-Баделли.

Марчеза в свои сорок лет выглядела очень хорошо и была весьма терпимой. И хотя Жером ничего не мог предложить ей, кроме горы долгов и довольно увядшего шарма, она согласилась на морганатический брак. И вот он снова мог вести себя подобно принцу, а в 1847 году поступило сообщение, которого Жером ожидал со времен Ватерлоо. Запрет для ссыльных был отменен, и Луи Филипп в последний год своего правления разрешил Жерому, последнему из Бонапартов, вернуться на родную землю.

Он прибыл туда как раз ко времени революции 1848 года и с готовностью издал прокламацию, которая воздала бы честь поведению Люсьена во время республиканских дней. «Господа, — провозглашалось в ней, — нация разорвана договором 1815 года! Старый солдат Ватерлоо, последний брат Наполеона возвращается в этот момент к истокам своей великой семьи! Время династий для Франции прошло. Закон об изгнании, который придавливал меня, пропал с последним из Бурбонов. Пожалуйста, члены временного правительства, примите мои заверения в уважении и преданности!» Затем он сел и написал письмо королю Вюртемберга и подписал его «гражданин Бонапарт».

С тех самых пор Жером как бы отправился в свободное плавание. Для старого солдата Ватерлоо республиканцы вряд ли могли сделать меньше, чем назначить управляющим Домом инвалидов. Почетная должность привела его в восторг, равно как и причитавшееся ему жалованье. Оно составляло 45 000 франков в год. Племянник его, Луи Наполеон, единственный выживший сын Луи и Гортензии, был провозглашен президентом новой республики, и Жером стал набивать карманы дополнительными 12 000 франками в год в качестве восстановленного в звании генерала. Обретя уверенность в своем социальном, политическом и военном статусе, Жером пустился в свое бабье лето романтических приключений, и, хотя ему уже минуло шестьдесят пять лет, он доказал своим итальянским критикам, что был далеко не «стареющим сердцеедом». Но его любовные интриги, сколь бы они ни требовали усилий, не занимали все его время. Иногда в мужской компании он покровительствовал причудливым театральным представлениям, и однажды, занимая в театре ложу, смотрел пьесу «Наполеон при Шенбрунне», в которой была сцена, где бывший император поучает своего

расточительного младшего брата. Исполнители, услышав о присутствии в зале Жерома, были перепуганы до умопомрачения, но вскоре смогли успокоиться — Жером умирал со смеху.

Ему воздавались почести как принцу империи, о нем складывались легенды как о выжившем с тех дней, когда французские уланы штурмовали под градом крупной картечи Сьерра-Сомо или пересекали Дунай, чтобы побить австрийцев под Ваграмом. Единственный день его славы под стенами замка Угумон вылился в продолжавшуюся всю жизнь военную карьеру, и, когда рассказы о его доблести на полях сражений ставились под сомнение какими-либо циниками, всегда находилась масса анекдотов о его приключениях на море. Теперь в нем вряд ли можно было обнаружить следы от того вкрадчивого малого, который пленил Елизавету Патерсон и так красиво выглядел в форме морского лейтенанта. Волосы его поседели, черты лица обрюзгли и тело выпирало из-под его атласного пояса. Но сердце все еще оставалось молодым, и в глазах сохранялись озорные искорки. Мальчишка, который, казалось бы, никогда не повзрослеет, был теперь старым распутником, которого уже никто не хотел изменить. Новый император, который сам пользовался большим успехом у женщин высокого положения, поглядывал на своего дядюшку с забавным почитанием, и все, маршировавшие с великим Наполеоном через пики Альп и через топи Польши, с уважением относились к старому распутнику.

В конце концов в возрасте семидесяти пяти лет он начал увядать, и, когда в замке под Вилиженисом его настигла смерть 24 июня 1860 года, Париж скорбел о нем как о последнем звене, связывавшем его со славным прошлым. Жерому были обеспечены государственные похороны, и каждый заслуженный ветеран и сановник империи подходил к могиле, чтобы отдать ему последнюю дань уважения. Развратник, не вызывавший доверия, постоянный растратчик чужих денег, вероломный муж двух жен и предатель третьей, Жером, как можно сказать с уверенностью, был крупнейшим неудачником из всех членов семьи. И все же его неотразимое очарование и опрометчивость дошли в портретах и мемуарах до наших дней, и все убеждены в том, что при необходимости выбора из восьми Бонапартов Жером оказался бы более предпочтительным для роли доброго компаньона, чем кто-либо из его братьев и сестер, включая человека, чей вспыльчивый гений держал в напряжении всю Европу в течение девятнадцати лет.

Эпилог

Истекло почти два века с тех пор, как причудливая семья на какое-то время захватила внимание каждого, кто знал ее членов или слышал о них. Через два века войн, революций и так называемого прогресса мы в состоянии беспристрастно взирать на их деяния: на тяжелую, подобострастную осанку Жозефа, на хриплые призывы Люсьена к массовой истерии, на ворчливые жалобы Луи, на сумасбродные выходки Жерома, на жадность и эгоизм Каролины, на постоянную погоню за властью со стороны Элизы, на крайне экстравагантные развлечения Полины, — и они предстают перед нами тем, чем и были, — проказами лишенных положения детей, надеющихся привлечь немного внимания и немного уважения. В век машин, когда переходящая власть принадлежит людям, способным одним нажатием кнопки уничтожить миллионы жизней, они кажутся нам столь же безобидными, как группа клоунов. Не следует забывать, однако, что взамен денег и власти каждый из них был готов и хотел привнести яркость и блеск в свое окружение. Это больше того, что может быть сказано о президентах и премьер-министрах, которые выпрашивают наши голоса в оговоренные интервалы и предоставляют нам взамен максимальное количество клише за минимальный объем безопасности.

notes

Примечания

1

Человеком бездеятельным, рассчитывающим на лучшее будущее. Персонаж из произведения Диккенса «Давид Копперфилд». *(Примеч. ред.)*